

ПИОНЕР

ИЮНЬ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1968 г.

Хорошо идти в строю!

Когда я,
Когда я иду один,
Пусть даже я лезу в гору,
Никто мне
Не станет мешать в пути —
И я продвигаюсь скоро.

ПРИПЕВ:
А можно идти в строю —
Бывает ходьба такая,
Тогда доверяю я скорость
свою,
Товарищам доверяю.

Когда я,
Когда я брожу в толпе,
Я двигаюсь тихо-тихо,
Мешает,
Мешает моей ходьбе
Большая неразбериха.

ПРИПЕВ.

Слова
Н. ГЛАЗКОВА.

Музыка
В. БОГАНОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ
и Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации имени В. И. Ленина

ИЮНЬ 6

Издательство «Правда»

1968 г.

Один поворот Ключа—и открыт первый летний номер. И разбежались во все стороны дороги, притаились на дорогах удивительные приключения, за ночь выросли палаточные города.

И уже прилетают в журнал известия о первых пионерских путешествиях.

По пути дружины князя Игоря ведет ребят в поход старейший проводник — «Слово о полку Игореве».

А куда лежит твой путь, читатель?

Очерк АРКАДИЯ ЛЕВИНА

«БРИЗ, ПРИЗ и что из этого вышло»

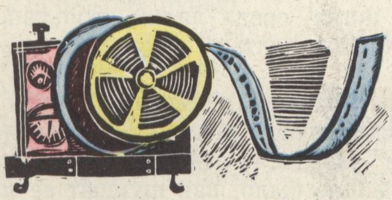
**познакомит тебя с небольшим подмосковным государством.
Мудро правит им Совет безбородых старейшин.
Всю свою сознательную жизнь воюет это государство
против скучных Мероприятий.
А что за война и чем она кончилась,
ты узнаешь, когда прочтешь очерк.**

Разве свет костра хуже,
чем свет театральных прожекторов?
Шире круг — и сцена готова.
Прямо у костра можно поставить
пьесу-шутку В. ПАНКОВА «Один за всех».

И веселые стихи у костра прозвучат веселее.
Вслух можно прочесть и рассказ
Б. МЕДОВОГО «Наш Обожаемый Кузя».
Между прочим, автор его был немногим больше тебя, когда стал плавать на корабле юнгой.

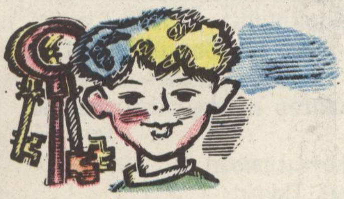
Но у тебя тоже есть возможность
отправиться в плавание немедленно.
Ведь экипаж «КОРАБЛИКА»
не укомплектован полностью.

Будешь читать сказку А. ШАРОВА
«Мальчик-Одуванчик и три ключика»,
пожалуйста, не забудь, что
мальчик, может быть, Одуванчик,
а может быть, просто Петя
и история случилась, может быть, с ним,
а может, с тобой.

Ведь с каждым бывает: мог помочь бабушке,
а удрал играть в футбол,
был ужасно занят и не заметил,
что приятелю плохо,
девочку обидел грубостью.
Тебе тогда казалось, что это пустяки...

Ключ просит тебя:

**прочтешь сказку и подумай о ней как-нибудь
вечером. Правда, ты можешь сказать:
просто Ключ встретил в сказке три ключика
и обрадовался,
но, честное слово, есть в сказке что-то,
о чем хочется подумать.**

А. Шаров

Мальчик-Одуванчик и три ключика

СКАЗКА

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Жил на свете мальчик, и у него была бабушка — старая добрая черепаха. Жили они на опушке леса. А звали мальчика Мальчик-Одуванчик, потому что у него была круглая, очень пушистая голова.

Раз Мальчик-Одуванчик проснулся среди ночи; ему показалось, будто кто-то зовет его красивым, звонким голосом:

— За мною! Скорее!

Мальчик собрался выбежать из дому, хотя было совсем темно и страшно, но Бабушка-Черепаха остановила его:

— Будь терпеливей! Это южный ветер летит в южную страну. Ты маленький, тебе рано в дальнюю дорогу. Спи спокойно.

Мальчик послушался и снова уснул.

Прошло неизвестно сколько времени. И мальчику снова среди черной ночи почудилось, будто кто-то зовет его, торопит:

— Лети с нами! Скорее!

Мальчик выбежал из дому.

Далеко в высоте летели птицы, стая за стаей.

Мальчик-Одуванчик взмахнул руками.

Но он не поднялся в воздух.

Не все мальчики умеют летать.

Он стоял на опушке леса и смотрел вслед птицам.

Бабушка-Черепаха нашла его, увела домой и уложила в теплую постель.

— Спи спокойно. Ты еще маленький. Придет и твое время, ты увидишь страны, куда летел ветер, и страны, куда торопились птицы. И другие страны, куда не долетают ни ветер, ни птицы.

— Когда же придет это мое время? — нетерпеливо спросил Мальчик-Одуванчик.

— Скоро! — ответила Бабушка-Черепаха. — Тебя позовут гномы. Ты еще немного подрасти, они тебя позовут.

И однажды ночью это случилось.

Бабушка-Черепаха разбудила мальчика.

— Слышишь? — спросила она.

Мальчику показалось, что все тихо.

А потом он прислушался, и до него донесся серебристый звон.

— Одевайся потеплее, не забудь надеть шарф, — торопила бабушка.

Они вышли из дому и пошли по полю; бабушка впереди, а мальчик за нею.

Ближе и ближе слышался серебряный звон.

За темным полем открылась поляна. Среди колокольчиков, качающихся на длинных, как у аиста, ногах, среди лилий, тюльпанов и ромашек горели желтые, голубые и розовые огни.

— Бабушка! Бабушка! Смотри! Звезды в цветах! — воскликнул Мальчик-Одуванчик.

— Это не звезды, — ответила Бабушка-Черепаха. Слышно было, как шуршат ее лапы по траве, как она устало дышит, и видно было, как цветные огни отражаются в ее панцире, покрытом глубокими трещинами-морщинами. — Это не звезды, а светляки. Они светят гномам, чтобы те могли ковать ключи.

Светляки горели все ярче. Серебряный звон доносился с поляны.

Молоты ударяли по наковальням: один тонко — динь-дилидинь-динь, другой чуть погромче и реже — бим-бом-бом и третий совсем редко и громче всех — бамм, бамм-баммм.

Под удары молотов гномы пели песню:

Ударил молотом гном.
Гром! Гром! Гром!..

–Бабушка! Бабушка! Смотри! Звезды в цветах! — воскликнул Мальчик-Одуванчик.

Птицы проснулись от сна!
Весна!
И цветы, и трава,
И земля, что вчера спала,
Расцвела!
И жучиный народ,
Муравьиный народ,
Бабочкин народ,
И хитрый кот,
Тот, который мышку ждет
(Она спрячется, кот ее не найдет),
Даже старый слепой крот —
Словом, все пробудились от сна,
Ведь весна! Наступила весна!

Бабушка-Черепаха тем временем подползла к широкому ручью.

— Смотри, — сказала она мальчику, когда немного отдышалась.

Мальчик увидел: за ручьем, среди синих колокольчиков, стояли три наковальни. Маленькая — зеленая, побольше — красная и третья, самая большая, — из алмаза.

Над зеленой наковальней наклонился крошечный гном в зеленом фартуке. На голове у него была зеленая вязаная шапочка с длинной кисточкой, свешивающейся до самой земли. В руках он держал зеленый, почти игрушечный молот и быстро бил им по зеленой наковальне, где лежал зеленый ключик.

«Динь-динь, дилинь-динь...» — часто бил он молотом и пел тонким голосом:

Ударил молотом гном!
Гром! Гром!!! Гром!!!
Птицы проснулись от сна:
Весна!
И цветы! И трава.

Рядом с наковальней росла зеленая ель. На каждой ветке мерцали светляки, как лампочки на новогодней елке; они все время перепрыгивали с ветки на ветку — а ведь лампочки не летают — и подпевали зеленому гному:

Земля, что вчера спала,
Расцвела!
И ручей журчит,
И жучиный народ
Жужжит.
Птичий народ поет.
Муравьиный народ ползет,
Бабочкин народ летит.

А у красной наковальни стоял гном побольше, в красном фартуке, брат зеленого гнома, и бил красным молотом по красной наковальне, где лежал красный, сверкающий, как рубин, ключ. На голове у него была красная вязаная шапочка с кисточкой до земли. А на лице росла рыжая борода — не очень длинная. «Бим-бом-бом» — сильно бил он красным молотом по красному ключу и пел:

Даже старый крот
Не спит,
Он глядит, глядит;
В эту черную ночь,
Одну-одну во всем году,
Слепой крот видит весну.
А хитрый кот все ждет,
Ждет.
Не дождется кот:
Мышка обманет, уйдет:
Мышки — хитрый народ.
И весна уйдет.
И жизнь пройдет.

Над зеленой наковальней наклонился крошечный гном в зеленом фартуке.

Не такой уж ты хитрый —
Хитрый кот.

Клен с красными и зелеными листьями и дуб с красными и зелеными листьями росли над красной наковальней. Красные светляки висели на деревьях, как праздничные лампочки. Они перелетали с места на место. А ведь лампочки не умеют летать. Светляки подпевали гному тонкими голосами:

В эту черную ночь,
Одну-одну во всем году,
Ты увидишь свою судьбу.
Птиц ждет далекий путь,
И мальчиков — далекий путь,
Дивно далекий путь,
С которого нельзя свернуть.

У третьей, алмазной, наковальни стоял старый гном — старший брат — в белом фартуке, с белой вязаной шапочкой на голове, с длинной белой кисточкой до самой земли и с длинной седой бородой.

Он ударял молотом редко и сильно по алмазному ключику: «Бам-бамм-баммм».

Около его наковальни не росли деревья. В траве, в цветах не было светляков. Но над головой гнома, в небе, мерцали звезды.

Ударяя молотом, гном с седой бородой не пел, а глухо говорил:

В эту черную ночь,
Одну,
Одну на твоем веку,
Ты увидишь свою
звезду.
Запомни свою звезду.
Иди на ее огонь.
Ведь тому, кто собьется с пути,
Дорогу к звезде не найти.

«Бам-бамм-баммм».

— Лови! — крикнул младший зеленый гномик тоненьким голосом и кинул через ручей зеленый ключ.

А когда мальчик поймал ключ, крикнул еще:

— Только не открывай прозрачного сундучка с зелеными самоцветными камнями и зеленым замком!

— Лови! — крикнул средний брат — красный гном — с красной бородой, бросая мальчику через ручей красный ключик. — Только смотри, не пробуй открывать прозрачный сундук с красными самоцветными камнями и красным замком.

— Лови! — низким, густым голосом тихо проговорил старший брат, седой гном, бросая через ручей алмазный ключ. — Да смотри, не открывай прозрачный сундук с алмазами и брильянтами и с алмазным замком.

Он это сказал — и поляна скрылась из глаз.

Да и ночь прошла, и светляков больше не было видно. И гномов не было видно, только поле в синих колокольчиках.

Дорожка среди поля.

Звезда над дорожкой.

— Бабушка! — позвал мальчик.

Но бабушка исчезла.

Мальчик заплакал. Потом он вытер слезы: ведь это был мальчик.

Звезда горела ярким зеленым светом, хотя был день и светило солнце.

Мальчик пошел по дороге — туда, где горела звезда.

Шел, шел. Солнце стало припекать. «Жарко», — подумал мальчик.

А у красной наковальни стоял гном побольше, в красном фартуке.

Только он успел подумать, зеленый лес со столетними дубами, столетними елями и столетними березами вырос перед ним. Но деревья были такими старыми и так тесно переплелись ветвями, что войти в лес было нельзя.

А звезда — та, зеленая — горела по-прежнему, хотя был полдень, горела она прямо над вершиной дуба.

Мальчик пригляделся, а у дуба дупло. Дупло закрыто дверцей, поросшей зеленым лишайником. На дверце — маленький зеленый замок. Мальчик-Одуванчик вытащил зеленый ключ, повернул в замке — дверца открылась.

Из дупла выскочила Белочка с длинным пушистым хвостом.

— Идем играть! — позвала она.

Деревья в лесу расступились. Не так уж это редко бывает, что деревья в лесу расступаются.

Белочка побежала по мшистой тропе — от дерева к дереву.

Мальчик за ней — от дерева к дереву.

— Хочу пить! — сказал мальчик, когда наигрался.

Белка ударила длинным хвостом по мшистой кочке — чуть-чуть ударила — так, чтобы кочке не было больно.

Рядом с кочкой пробился прозрачный Ручей.

— Хочу есть! — сказал мальчик, когда напился.

Только он это сказал, из-под дуба послышался громкий голос:

— Пожалуйста! Пожалуйста!

Валежник под дубом зашевелился, и из берлоги вылез огромный старый Медведь. Мальчику стало страшно, но Медведь улыбался во весь рот и в лапах держал соты с медом, так что страх сразу прошел.

— Я устал и хочу спать, — сказал Мальчик-Одуванчик, когда наелся меду до отвала.

Зяблик выскочил из гнезда и прощебетал:

— Ложись на берегу Ручья, в тени, на мху, а я спою колыбельную.

Он очень красиво пел. Но мальчик, прежде чем закрыть глаза и уснуть, увидел близко, за Ручьем на мху, прозрачный сундук с зеленым замком, наполненный самоцветными зелеными камнями.

Он вскочил и, забыв обо всем, побежал к сундуку.

Ключ сломался. Мальчик не огорчился, даже не заметил этого. Он откинул крышку прозрачного сундука и пригоршня за пригоршней стал набивать карманы самоцветными, очень блестящими, зелеными, как изумруды, камнями.

А когда он обернулся, чтобы похвастаться перед Белкой, перед Зябликом, который так красиво поет, перед Ручьем и перед Медведем, особенно, конечно, перед Михаилом Топтыгиным, когда он обернулся, лес сомкнулся перед ним столетними дубами, соснами, елями и переплелся ветвями.

В дубе было дупло.

На дупле дверца с зеленым замком. Но не было запасного ключа, чтобы открыть дверцу: ведь ключик сломался.

Поле, синее от колокольчиков, было перед ним. А по полю бежала дорожка. И над дорогой красным светом горела звезда.

Старый гном ударял молотом редко и сильно по алмазному ключику.

Мальчик повздыхал немного, поплакал даже: не очень весело остаться одному. Вначале бабушка исчезла, а теперь сразу Ручей, Белка, Зяблик, Медведь. Поплакал, вытер глаза и пошел по дороге.

А в лесу Ручей сказал:

— Странный мальчик, он даже не сказал, что у меня вкусная вода!

— И даже не поблагодарил меня за мед, а ведь мед был ужасно вкусный, — прорычал Михаил Топтыгин и облизнулся.

— Поиграл и забыл обо мне, — тихо сказала Белка.

— Он не дослушал мою песню, а я ведь так старался, — сказал Зяблик. — Странный мальчик.

— Вовсе не странный, а просто совсем обыкновенный, не чудесный, — прокрякала мудрая Утка, которая много раз облетела свет, видела все страны и потому стала такой мудрой; она плавала в ручье, чистила перышки и сначала не принимала участия в разговоре.

— Мои птенчики были тоже совсем обыкновенные, даже очень непослушные, то и дело вываливались из гнезда... А я их так любил, — вздохнул Зяблик.

— И мои белочки...

— Нет, нет! В каждом должно быть хоть немного чудесного, — горячо перебила мудрая Утка, которая вообще-то волновалась только, если видела ястреба над утятами. — Прошлый год наша стая летела над домом, где жил мальчик со своей Бабушкой-Черепахой, очень доброй и достойной особой. Мальчик выбежал на поляну, махал, махал руками, но так и не смог подняться в воздух за нами.

— Р-р-р!.. — зарычал Михаил Топтыгин и стал крутить своими огромными лапами, как ветряная мельница крыльями. Он крутил лапами так, что ветер поднялся в лесу, молодые деревья согнулись, только что распустившиеся листья отрывались от веток.

Он крутил огромными лапами, и подпрыгивал, и время от времени, задыхаясь, спрашивал Утку:

— Р-р-р, ну а я? Я-то взлетаю? Хоть немного!

— Нет, ты не взлетаешь, — отвечала Утка: она не умела лгать. А когда Медведь угомонился, сказала: — И все-таки в тебе, Михаил Михайлович, есть чудесное. Вот ты дал мальчику мед, а ведь ты сам больше всего на свете любишь мед.

— Р-р-р! — облизываясь, прорычал Медведь.

— А ты, Ручей, дал мальчику такой вкусной воды, — продолжала Утка, — а ты, Зяблик, придумал для него песню. А ты, Белка, забросила все дела, чтобы поиграть с ним. Я ведь знаю, у тебя ужасно много своих дел.

— Да! Да! У меня ужасно много своих дел! — воскликнула Белочка, схватилась за голову и стремглав помчалась к своему жилищу.

— Во всех есть хоть немножко чудесного, — прокрякала Утка вслед Белочке.

«Полечу-ка я к Бабушке-Черепахе и скажу ей, что внучек ее жив и здоров, — подумала Утка и поднялась над лесом. — Бабушка-Черепаха, должно быть, все глаза выплакала по своему Мальчику-Одуванчику».

Звезда горела в полуденном небе. Но теперь она была не такая яркая.

Мальчик шел по дорожке — туда, где горела звезда. Ему было не очень-то весело. Хорошо ли одному? Особенно, когда у тебя карманы полны чудесными блестящими зелеными камушками и не перед кем похвалиться.

Он шел пригорюнившись и вдруг увидел прямо перед собой Девочку. У нее была длинная золотая коса, синие глаза, а на высокой белой шее — красная цепочка с крошечным красным замком.

Но мальчик не стал ее особенно разглядывать — он вытащил из кармана две пригоршни изумрудов, протянул их на раскрытых ладонях и отступил на шаг, чтобы Девочка, чего доброго, не зацапала камни.

«Девчонки все падки на блестящее, как галки»,— подумал он, а вслух сказал:

— Завидно? У меня еще много!

— Фу, гадость какая — лягушки.

— Сама ты лягушка! — крикнул мальчик.

Взглянул, а у него на ладонях копошатся маленькие зеленые лягушата.

И прыгают с ладоней на землю. И из карманов прыгают на землю.

— Большой, а глупый! — сказала Девушка.— Ты уже не мальчик, а юноша, пора поумнеть.

— «Глупый», ах, так! — сердито крикнул Юноша.

Он хорошо видел красный замочек. Тот самый крошечный красный замок, которым закрывалась красная цепочка на шее Девушки.

Он подбежал и одним поворотом ключа открыл замочек.

Цепочка упала в траву, но Девушка даже не заметила этого.

— Нет, ты совсем не глупый,— медленно сказала Девушка, она улыбнулась и стала очень хороша.

Мальчик тоже увидел, как она прекрасна, и затаил дыхание от счастья.

А Утка, та самая умная Утка, пролетала над Юношей и Девушкой и подумала: «Кажется, из этого обормота еще выйдет толк. Полечу-ка я к Бабушке-Черепахе, передам, какое счастье выпало на долю ее Мальчика-Одуванчика. Триста — четыреста километров — невелик крюк. А бабушка, весьма достойная особа, на сто лет помолодеет от радости».

И Утка полетела.

Девушка стояла, все так же улыбаясь, и, не спуская с Юноши глаз, говорила:

— Нет, ты умный. И добрый. И сильный. Шутка ли, перетащить целый лягушачий народ с одного болота на другое. То болото, верно, высохло, вот ты и пожалел лягушек. Ты чудесный! Хочешь, мы будем с тобой дружить всю жизнь? Дома тебя звали «Мальчик-Одуванчик». Видишь, я знаю про тебя все. Здравствуй, Мальчик-Одуванчик!

И она протянула ему руки.

Он хотел взять ее за руки, но на беду...

Да, на беду, в эту самую секунду он заметил в траве прозрачный сундук, доверху полный сверкающими красными камнями — рубинами.

И он бросился к этому сундучку.

— Подожди! — сказал он Девушке.

Может быть, он хотел подарить ей необыкновенные драгоценные камни.

А может быть, он просто забыл о Девушке. Как прежде о Бабушке-Черепахе, о Белочке, о Ручье, о Зяблике, о Медведе.

Иначе почему он ни разу не обернулся, пока бежал к сундуку?

А если бы он обернулся, может, все произошло бы иначе.

Ах, если бы он обернулся!

Он добежал до сундучка. Открыл замок, и, конечно... конечно, ключик сломался.

Но он даже и драгоценных камней не набрал, потому что, откинув крышку сундучка, увидел, что никакие там не камни, а красные жуки.

Жуки выползали из сундука и скрывались в траве. Вскоре они все исчезли.

Вот теперь Мальчик-Одуванчик обернулся.

Но Девушки не было. В поле было пусто.

Жарко пекло солнце; в его свете еще видна была звезда — теперь она горела тусклым, белым светом.

Что почувствовал мальчик?

Он почувствовал, что стал старше — на десять или, может, на сто лет.

Тем временем Утка долетела до дома Бабушки-Черепахи, которая все сидела на крыльце, вглядываясь вдаль, и прокрякала:

— Уф, устала! Кажется, у твоего внука все идет на лад, скоро ты будешь нянчить правнуков.

— Правда? — просияла Бабушка-Черепаха.— О, я всегда знала, что он встретит принцессу. И принцесса полюбит его. Кто еще так достоин любви?

«Не знаю, как принцесса, среди уток почему-то редко встречаются принцессы, но я бы облетала этого молодца за сто, нет, за тысячу километров,— про себя подумала Утка, вежливо прощаясь с Бабушкой-Черепахой.— Впрочем, что мне: их дело молодое, а я свой век отжила».

Мальчик-Одуванчик шел по пыльной дороге, под жарким солнцем, которое все не закатывалось, нащупывая в кармане единственный оставшийся алмазный ключик.

Ему было грустно, одиноко и очень тоскливо.

Кругом росла одна лишь жесткая, сухая трава.

И в небе горела белая звезда.

Подняв голову, мальчик увидел под звездой длинную — без конца и края — высокую белую стену, сплошь оплетенную колючей проволокой.

Посреди стены сверкали так, что было больно смотреть, алмазные ворота, закрытые алмазным замком.

Изнутри на стену вскарабкивались старики, женщины и дети; они молили:

— Открой ворота, чужестранец! Ведь у тебя есть алмазный ключ. Мы уже много лет погибаем без воды, хлеба и без свободы. Открой!

Рядом с воротами стоял прозрачный сундук, доверху наполненный невиданно прекрасными алмазами и брильянтами.

— Открой! — повторяли одно слово женщины, старики и дети, карабкаясь на стену. Они срывались со стены и снова карабкались. Они были изранены, из ран текла кровь — ведь стену всю сплошь опутывала колючая проволока. — Открой!

Мальчик-Одуванчик шагнул к воротам. Конечно же, он шагнул к воротам.

Но в это время к сундуку бросились стражники с алебардами. И мальчик подумал: «Утащат сундук, а там ищи-свищи... Нет уж...»

Так вот, оказывается, почему он не открыл алмазные ворота в бесконечной белой стене без конца и края.

— Потерпите! — кричал он, торопливо открывая замок. — Пожалуйста, потерпите немного.

И он так торопился, что, конечно, сломал ключ — тот, алмазный.

А когда он поднял крышку сундука, устало и уже почти нехотя, он увидел, что там не брильянты, а очень красивые и блестящие, да, очень красивые капли росы.

Или слезы? Кто знает...

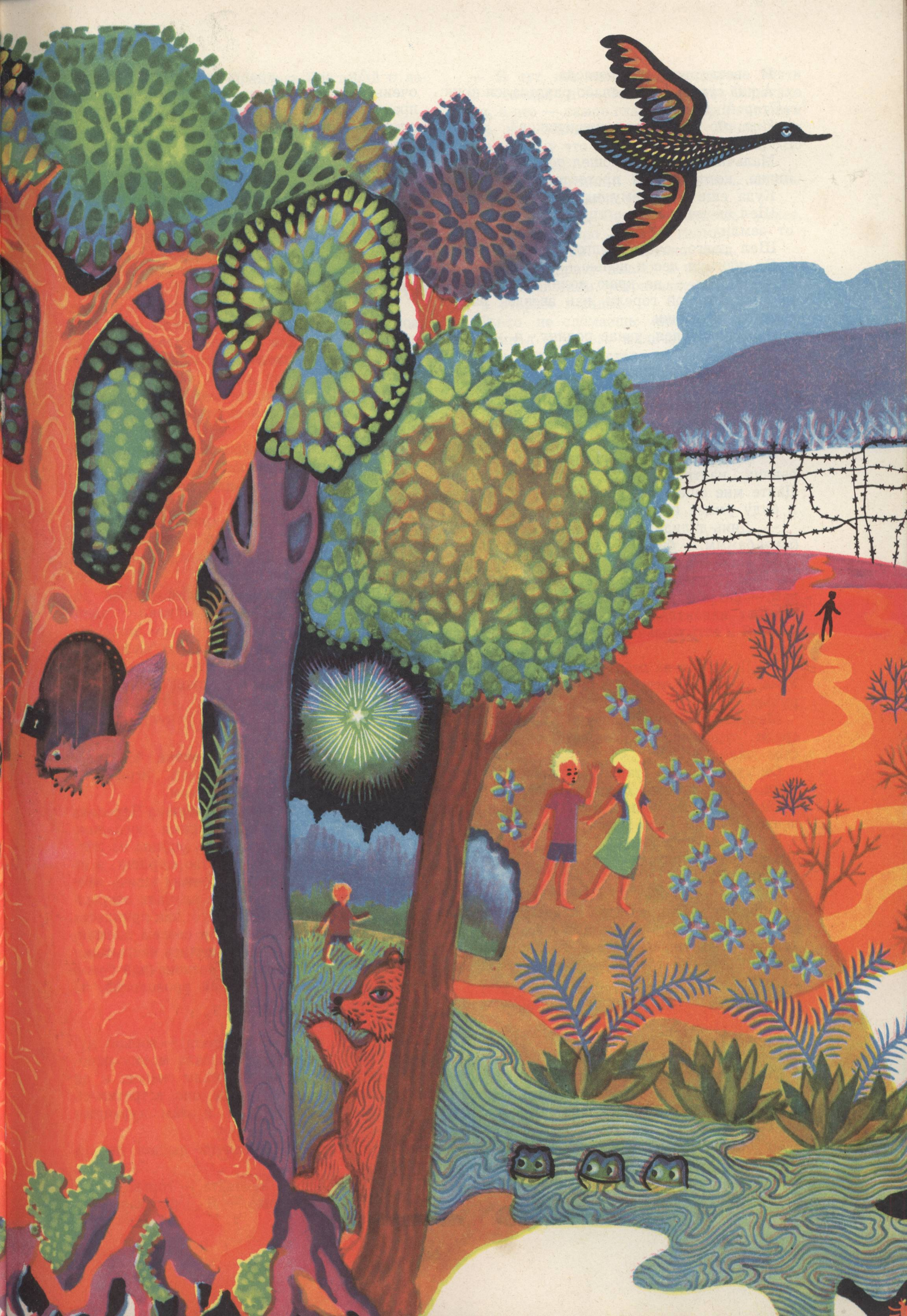
Эти капли росы или слезы сразу высохли — ведь солнце грело очень жарко, прямотаки жгло.

И сундук опустел.

А когда мальчик огляделся, он увидел, что кругом ничего нет — ни стражников с алебардами, ни алмазных ворот, закрытых на алмазный замок, ни бесконечной белой стены, оплетенной колючей проволокой. Только выжженная, желтая трава.

Мальчик-Одуванчик шел долго, очень долго...

И звезда на небе погасла.

А над сухой травой слабо раздавался крик: «Открой! Открой!»

Или это был цокот кузнечиков?

Может быть, и так...

Мальчик постоял и пошел обратно, по тропинке, которую сам протоптал.

Куда еще было ему идти?

Шел он медленно, с трудом отрывая ноги от земли.

Шел долго, очень долго.

Он обогнул лес и ночью — вот теперь наступила ночь — на краю поля увидел поляну, над которой горели, как звезды, разноцветные светляки.

Он обрадовался, узнав поляну, и ускорил шаг.

Он подошел к широкому ручью и увидел трех гномов: зеленого гнома — меньшого брата, среднего брата — рыжебородого гнома, и старшего брата — гнома с длинной до земли белой бородой.

— Милые гномы! — сказал Мальчик-Одуванчик надтреснутым слабым голосом. — Дайте мне еще один разочек ключи. Теперь я буду умнее и не сломаю их.

— Динь-дилидинь-динь; бим-бом-бом; бамбамм-баммм, — били гномы по наковальням, выковывая ключики.

— Мы даем ключики только мальчикам, — сказал маленький гном, не отводя глаз от наковальни.

— Я и есть мальчик. Разве ты не узнаешь меня?

— Посмотри на себя! — прокрякала умная Утка, которая тем временем плавала по ручью.

Мальчик склонил голову и увидел в воде среди отражений разноцветных светляков свое лицо.

Он увидел лицо старика с запавшими глазами, морщинистого, с седой бородой.

Он повернулся спиной к ручью и пошел по ночному полю куда глаза глядят.

Ничего не поделаешь. Так уж произошло, и недаром говорится: из сказки слова не выкинешь.

А Утка, хотя она только что вернулась из Африки, очень устала и отдыхала после перелета — тяжело поднялась в воздух и полетела к Бабушке-Черепахе.

«Хочешь — не хочешь, а надо», — подумала она.

Прилетев, Утка прокрякала Бабушке-Черепахе:

— Твой-то возвращается. Выйди встречать — сам он не найдет дороги.

Она была уже очень стара, Бабушка-Черепаха. Панцирь стал совсем серым, весь покрылся трещинами-морщинами и не отражал ни солнца, ни звезд, ни светляков.

От старости она почти ослепла.

— Он возвращается с принцессой и маленькими принцами? — спросила Бабушка-Черепаха.

— Ах, нет, — прокрякала Утка, которой очень бы хотелось на этот раз сказать неправду, но что поделать, если она не умела лгать. — Принцессы с ним нет, и принцев тоже нет.

— Все равно я счастлива, что он возвращается.

«Значит, что-то в нем есть или было; если утенка или мальчика так любят, в нем обязательно должно быть хоть немного чудесного», — поднимаясь вверх и устало махая в черном воздухе старыми крыльями, подумала Утка.

Бабушка-Черепаха вышла из своего дома, который изрядно покосился и по окна врос в землю, и побрела по полю, туда, где горели огни гномов и откуда доносилась песня гномов.

Она была слаба и стара и, сделав шаг, не знала, сумеет ли сделать второй. И она почти ничего не видела.

И все-таки среди огромного черного поля она нашла своего внука.

Она узнала его, не видя, по шуму шагов, хотя он теперь волочил ноги; по дыханию, хотя дышал он тяжело и хрипло; кто ведает, как она его узнала, да это и не так важно.

Она узнала его и, как прежде, окликнула детским его прозвищем:

— Мальчик-Одуванчик! Идем скорее домой, уже поздно. Что-то ты загулял сегодня!

Дома она напоила его горячим молоком. И уложила в постель; в ту самую, из которой он поднялся в ночь, когда его позвали гномы. Ему было тесновато в детской постели, но бабушка тепло укрыла его, он свернулся клубком, согрелся и скоро уснул.

Во сне он улыбался.

Снилось ему, что он прежний Мальчик-Одуванчик с пушистой головой, играет на лугу перед бабушкиным домом.

А когда он уснул, Бабушка-Черепаха осторожно ссохшимися лапками погладила его лицо. И почувствовала морщины на лбу, на щеках, у глаз — множество морщин, и по этим морщинам, как по строчкам книги, прочла всю его жизнь: как лес вначале открылся, а потом закрылся для него; как принцесса чуть не полюбила его, почти совсем полюбила, а после исчезла; как остались закрытыми алмазные ворота города с бесконечной белой стеной, оплетенной колючей проволокой, за которой умирали люди.

Мальчик спал.

— Это я во всем виновата, — горько думала бабушка. — Я рассказала моему дорогому мальчику слишком мало сказок, и он не узнал чудесного, когда оно встретилось ему на пути, и бросился к этим дурацким сундукам.

Во сне Мальчик-Одуванчик дышал тихо и спокойно.

— Это я во всем виновата, — горько думала Бабушка-Черепаха. — Я рассказывала

ему слишком мало правдивых историй о настоящей жизни.

Мальчик-Одуванчик спал.

Я рассказал эту сказку моему мальчику. Он был тогда беленький, с золотыми кудряшками — похожий на девочку. Красивый, но капризный. Было условлено: я рассказываю сказку, а он сразу засыпает.

— И вовсе это не сказка,— сказал он, раскрыв большие зеленые, как у матери, глаза, когда выслушал все до конца.— Вот я не уснул, и не усну, и никогда не буду спать.

Глаза у него все-таки слипались понемногу, так что я не очень испугался.

— Почему это не сказка?— спросил я.

— В сказке всегда все кончается хорошо,— ответил он.

— И тут все кончилось хорошо... почти все,— сказал я.— Ведь Бабушка-Черепаха жива, а это — самое главное. И для нее внук такой же Мальчик-Одуванчик. Видит она плохо, потому что она совсем старенькая. Но помнит хорошо.

— А... ключики... все... таки... сломались...— сказал мой мальчик.

— Ну и что ж. Зато ты будешь умнее, ведь и тебя скоро позовут гномы.

Он не отвечал. Он крепко спал.

Я через террасу вышел в сад. Прилетели грачи и хлопотали, устраиваясь после зимовки в старых гнездах.

«Ты-то не сломаешь ключи?— мысленно спрашивал я своего мальчика.— Ведь если сохранить ключи, остальное — пусть не сразу, не легко — в конце концов наладится... Ты-то не сломаешь ключи?..»

*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Владимир ОРЛОВ

Глядит на море
Пристально
Встречающий народ:
К своей родимой
Пристани
Подходит пароход.

До этого мгновения
Прошел он сто дорог.
Наверно, от волнения
Охрип его гудок.

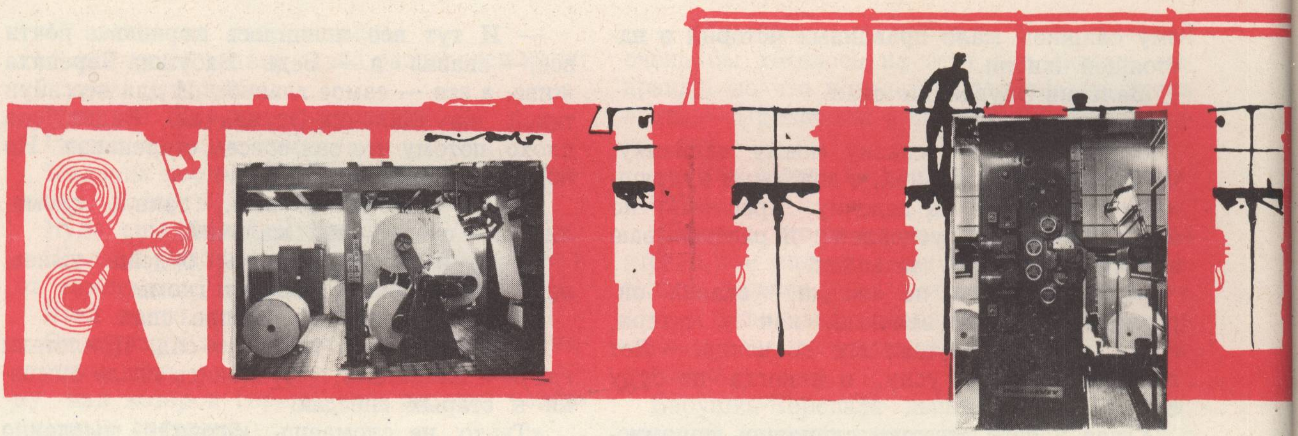
Его иллюминаторы
Царапало
О скалы,
И солнышко экватора
Борта его ласкало.

От этой жгучей ласки,
От солнечного жара,
С него слезала краска,
Как будто от загара.

Ветра над ним
Рычали,
Моря его
Качали,
Но черными ночами,
За тридевять морей
Он думал о причале
На родине своей.

И вот на море
Пристально
В порту глядит народ:
К своей родимой
Пристани
Подходит пароход.

Огромный и железный,
Он тихо заурчал
И нежно,
Нежно,
Нежно
Потерся о причал.

РЯДОМ С МАШИНОЙ

Однажды мы пообещали рассказать о новой полиграфической машине, которая печатает теперь наш «Пионер». Знакомьтесь же с ней.

Вот стоит в цехе машина, похожая на маленький поезд, и мы с вами здесь. Блестит в электрическом свете длинное металлическое тело, гудит двигатель, и с тихим свистом на огромной скорости летят по валам и роликам две бесконечные белоснежные ленты бумаги. Впрочем, белой ей оставаться недолго, затем она сюда и попала, бумага. Видите, слева, где машина начинается, два приспособления держат на весу по три рулона. Два запущены в машину, четыре запасных. Только размотается в работе один, как к его концу подклеивают начало другого.

Сейчас мы пройдем вдоль печатной машины, рассмотрим ее и поймем, что на пространстве шагов в пятьдесят — шестьдесят сплавляется воедино, завершается самый разнообразный труд сотен людей и десятков профессий.

Прежде, чем начать печатать наш «Пионер», все его страницы с текстами и рисунками наносятся на специальную трехслойную металлическую пластину, она называется печатной формой. Что нанесено на печатную форму, то и отпечатает на бумажных полотнах машина.

Если наша печатная машина похожа на поезд, то секции, из которых она состоит, можно назвать вагончиками. И в каждом таком вагончике надевается на цилиндр печатная форма. Но будь она сухой, эта форма, бумага оставалась бы чистой, в журнале нечего было бы читать и рассматривать...

Происходит вот что. Внизу, у самого пола, каждая секция имеет свое узкое и длинное корытце, в котором, вертясь, купается в краске толстый металлический валик. Боком он касается другого валика, передает ему краску, а этот затем равномерно и с удовольствием накатывает краску на печатную форму. С нее краска попадает на резиновый валик, который, в свою очередь, вертясь на своей оси, «катится» по белой бесконечной ленте бумаги. Хотя вот она уже и не белая, а покрыта рисунками и буквами того цвета, какая налита краска в корытце, например, синяя. Ясно?

Ну, а если мы хотим, чтобы картинка в журнале получилась и синяя и красная, а буквы текста хотим увидеть, скажем, черными,— что делает машина в такой сложной ситуации? Прежняя машина поступала так. Одну и ту же бумагу пускали в работу столько раз, сколько надо было получить красок на листе. Новая машина поступает совсем иначе. Сложную многоцветную работу выполняет она в один прогон.

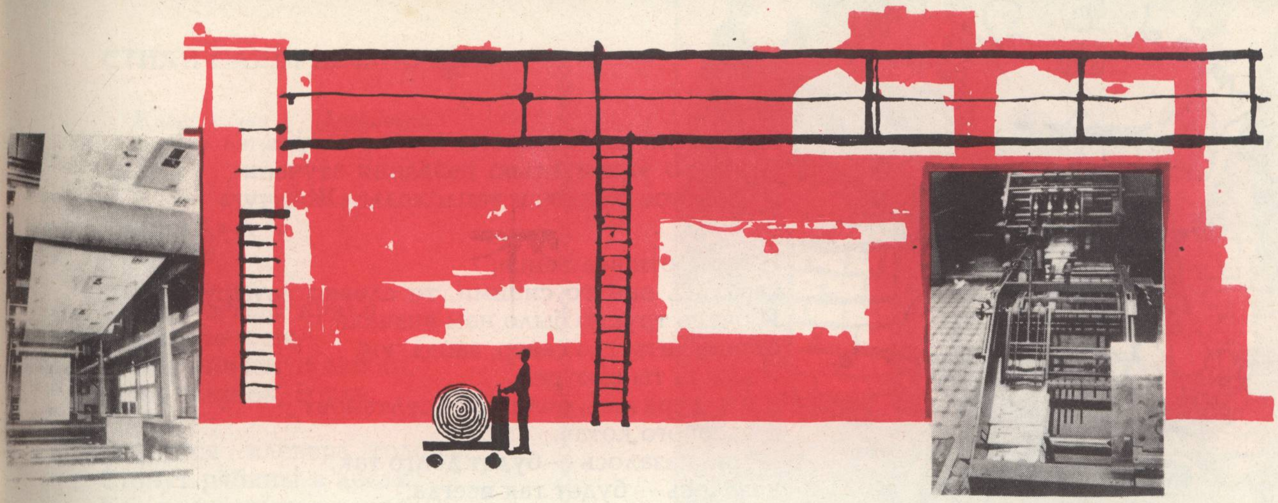
Когда первая секция-вагончик наносит на бумагу синюю краску, то при этом ее печатная форма аккуратно оставляет чистым то место в картинке, которое должно быть заполнено потом красным цветом или любым иным. А красную краску кладет на нашу картинку уже другой цилиндр, вертящийся в своем вагончике со своими резиновыми валиками, которые из своего корытца черпают уже красную краску. И так далее, далее, далее...

Не забудьте, что вы идете рядом со мной по чистому кафельному полу типографского цеха, мы здороваемся с мастерами-печатниками, задаем им вопросы и получаем ответы... А рядом, мерно гудя, работает, делает свое дело умная, уверенная машина. Около трех тысяч километров бумаги пролетает по ее валам и цилиндрам для того, чтобы отпечатать тираж одного нашего номера.

Машине некогда отдыхать, а нам...

А нам пора двигаться дальше. Мы узнаем еще кое-что любопытное.

Вы видите, что каждая страничка журнала покрыта и буквами и рисунками как с той, так и с другой стороны. Бумажная лента, пролетая через машину, печатается и сверху и снизу. В один и тот же миг прокатываются по ней две печатные формы. Бумага протискивается меж ними, а они обе разные, как и страницы в вашем номере «Пионера», в этом вы можете сами легко убедиться. Отметьте для себя только одно, что в каждом вагончике-секции два печатающих цилиндра, стало быть, здесь лист бумаги с обеих сторон одновременно печатается в два различных цвета. Вагончиков-секций в на-

шем поезде ровно столько, сколько нужно красок. Всего несколько десятков шагов рядом с машиной, с летящими бумажными полосами — и такой разнообразный и пестрый лист «Пионера» готов! Чудо? Да, чудо, но объяснимое.

Идемте дальше.

Мы знаем уже, что в каждом вагончике своя краска, и не одна, а две краски — для лицевой стороны листа и для изнанки. Машина разматывает сразу два рулона, и сразу две бумажные ленты, посвистывая от скорости, мчат на встречу с неизвестными рассказами, стихами, картинками, чтобы принять их на себя, чтобы отныне перестать быть бумагой, а переродиться в книгу, которая, как известно, друг, то веселый, то задумчивый, то занимательный.

Итак, это двухэтажная машина. И такая она для того, чтобы делать порученную ей работу в два раза быстрее.

А сейчас мы подошли с вами как раз к середине машины, к самому большому вагончику, внутренность которого закрыта от глаз глухим серебристым кожухом с небольшими окошками, за одним из которых видно — бьется голубое пламя...

Огонь? Что же горит в машине? Не авария ли?

Нет, не авария, и огонь тут нужен. Горит газ. В этой части машины печка и даже духовка. Сюда, внутрь, залетают бумажные ленты. Зачем?

Затем, что свежепокрашенная бумага сыра. Пустить ее такой дальше, значит, во-первых, испачкать следующие узлы и механизмы, а во-вторых, размажутся уже готовые страницы, и вся прежняя работа пойдет насмарку! Машина работает на такой скорости, что краска сама высохнуть не успевает. Это достоинство — быстрота. Но это и недостаток — легко смазать краску, испортить... Вот и сохнет бумага в печи. Да как еще сохнет!

Буквально в двух-трех миллиметрах от бумаги горят и брызжут огнем газовые струи из горелок, висящих во всю ширину бумажного листа. Как же не прожжет, как не перекусит огонь бумагу? Машина и с этим справляется. Дело в скорости. Сквозь огненную пасть хрупкая лента протаскивается так быстро, что голубые зубы огня успевают лишь высушить краску. А это-то и нужно!

Затем горячая бумага прокатывается по толстому цилиндру, внутри которого циркулирует холодная вода — остужается, и тогда наступает миг, когда машина особым, очень точным устройством режет ленту, складывает ее вчетверо и выдает в руки рабочему-приемщику аккуратные стопки отдельных тетрадочек. Эти тетрадочки попадут к помощнице нашей машины, к машине-брошюровщице, а уж она из них склеит наш журнал в одно целое.

Чуть более полусотни шагов прошли мы по плитчатому типографскому цеху рядом с новой офсетной машиной, от которой приятно пахнет теплом, смазкой, красками. Мы прошли от рулонов белой бумаги до готовых страниц «Пионера» и едва не упустили из виду одну важную вещь...

Вот она! Это пульт управления — наклонный стол из металла со множеством кнопок, рукояток и глазков с цветными лампочками. Легкое нажатие, даже мизинцем,— и заходили ходуном все валы, колеса, зубчатые передачи, малые и большие хитроумные приспособления... Поворот ручки — и машина стоит. Другая ручка — и машина пошла, она готова выполнить приказание человека. Однако не всякого, конечно, а только знающего и умелого, только Мастера. Таких людей работает возле машины семеро, все они хвалят ее и довольны ею. Довольны машиной и мы в нашей редакции, нам нравится, что «Пионер» стал теперь такой яркий и многокрасочный.

Пора уходить из типографии, пора поблагодарить Мастеров за то, что они рассказали нам все это и показали: ведь как раз в это время летели с валика на валик машины ленты бумаги со страницами очередного номера «Пионера», а семеро повелителей умной машины у нас на глазах делали каждый свое дело. Спасибо им за то, что делают они его так хорошо.

С. ФЕДОРОВ

Работа хирурга

Сделан первый
Уверенный шаг.
Стальные нервы
Битву решат.
Но битва эта
Уже решена:
Смерть пропала —
Погибла она!

Саша **ДОКУЧАЕВ,** 14 лет.
Мокрецовский с/с.
Кировской области.

*

Мы плыли по Телецкому на теплоходе.
И как-то удивительно названия звучали:
и «Золотое озеро», и теплоходы «Жемчуг»
и «Алмаз».

И горы, эти великаны,
казались нам то синими, то словно изумруд.
И очень трудно было нам вначале
определить, где север, запад, юг.
И молча ты смотрел,
а мы, дурачась, пели про «султанов»
и «черного кота».
И мне казалось — будет долго так,
казалось — будет так всегда.
И тут вдруг остановка...
И, рюкзаки взвалив на плечи, не окрепшие еще,
дикари
зашагали подальше от этой земли,
а с теплохода кто-то нам махал рукой,
а может быть, совсем не «кто-то» и не «нам»,
а мне, —
ведь и лицо еще не трудно было различить.
И не узнать теперь уж мне, кто ты
и как тебя зовут.
О край лесной, прекрасный край тайги
и молчаливых великанов — гор!
И эти десять дней, казалось бы,
несбыточной мечты!

Мы долго будем помнить шутки, смех,
веселое сияние костров,
и реки горные, и водопад,
и уж, конечно, не забудем комаров!

Тамара **ОБЕЛЬЦОВА,** 15 лет.
Новоалтайский молсовхоз.

ИЗ ПОЧТЫ «КОРАБЛИКА»

Всегда я, беря в руки «Пионер», читаю прежде всего «Кораблик». В январском номере «Кораблика» печатались три девочки Оли: Оля Романенко, Оля Цыцылина, Оля Алексеева.

Мне очень понравилось стихотворение Оли Алексеевой о прощании с четырнадцатилетием. По совести говоря, оно меня сначала ничем не привлекло. Но вот я остановилась на одном слове, затем на другом, а потом перечитала вновь все стихотворение.

Нет, меня привлекла не легкая рифма или красивые словосочетания. Нет, именно просто слова и фразы. Заметьте, они звучат выразительно, метко и как-то по-своему отдельно, но сливаются в очень хорошее, глубокое по смыслу стихотворение.

Это стихотворение звучит убедительно и просто. Оно мне нравится еще тем, что здесь хотя и не изображено, но очень верно, правильно выражено чувство прощания со СВОИМ четырнадцатилетием. Человек прощается со своим четырнадцатилетием, в этот час его мысли и чувства глубоки, он уже чувствует, видит свои пятнадцать лет... Разве нужны ему разные там глупые слова?

Таня **ГОТОВЦЕВА,** 15 лет,
Село Увелька, Челябинской области.

СТИХИ ИГОРЯ КАМЯНОВА

Игорю тринадцать лет. Он москвич.

Прибой

Вечный шум в ушах навязает смолой,
Проплывают вялые мысли.
Волны лижут сухие прибрежные камни
порой,
В тихих бухточках плещется плавно
вода,
Как в ведрах на коромысле.

Играющий волк

Он полон звериной силы и грации —
Молодой играющий волк.
Все его сильное звериное тело
перекатывается
Упругими клочками шерсти,
Улыбающейся зубастой пастью
И игривыми, веселыми глазами.

СТИХИ САШИ ШАМАРИНА

Живет Саша в Челябинске.
Ему пятнадцать лет.

Зной

Слышу земли крики,
Слышу ее плач.
Травы совсем поникли,
Ветер жесток, горяч.

Клонятся клевера головы,
Стонут рябины в лесах.
Как раскаленное олово,
Пальцы жары на висках.

Русло ручья пересохшего —
Что наклоняться над ним!..
Зноем иду запорошенный,
Ветром горячим гоним.

Водоросли

Пауков на нитку нанизали,
Пауки ногами шевелят.
Вас, как видно,
волны укачали,
Вот вы и лежите
на причале,
Тоненькими ножками
качая,
Только все же
проситесь назад.

Петушок.
Наташа ВАСИЛЬЕВА,
12 лет, г. Волгоград.

*

За сотни метров слышно,
Как хвастается вишня:
— Я — это чудо света,
Меня вишневей нету.

А оказалось — вишня
Малинового цвета.

*

Все приходит и идет
обратно,
Как олень на водопой
к ручью.
Все приходит просто
и понятно,
Ну, а я неясного хочу.

Кем я буду.
Масако ОСАТИ,
13 лет, Хиросима.

ИЗ ПОЧТЫ «КОРАБЛИКА»

Я понял, что рассказ по-настоящему будет хорошим не тогда, когда будет написан гладко и похоже на другие рассказы.

Еще я понял, что красота рассказа заключается не только в хитроумном, необыкновенном содержании. Можно писать о простых, будничных делах, но писать по-своему, писать так, чтобы чувствовалось твое отношение, мнение.

И еще я понял, что самое страшное для рассказа — быть похожим на другие. Ведь нет же на целом свете двух одинаковых людей, так и не должно быть и двух одинаковых рассказов. Каждый человек чувствует по-своему, по-своему видит и все окружающее.

СЕРЕЖА ХОРУЖИН, 13 лет,
гор. Днепропетровск.

Звездные игры

Рисунки А. БОРИСОВА

1. Строевая подготовка. Это вам не «Ать-два!» Тут ногами мало топать — надо голову иметь!

2. Ум — хорошо, а девять — лучше. Но имейте в виду — Великий Математик приготовил им не одну задачу.

3. Все очень просто, если тренироваться и до зарядки, и в лесу, и в кино, и в походе, и на тихом часе.

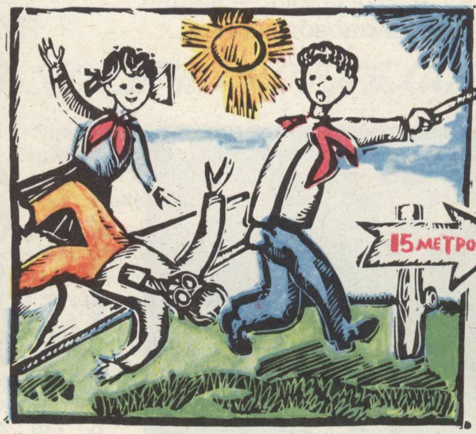
4. Кто пел эту песню? Как он одет? Чем знаменит?

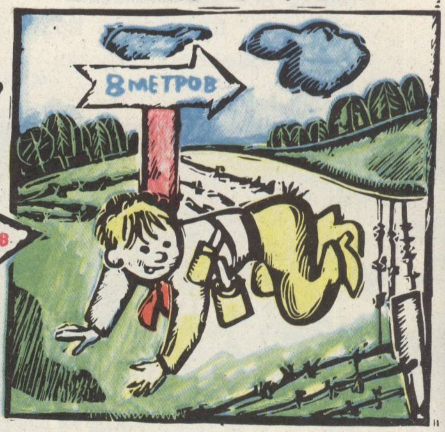

5. Ой!.. Квадраты — дело серьезное. А что это такое? Иди в разведку по журналу и узнаешь.

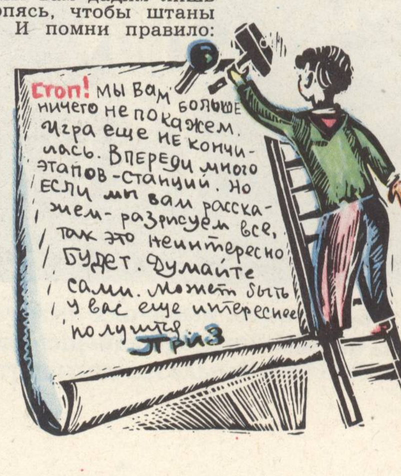
6. Вот компас на планшете. Планшет на табурете. Руками не трогать. Определи, где север.

7—8. Дела военные. Тут ясно все. Мы вам дадим лишь три ценных совета. Спеши не торопясь, чтобы штаны сберечь. На колья натяни бечевку. И помни правило: один в бою не воин.

Бриз, приз и что из этого вышло

НАС СТО ПЯТЬДЕСЯТ — СОВЕРШЕННО РАЗНЫХ. НАС СТО ПЯТЬДЕСЯТ — СОВЕРШЕННО ОДИНАКОВЫХ. РАЗНЫХ ХАРАКТЕРОВ, ВОЗРАСТОВ, НАСТРОЕНИЙ. ОДИНАКОВО ПРЕДАННЫХ НАШЕМУ ДЕЛУ.

ГДЕ МЫ? ПО КАРТЕ ОТМЕРЬ ОТ МОСКВЫ ТРИДЦАТЬ ДВА КИЛОМЕТРА ТОЧНО НА СЕВЕР И НАРИСУЙ МАЛЕНЬКУЮ ЗВЕЗДОЧКУ. ПОЧЕМУ МАЛЕНЬКУЮ? НО ВЕДЬ НАС ВСЕГО СТО ПЯТЬДЕСЯТ.

А вот и придумаем!

Приходит вожатый и говорит:

— Завтра спартакиада.

— У-у-у! — кричим мы.— Опять скок-поскок, через веревочку на один бок. Не хотим.

Приходит педагог:

— Через три дня конкурс чтецов. Надо готовиться.

— А-а-а! — кричим мы. — Опять тары-бары-растабары. В школе надоело.

Появляется старший вожатый.

— Ну-у-у! — затянули мы. — Опять это самое.

— Что «это самое»?

— Мероприятие.

— Какое?

А мы плечами пожимаем. Откуда нам знать, какое мероприятие, если мы ему и рта открыть не дали.

Тогда старший вожатый рассердился.

— Хорошо! — говорит. — Раз вы «не хотите — не будете», так это просто распрекрасно. Но бездельничать вы все равно не сможете, потому что, несмотря на ваши фокусы, вы люди. А посему решим так: все вы будете делать сами. Только ручаюсь, что, кроме спартакиады, ничего лучшего вам не придумать.

— А вот и придумаем!

— Нет, — печально говорит старший вожатый, — не придумаете. Потому как вы хоть и люди, но пустяковые.

— Хорошо! — кричим мы.— Посмотрим!

Вот этот самый разговор и считается у нас ДНЕМ РОЖДЕНИЯ БРИЗа. БРИЗ—это Бюро рационализации и изобретательства.

Только оно сначала у нас БРИЗом называлось. Мы его потом в ПРИЗ переименовали. Не без намека, конечно.

Как работает ПРИЗ? Мы вам объясним.

Вот, например, хотите вы провести военную игру. Одни говорят так, другие эдак. Шум, гам, тарарам — и никакого толку. А мы даем задание звеньям. Пусть каждое проект разработает. С чертежами и планами. А потом на сборе отряда или дружины звенья свои проекты представляют и защищают. А то звено, которое лучше всех придумает, награждается.

На ваше суждение дружина «Красная звездочка» выставляет свой проект.

Звездные игры

Можно сначала вопрос? Сколько человек у вас участвует в спартакиаде? Двадцать? Сорок? А в Звездных играх участвуют ВСЕ.

Сколько человек участвует в конкурсе чтецов? Десять, двадцать? А в Звездных играх участвуют ВСЕ.

И ВСЕ за ВСЕХ. И главное ДРУЖБА.

На старт, звено!

Наш просто каждый день
Октябрята тоже люди
Площадь имени дяди Володи

У нас на линейке четыре маленьких флагштока. Они разукрашены разными полосками. На флагштоках флажки. На одном повыше, на другом пониже, а на третьем совсем внизу.

Флажки показывают, какой отряд впереди. Итоги мы подводим каждый день на вечерней линейке. Выходит командир отряда и докладывает:

— Товарищ дежурный командир! Третьему отряду от дежурной службы замечаний нет. Сегодня отряд сложил дрова, провел с октябрятами комическую эстафету, вымыл полы в даче.

— А-а-а! — кричат все вокруг. — В даче — это не считается, сами наследили, сами и мойте.

— Смирно! — командует дежурный командир. — Правильно, в даче не считается — сами напачкали... Отряду за дисциплину и порядок одно очко.

Флажок поднялся на одно деление.

— За работу — два очка.

Флажок поднялся еще на два деления.

И так каждый вечер.

А если отряд получил замечание от дежурной службы за дисциплину или порядок, тогда весь день насмарку: на два деления флажок вниз опускается.

*

Нам такая система нравится.

Но она, конечно, имеет свои недостатки. Например, такие.

— Стой, — говорит командир первого отряда командиру второго, — сегодня мы с октябрятами военную игру проводим.

— У нас сегодня кукольный театр, — возражает командир второго отряда, — сегодня наша очередь.

Спорят они долго и наконец решают разделить октябрят пополам: половина пойдет воевать, половина театр смотреть. Вы думаете, октябрята довольны? Хорошо, если два отряда придут, а если три? А еще хуже — четыре. Отрядов-то много, и каждому хочется первым быть.

До того дело дошло, что пришлось собирать совет старейшин.

*

В совет отряда входят шесть человек, в совет дружины — одиннадцать, ну, тринадцать. Одна голова хорошо, шесть, конечно, лучше, тринадцать — это почти отлично.

А у нас совет старейшин. В совет старейшин имеет право войти тот, кто проработал в нашей дружине не менее четырех лет, а таких шестьдесят. Вот сколько голов! Это высший орган власти у нас в дружине.

Совет старейшин постановил: анархии в работе с октябрятами положить конец. Организовать штаб, куда войдут все заинтересованные лица — представители каждого отряда, и они составят общий план работы пионеров с октябрятами.

Вы думаете, споры прекратились? Ничего подобного, они продолжаются. Но раньше октябрятам было очень трудно, а сейчас интересно.

*

Наш лагерь — это наше государство и наша столица. Ну, а какая столица не имеет улиц? И у нас они есть. Есть Большая Беговая, есть Улица Упреков. О них я рассказывать не буду, а вот о Площади имени дяди Володи рассказать хочу.

Дядя Володя — это завхоз лагеря. Но это только так говорят. И никакой он не завхоз. Он один нам целый дом построил, а в доме мастерские. Вы думаете, плохой дом? Ого, еще какой! А руки у дяди Володи, — об этом не написать! Его руки могут де-

лать все: и пилу починить и мачту поставить.

Вот мы сидели однажды у Огонька. Огонек — это костерик маленький. Каждый вечер отряд его зажигает и разговаривает вокруг него о чем-нибудь. А в этот раз мы говорили о профессиях. Конечно, хорошо быть космонавтом и физиком хорошо, — об этом и по радио говорят и в «Пионерке» пишут.

А вот хорошо быть дядей Володей?

Когда мы приехали в лагерь, и увидели новые мастерские, и побежали туда, и кричать стали, что здорово, — так дядя Володя плакал. Только мы этого как будто не видели.

А вы думаете, таких дядей Володей мало? Вы поищите их у себя.

Вот я и говорю, у нас есть улица Вкусная, у нас есть улица Слезливая, это где изолятор. Я о них вам рассказывать не буду.

А вот о Площади дяди Володи расскажал. Эта площадь там, где мастерские стоят наши.

Экспедиция разведка пожарный с брандспойтом

В походы все ходили. И на день, и на два, и на три. И мы ходили. И даже законы придумали для туристов.

Пошел в поход — не бойся. Боишься — не ходи.

Если ты устал, помоги товарищу, тебе станет легче.

Семеро одного ждут.

Скорость нужна, а поспешность вредна.

Гляди, прежде чем прыгнуть.

Лучше каша с дымом, чем дым без каши.

Да здравствует радость далеких дорог, туристское трудное счастье!

Вот наши законы. А дороги... Эх, дороги! Каждый год одни и те же?

И тут вдруг слух прошел по дружине: намечается экспедиция. Куда? В Белый Раст.

Название-то какое! Белый Раст! А еще говорят, во время войны там морская бригада немцев колошматила.

*

Собрался совет старейшин. Говорит старший вожатый:

— Экспедиция не поход, дело совсем серьезное. Есть же закон у нас: «Не зная броду, не суйся в воду». Посылаем сначала разведку.

А к вечеру разведка вернулась. Собрался в наш пионерский театр весь народ, и разведка докладывает:

— Белый Раст — местечко небольшое. На пригорке стоит. Могила братская — матрос с автоматом, а внизу бескозырка со звездочкой. И бой там был жестокий. А один лейтенант с гранатой в штаб немецкий вошел. Только фамилия его неизвестна.

— Узнаем! — кричит народ. — Все разыщем!

Тут старший вожатый поднялся.

— Знаете, ребята, — говорит, — может быть, отложим экспедицию? Разведка и так много материала принесла. А там и лес далеко, хвороста нет, и вода неважная. Не экспедиция будет, а сплошные трудности.

— У-у-у! — закричали мы. — Это хорошо, что трудности!

— Вы еще всего не знаете, — говорит вожатый, — а если б знали...

— Все равно кричали бы! — опять кричим мы. — Трудности — это хорошо!

— Нет, — говорит старший вожатый, — мы этот вопрос на совете командиров обсудим.

*

Собрался совет командиров. А мы под окном стоим и ждем, что будет. Посовещались командиры, погалдели, а потом выходят и говорят:

— Теперь в поход с кроватями ходить будем. А сзади бочку повезем и пожарного на ней с брандспойтом. Чтобы костер тушил.

Пожарный на бочке всем понравился. И все кричали: «Ура пожарному! Ура бочке!»

И пришла пора говорить о самом главном.

Председатель совета командиров — лицо наиглавнейшее. Нос у председателя курносый, глаза пребольшие и черные, косички маленькие и торчат в разные стороны. Зовут председателя совета командиров... Не скажу я вам, как ее зовут. Зачем?

В спальне, где спит председатель совета командиров, шесть кроватей, шесть девчонок. Справа от председателя совета командиров спит командир отряда, слева — звеньевая, рядом со звеньевой — член совета командиров, а дальше — редактор, и все они члены совета старейшин. Не палата, а сплошное командование! А еще — они подружки. А еще — командуют не первый год и загордились до невозможности.

Председатель совета командиров была в разведке. Командир отряда тоже. И звеньевая там была и, конечно, редактор.

— Правильно, — говорят они, — зачем экспедиция! Поляна и солнце, жарища и комары, и никакого удовольствия.

Конечно, какое им удовольствие! Они бескозырку видели и избу видели, которая стоит на том месте, где был немецкий штаб.

А когда отряд территорию убирает, редактор идет газету выпускать, а председатель совета командиров ему помогает. А когда мы дрова кололи, председатель совета командиров дневник заполняла, а редактор рейд устроила по чистоте и порядку. Это порядок?

— Вот что, — сказали на Огоньке ребята,— хватит! Вы начальство, а мы не люди?

— Но они же работают, — объясняет старший вожатый. — И газета висит, и дневник заполнен.

— Ну и что? — кричим мы. — Ну и что, что дневник и газета? А если думаете, что из-за экспедиции, то ничего подобного.

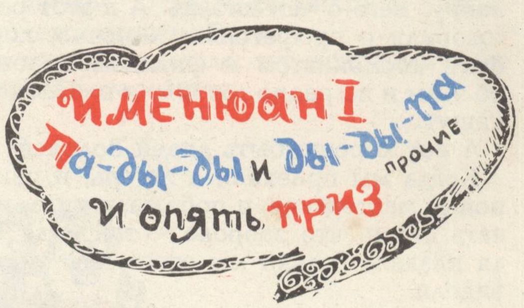
Никогда такого Огонька у нас не было. Все кричали, все шумели, а потом решили: скинуть! И скинули.

Софья Петровна — это врач лагеря — осторожно постучала в пионерскую и, покачав головой, напомнила, что день закончен.

— Сейчас,— сказал старший вожатый.— Еще три минуты.

Заседает новый совет командиров.

— Сейчас, — говорит старший вожатый. — Только три минуты, и они уговорят меня отправиться в экспедицию.

Как справляют день рождения? Раньше мы собирали всех рожденных, допустим, в июне, выбирали день, накрывали столы, сажали именинников отдельно, желали им счастья и успехов, преподносили им подарки.

— Есть идея! — сказали старейшины.— И пошла писать губерния! День писали, два писали, три писали... Придумали.

Узкий луч прожектора ползет по залу пионерского театра, по столам, уставленным пирогами, яблоками, конфетами, останавливается на сцене, высвечивает фигуры спящих трубадуров. Приоткрылся занавес. Выглянули два пажа. Увидели спящих, ужаснулись.

Ах вы сонные тетери!
Их величества идут.
Спите целые недели —
Ты вот тут, а ты вот тут.

Толстяки кряхтя поднимаются на ноги и трубят. Занавес распахнулся, вспыхнул свет, заискрились драгоценные камни, украшающие трон, и в зал вошли их величества Именюан I и королева Именюана. За ними в зал впорхнули танцминистры двора Па-ды-ды и Ды-ды-па. А за ними гвардия их величества. Шествие завершала кухня его величества во главе с поваром его величества Фрикаделькиным II Бульоном Тарабарским. В руках у повара — громадный именинный пирог. Гремели барабаны, верещали свистульки. Народ ликовал.

— Мои верные Па-ды-ды и Ды-ды-па!— провозгласил король. — Введите сюда виновников торжества.

В зал вошли совершенно растерянные именинники.

— Признавайтесь, счастливые,— обратился к ним король,— сколько каждому лет?

Именинники признались.

— Па-ды-ды,— приказал король,— подсчитайте среднеарифметическую.

— Двенадцать, ваше величество!

— Сейчас,— сказал король,— вы примете присягу и только после этого сможете стать полноправными гражданами Страны Именинной.

Именинники согласились.

— Возьмите друг друга за уши,— сказал король,— и, чтобы все было справедливо, мы все будем считать.

— Раз!— сказал зал. И именинники потянули друг друга за уши.

— Вы...— сказал король.

— Два!— сказал зал.— И именинники опять потянули друг друга за уши.

— ...счастливые...— сказал король.

— Три!— крикнул зал.

— ...с этой минуты...— сказал король.

— Четыре!— крикнул зал.

— ...а дальше я забыл,— сказал король и растерянно посмотрел на королеву. А королева растерянно посмотрела за кулисы.

Все немножко пошептались и сообща решили, что присяга и так хороша. А потом все вместе спели в честь славного короля и его королевы и в честь именинников гимн Страны Именинной. Только я не буду сейчас писать слова этого гимна. Вы ведь можете сами их придумать.

Фаэтон не в ту сторону

Ты когда-нибудь был утром в лесу? Нет, не в восемь часов. Восемь часов для природы — день. В четыре, в три. Ты видел когда-нибудь, как занимается заря? Ты видел лиловые облака? И как расплескивает солнце золото по горизонту? А что ты знаешь о Фаэтоне?

Лес кончился, и зеленый луг круто опустился к реке. На другом берегу дорожка, петляя, поднялась на холм.

— Вот тут, — сказал старший вожатый. И отряд остановился. Вожатый посмотрел на часы. — Ровно через десять минут взойдет солнце.

— А откуда вы знаете? — спросили ребята.

— Я же вожатый... Смотрите, вы видите это облако? Оно синее-синее. Сейчас нижний край его порозовеет, и облако сделается лиловым. Потом розовый цвет перейдет в ослепительно желтый...

— А он не переходит, — сказал кто-то.

— Подожди, — сказал вожатый, — еще две минуты, и встанет солнце.

Чуть шелестела трава от утреннего ветерка, чуть покачивали своими вершинами деревья. Облако спокойно лежало на горизонте, было синим и не думало розоветь.

— Да вот оно, солнце! — сказала Катя и указала в противоположную сторону.

Когда мы все вдоволь насмеялись, когда мы в состоянии были стоять на ногах, когда мы разобрались, где север и где юг, где восток и где запад, и когда вожатый рассказал нам легенду о Фаэтоне, мы решили, что завтра мы обязательно встретим солнце.

У нас был очень хороший день. Мы начали его смехом. Мы кончили его смехом. А солнце... Ну куда оно денется! Мы его встретим.

Мы краснозвездовцы

Линейка. А над линейкой небо. Августовское, темное. В центре линейки двадцать. Эти двадцать от нас уходят. Они выросли. Они станут комсомольцами. Сейчас они скажут то, что говорили очень давно, когда только что пришли к нам:

«Мы краснозвездовцы. И это — славное имя. Красная звездочка. Пять концов. Сила и смелость. Гордость и честность. Верность, верность, верность».

Верность, повторяем мы за ними, верность!

Как бы мы хотели стоять на их месте! Нет, не для того, чтобы уйти, мы этого не хотим, а для того, чтобы, зажав в руке патрон реактивного снаряда, дернуть за шнур и запустить в небо звездочку.

Ха, скажете вы, так это ракета, какая же это звезда, она упадет! Но совет командиров нашей дружины постановил, что это звезда. Совет командиров постановил — значит, так оно и есть.

Борис МЕДОВОЙ

Рисунки
Е. МЕДВЕДЕВА

РАССКАЗ

Был в моей жизни момент, когда я почти поверил в переселение душ и прочую чертовщину. Случилось это по милости нашего корабельного кота, нахального и мрачного зверюги, долгие годы плававшего на «Аскольде» под именем Кузьмы.

С тех пор прошло уже двадцать с лишним лет, и я не питаю больше зла к этому лохматому дьяволу. Так что рассказ мой будет вполне объективным. Это, кстати, может подтвердить Гоша Солодухин, который в те давние времена работал на «Аскольде» матросом, а нынче командует траулером в Мурманске. С Гошей мы повстречались неожиданно, на московской улице. И когда, разомлевшие и умиленные, сидели с ним за чашкой чая, предаваясь блаженным воспоминаниям о Владивостоке, аскольдовцах, о наших дальних и близких плаваниях, то немало слов было сказано и об упомянутом коте. Команда называла его, словно монарха, «наш обожаемый Кузя». Кузя пользовался в то время широкой известностью на многих судах и в портах Дальневосточного пароходства. И наш экипаж гордился славой своего любимца.

Я же, до того как определиться на «Аскольд», понятия не имел об этой знаменитости, поскольку вообще-то попал на флот впервые.

Надо сказать, что я пришел на «Аскольд» начитанным мальчиком с сильно развитым воображением и воспринимал тогда мир так, как мне хотелось его воспринимать. Хотя меня зачислили на «Аскольд» палубным учеником, я упрямо именовал себя юнгой. Это вроде бы то же самое и все-таки не одно и то же. Пусть палубный ученик значится в бухгалтерской ведомости, а для всех я юнга!

Помню, даже выданная боцманом новенькая роба из толстого и твердого, как фанера, брезента вызывала у меня гордые аналогии с одеждой Фаррингтона, матроса первой статьи из рассказа Джека Лондона. Мне с детства запомнился Фаррингтон, стоящий у штурвала накренившегося брига, одетый в зюйдвестку, куртку и высокие сапоги. И хотя мои фанерные брюки не сгибались в коленях и неистово шуршали при ходьбе, хотя сапожищи лукавый боцман всучил мне на четыре размера больше, чем надо, и они волочились по палубе с трамвайным скрежетом, хотя вместо зюйдвестки пришлось натянуть прозаическую кепку и к штурвалу вставать было нелепо, поскольку «Аскольд» мирно

стоял у стенки Владивостокского порта, все же в первый день на судне меня распирало от гордости за свою морскую удаль. И я бросал с борта лихие взгляды на девчат-учетчиц, проходящих по причалу.

Боцман Сурмич, оказавшийся вовсе не здоровенным, хриплоголосым, волосатым детиной, многократно описанным в литературе, а щуплым, тихим пареньком, поставил меня на вахту у трапа. В обязанности мои входило не допускать на судно посторонних. Но определить, кто из приходящих на «Аскольд» посторонний, а кто нет, мешало мне чрезмерное воображение. Так я пропустил вяло поднявшегося по трапу небритого верзилу, обладателя сизого носа и светленьких безмятежных глазок. Этот человек, решил я, закоренелый моряк. Он только что из далекого плавания. Много лет океанские ветры обдували нос моряка, пока он стал таким сизым. Из его канадской куртки еще не выветрился острый запах морской соли...

Мне попало от штурмана за сизоносого типа. Он оказался обыкновенным «бичом», который шатался по порту и клянчил у всех на пиво.

Едва человек ступал на трап «Аскольда», как я впивался в него напряженным взглядом, стараясь угадать: свой или чужой. И неотрывно следил, пока он поднимался на палубу. Уже на середине трапа люди начинали беспокойно дергаться, а потом испуганно шарахались от меня.

Видимо, кто-то сообщил о моих опытах дежурному штурману, и он вышел из каюты понаблюдать, как я травмирую членов команды своими гипнотическими взглядами. Он спас от моих пассов миловидную женщину, оказавшуюся нашим судовым врачом, что-то такое похмыкал неодобрительное и ушел.

Настроение у меня было все же приподнятое. Я вышагивал вдоль фальшборта и представлял, как уже завтра подо мной будет яростно колыхаться палуба и океанские волны станут обрушиваться на мои плечи...

И вот тут-то мне довелось познакомиться с его благородием Кузей, омрачившим мою первую вахту.

Я увидел, что по парадному трапу «Аскольда», неспешно переставляя лапы, поднимается большущая лохматая кошка. В желтых круглых глазах ее застыло беспредельное равнодушие ко всему окружающему.

— Брысь, проклятая! П-шла!!—заорал я.

Кошка невозмутимо продолжала шествовать на судно. Я топал ногами и вопил, а кошка уже ступила на палубу. Она вдруг уставилась на меня круглыми вещими глазами. Осмотрела всего с нескрываемым презрением, оскалила в беззвучном шипе свою пасть и, держа хвост строго горизонтально, направилась на корму.

— Ты чего же его гонишь?! — сказал вышедший покурить парень в тельняшке.— Это наш кот Кузя. Неужели не слыхал? Он, дружок, пять лет с нами плавает. Коли он явился на борт, значит, скоро уйдем в море... Так, что ли, Кузя? — крикнул моряк вслед коту.

Тот, не оборачиваясь, противно мяукнул надтреснутым басом.

Как потом растолковали мне бывалые аскольдовцы, пытаясь не пустить Кузю на борт, я тем самым нанес ему тяжкое оскорбление, и он мне этого не простит. Он будет мстить тем, что станет проверять мою работу.

Я легкомысленно посмеялся в ответ. Уж больно это походило на розыгрыш.

— Учти!— вкрадчиво сказали мне.— Кузя — кот сложный. С психологией.

В доказательство мне поведали об одном необыкновенном свойстве, которым будто бы наделен Кузя. По рассказам моряков, этот кот жил на «Аскольде» только во время плаваний. Стоило судну пришвартоваться в любом порту, как он сходил на берег и пропадал там до самого отплытия парохода. Перед отходом судна Кузя неизменно являлся на борт. Если судно задерживалось у причала, откладывал свое прибытие и Кузя. Однажды пришлось отчаливать раньше, чем намечалось, и все переволновались за кота. Но Кузя-таки пришел и, как всегда, завалился спать на трое суток.

Чем занимался Кузя в портах, оставалось тайной. Но моряки были убеждены, что дело не обходится без амурных похождений. Порой кот возвращался с выдранными клочьями шерсти и поцарапанной мордой. Некоторые моряки уверяли меня, что целые кошачьи стаи выходили по ночам выть, провожая Кузю в дальнее плавание. Но это уже вранье.

Около двух лет я плавал в его благородном обществе, и неизменно, будь это в Петропавловске-Камчатском, в Певеке, Гонконге, Ванкувере или Магадане, наш обожаемый Кузя пунктуально и невозмутимо прибывал из увольнения на берег за несколько часов до отхода судна. Вот и разберись после этого, где мистика, а где интуиция.

Но когда я появился на «Аскольде» и вступил в открытый конфликт с Кузьмой, я по молодости недооценил его методов психологического воздействия на противника.

Мы еще не отправились в рейс, как началась какая-то чертовщина, стало сбываться дурацкое пророчество, что кот будет проверять мою работу. Кузя то и дело лез мне под ноги и пронзал меня загадочным желтым взглядом. Он даже не зава-

Мой музыкальный опыт пришелся Кузе явно не по вкусу.

лился на этот раз в свой обычный трехсу т о ч н ы й сон, решив, вероятно, что мистифицировать новичка — дело более занятное. У меня с непривычки и так-то все валилось из рук, а тут под жутковатым взглядом кота я превратился в полную размазню.

Перед отплытием «Аскольда» я задраивал вместе с матросами трюмы. На поперечные железные бимсы мы плотно укладывали лючины — широкие толстые доски. Затем разворачивали, словно носовой платок, огромный кусок брезента, набрасывали его на образовавшийся настил, туго натягивали, закладывали края за скобы и крепко заклинивали. Я старался изо всех сил. Вдруг на брезент, натянутый словно кожа барабана, плюхнулось возле меня что-то темное, лохматое. Это был Кузя собственной персоной. Он сел и, прижав уши, стал уминать передними лапами брезент, изредка цепляя его когтями.

— Э-э,— закричал Гоша Солодухин,— что-то Кузя недоволен твоей работой, парень. Ну-ка поглядим!

Матросы осмотрели мой участок и обнаружили, что я недостаточно прочно вбил клинья. Аскольдовцы стали хором благодарить Кузьму за квалифицированную инспекцию. Я был посрамлен.

Вечером мне поручили пробить склянки. Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Нужно сделать сильный и быстрый сдвоенный удар так, чтобы он прозвучал слитно, звонко, четко. В этот момент на всех судах Золотого рога одновременно звучат склянки. Мелодичный перезвон их начинается у первых причалов: он перебирается по судам, огибает залив, пробегает замирающим хрустальным звоном по Чуркину мысу и потухает где-то в синеющей дали моря и неба. Словно кто-то перебирает пальцем струны гигантской арфы.

Тут уж нельзя ударить лицом в грязь, и в общем оркестре надо возвестить не только время, но и показать верную морскую руку. Я был убежден, что мне удалось показать. Отбив склянки, я удовлетворенно оглянулся. И самодовольная улыбка сползла с моей физиономии: я увидел страдальческую гримасу на морде Кузи.

Мой музыкальный опыт пришелся ему явно не по вкусу.

Тут же, как на грех, случился Сурмич с Гошей. Они тоже сокрушенно покачали головой. Плохи, мол, твои дела, парень.

*

Но вот наконец на рассвете мы покинули Владивосток. Молча смотрел я на тихо свернувшийся вокруг залива город. Он медленно удалялся. Легкий ветерок гнал по бухте длинные извилистые волны и делал похожей ее на гигантскую стиральную доску. Потом сопки замкнули вход в бухту. Между нами и землей запенилась беспріютная поверхность моря. Налетел холодный ветер и зашевелил на мне фанерную куртку, призывая заниматься своими обязанностями.

Уборка деревянной палубы — дело не простое. Сначала надо упругим и жестким голиком долго шаркать вдоль узких линеек палубного настила. Следует крепко, очень крепко прижимать голик, до нытья в плечах. Потом продрать песочком и кау-

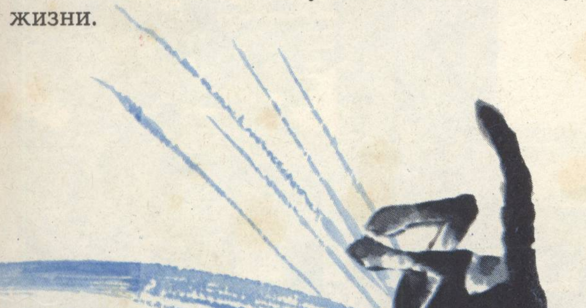

стиком потемневшие планки. А затем пройтись пару раз сочной, набухщей от воды шваброй. При нажиме она, чмякнув, истекает водой и, мягко скользя по глади палубы, захватывает потеки грязи и песка. Но это еще не все.

В дело вступает боцман со шлангом. Упругая, сверкающая на солнце струя воды с силой бьет в палубу, переламывается под прямым углом и растекается кружевным пенистым веером. Эта струя, расшвыривая брызги, вышибает из щелочек последние песчинки.

Сначала мне доверялось лишь помогать боцману скатывать палубу. Топая огромными сапогами, я волочил за Сурмичем тугую гудящую змею. Но потом мне разрешили и самому орудовать шлангом. Я с удовольствием обмывал наше судно. Потом насухо протирал, и тогда взору представала матово-желтая поверхность палубы. Легкий прозрачный парок поднимался от нее. Она чиста, как щечка девушки.

Кузя побродил по выдраенной мною палубе, придирчиво понюхал в нескольких местах и мрачно удалился. Вот после этого он и сменил гнев на милость. Он позволил себе наконец отоспаться. Взял оттул. Такое легкомыслие чуть не стоило ему жизни.

Мощная струя воды хлестнула по коту.

Я скатывал из шланга спардек. А там на приоткрытых световых люках машинного отделения устроился спать Кузя. Его дымчатая шкура сливалась с шаровой окраской люка. И я не заметил кота. Вернее, увидел, но поздно. Мощная струя воды хлестнула по коту, выбила из него дикий вопль и швырнула в открытый люк. Только хвост лохматый мелькнул...

У меня сердце остановилось. Я убил Кузю! Ведь это высота трехэтажного дома. И железо кругом. И машины работают. Я подскочил к люку и с боязнью заглянул вниз, в машинное отделение. Оттуда, из темной глубины, поднимался горячий масляный воздух. Не закончив уборки, я убежал в подшкиперскую. Переживать.

Но все обошлось. Машинисты отнесли Кузю к докторше, а потом он сам себя вылизывал до вечера. И во время ужина кот, как обычно, притащился в столовую. К нему подозрительно принюхивались. От Кузи почему-то пахло духами «Красная Москва». Я с беспокойством ожидал, что начнется расследование. Но только машинист Рахаев, обведя всех сердитыми черными глазами, вдруг спросил:

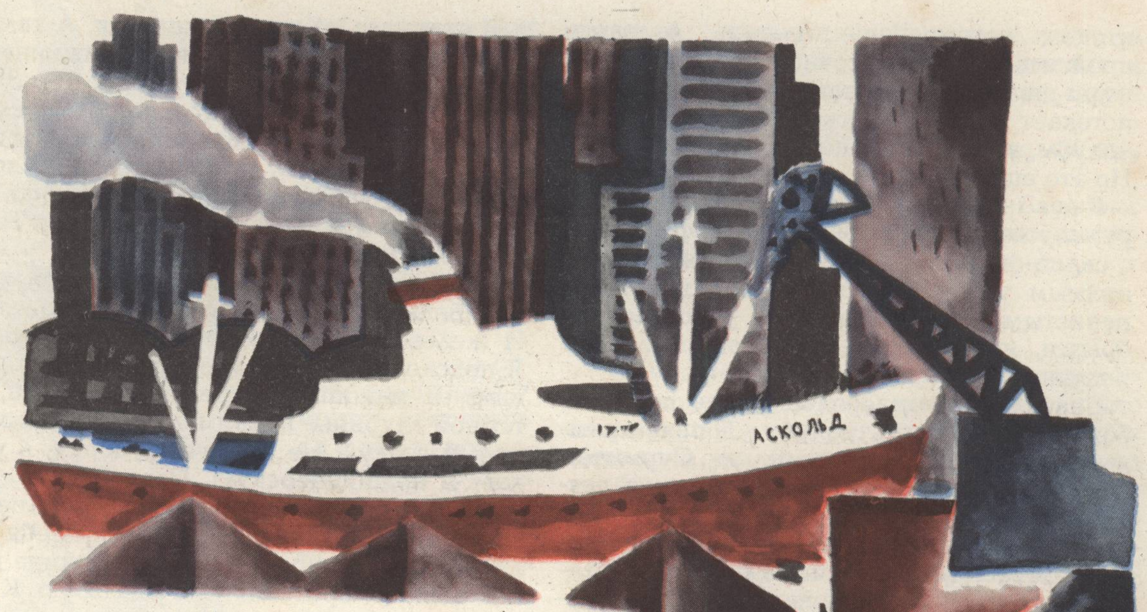
— Интересно, какая скотина сегодня Кузю в машину сбросила?

Мне стало нехорошо. Захотелось уползти под стол. Но гроза тут же миновала, потому что по обыкновению сцепились в незлобной перебранке палубная и машинная команды.

Когда мы на обратном пути с Камчатки спасали пассажиров потерпевшего аварию парохода, то Кузя всю ночь не уходил с палубы, озабоченно бегал по спардеку, даже взбирался зачем-то на мачту. Измотанные и взвинченные, мы вдруг замечали возле себя Кузину морду с оживленно блестевшими глазами и невольно веселели.

А дело было нешуточное. Бедствие потерпел в проливе Лаперуза пароход «Снабженец», который вез на Север семьи переселенцев и грузы для факторий. Он налетел в тумане на Камень опасности. Была штормовая погода, а мы подошли к «Снабженцу» ночью. Катер стал перевозить пассажиров к нам. Море швыряло его. То катер проваливался глубоко в водяное ущелье, и мы слышали далеко внизу его торопливый глухой стук. То вдруг он взмывал с волной вверх и оказывался выше нас. Секунду мы видели его освещенные снизу грязные борта, и снова он ухал в глубину и снова взлетал над нами.

Мы закрепили штормтрап. На катер, изловчившись, спрыгнули наши матросы. Мы сбросили конец, и наши ребята попытались обвязать тросом женщин, чтобы помочь им вскарабкаться на «Аскольд» по штормтрапу. Но без детей ни одна из них не хотела подниматься на пароход. Хлопцы несколько растерялись. Но наш стар-

пом быстро нашел выход. На катер сбросили большие мешки — чехлы для набивных матрацев. В эти мешки укладывали детишек. Затем матрасовки накрепко перехватывали узлами и осторожно вытягивали на борт «Аскольда». Из шевелящихся мешков раздавался разноголосый рев и крики «мама». Мы развязывали мешки, выпускали ревущих ребятишек и вытягивали новых. Тут уж сами стали рваться на борт и женщины.

На рассвете мы закончили погрузку пассажиров. Потом передали их на теплоход «Дзержинский». Перед обедом нам велели выстроиться на палубе. Все свободные от вахты члены команды построились на спардеке и ожидали капитана. Все уже знали, что начальник пароходства объявил нам благодарность. В это время из-за лебедки показался Кузя. Он чрезвычайно медленно, держа хвост строго параллельно палубе, прошествовал вдоль нашего строя. И что-то хрипло, отрывисто мяукнул.

Появившийся капитан никак не мог понять, почему команда валится от хохота, и решил, что это нервная разрядка после пережитого за ночь напряжения.

*

И вот завершился мой первый рейс, а за ним последовали и другие. Я стал опытным матросом, и Кузя больше не проверял мою работу и не гипнотизировал загадочным взглядом. У него были свои, видать, нелегкие делишки в портах, и он пользовался каждым плаванием, чтобы получше отоспаться и поесть. Я же перестал верить в переселение душ и чертовщину. У меня, как и у всех аскольдовцев, вошло в при-

Наступило время отчаливать, а Кузя не приходил...

вычку приветствовать появление Кузи на судне.

Но однажды Кузя не вернулся. Это было в американском порту Портлэнд, где мы грузились целую неделю. Кузя, как обычно, спустился после швартовки на берег по парадному трапу и неторопливо направился куда-то за складские постройки. Никто за него не беспокоился. Но вот наступило время отчаливать, а кот не приходил. Хлопцы побродили по причалу, покричали. Кузи не было.

Такого еще не случалось. Капитан с беспокойством расспросил ночных вахтенных, но те обескураженно разводили руками. Оставлять Кузю на чужом континенте было жестоко. Но делать нечего. Вконец расстроенная команда разошлась по своим местам. Загрохотал брашпиль, задрожала под ногами палуба. Я принял швартовый трос и закойлал его на кнехт.

Двое суток, покачиваясь на волнах Тихого океана, аскольдовцы ходили мрачные и подавленные, пока Гоша Солодухин не совершил великого открытия. Подметая около зачехленных лебедок, он зачем-то нагнулся. И вдруг увидел лежавшего под брезентом Кузю. Около него виднелось что-то белое, как снег. Гоша прополз между лебедками и обомлел.

Рядышком с могучим, косматым Кузей лежала на ветоши беленькая и гладенькая кошечка с голубыми глазами. Она нежно вылизывала бурую клочковатую шкуру своего друга, а он блаженно жмурился и — неслыханное дело — мурлыкал.

Гоша бросился рассказывать о своей находке, вся команда, от кока до капитана, побывала у лебедок, желая своими глазами убедиться, что Кузя вернулся на судно. Да еще не один. Но на чьей вахте ему удалось незаметно провести на «Аскольд» свою американскую подружку, так и осталось невыясненным.

Эта милая парочка пересекла с нами океан, а потом совершила еще несколько рейсов на «Аскольде».

Но когда у них появились котята, а произошло это событие в Охотском море, то наш кот принял решение. Едва мы пришвартовались к причалу Владивостокского порта и установили трап, как Кузя вместе со своим семейством покинул «Аскольд», и на этот раз навсегда.

Я больше не встречал этого удивительного кота и не знаю его дальнейшей судьбы. Но его хорошо помнят многие моряки-дальневосточники, и, быть может, кто-нибудь из них сообщит, не знает ли он еще что-нибудь о нашем обожаемом Кузе.

БЕСЕДА

В. ВИКТОРОВ

— О чем мечтаешь на окне,
Старый кактус?
— Мечтаю я о тишине,
Добрый мальчик.
— Тебе не нравится со мной,
Старый кактус?
— Мне по душе песок и зной,
Добрый мальчик.

— Твой край пустынен и суров,
Старый кактус.
— Но это край моих отцов,
Добрый мальчик.
— Там людям нет от змей житья,
Старый кактус.
— Но это родина моя,
Добрый мальчик.

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • Н

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ • НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

*«Объяснений от нее не требуйте;
это существо таинственное,
не вверяющее никому
своей тайны. Она действует и только».
Так писал Фламмарион
о шаровой молнии в 1897 году.
Что мы знаем
о ней сегодня?*

УЧЕНЫЕ ЗНАЮТ О НЕЙ ПОНАСЛЫШКЕ

Физика

Шаровая молния... Явление грозное, редкое, таинственное. Она убивает, грабит, безобразничает. Забирается под одежду, не опалив в ней ни одной нитки, и до смерти обжигает человека. Может снять и далеко забросить сапоги, оставив хозяина сапог целым и невредимым. То вынет из кошелька одну монету, то расплавит на руке браслет, то перебьет горку тарелок, да не подряд, а через одну. Здесь вскипятит в чугунке воду, там развалит по кирпичику и дом и печку.

Более ста лет собирают ученые сведения о шаровых молниях, записывают рассказы очевидцев, тщательно анализируют их, стараясь отделить достоверные факты от выдумки. И вот какая складывается картина: этот сферический, реже грушевидный электрический разряд появляется в конце грозы, чаще зимой. Обычно шаровая молния бывает размером с большой апельсин. Однако удалось сфотографировать шаровую молнию диаметром в десять метров, а однажды наблюдали даже двадцатисемиметровый шар. Цвет молнии красноватый, иногда ослепительно белый или голубой и совсем редко зеленый и фиолетовый. Молния «живет» долго — до нескольких минут. Светит она не всегда ровно, иногда кажется, что светящийся шар пульсирует.

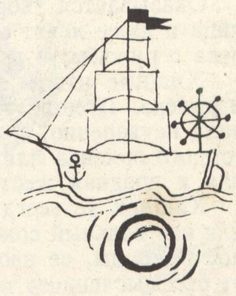
Шаровая молния может плавать в воздухе, оседать на предметах, двигаться вдоль проводов. Некоторые молнии исчезают тихо, иные рассыпаются на мелкие искры, слабо потрескивая. Нередко взрываются со страшным грохотом. Скользя по предметам, шаровая молния нагревает их — металлы плавит и испаряет, в камнях и дереве выжигает дырки и борозды.

Точных исследований шаровой молнии с помощью приборов не производил никто: ведь неизвестно, когда она появится. Только благодаря случайности ученый может быть в этот момент готов к измерениям. История науки знает такой пример, но окончился он трагически. Сподвижник и друг Михаила Ломоносова, профессор физики Георг-Вильгельм Рихман, во время грозы производивший опыты с атмосферным электричеством, был поражен бледно-синим огненным шаром величиною с кулак. Появившись внезапно на пропущенном с крыши стержне, шар беззвучно скользнул к лицу профессора. Рихман упал, не вскрикнув. Тут же раздался

грохот, все заволокло дымом. При осмотре на лбу погибшего обнаружили красное пятно, левый башмак был порван. Многие, очень многие после этого совсем прекратили подобные опыты. И надолго.

Единственное прямое измерение энергии, заключенной в шаровой молнии, «помогла» сделать сама молния. Она «поставила» такой опыт: угодила в бочонок с водой и тихо исчезла в нем. Вода закипела мгновенно. Ученые считают этот опыт очень удачным. Энергия, поглощенная водой, быстро была подсчитана и оказалась не такой уж большой. Важно другое — при взрыве шаровой молнии энергия освобождается с такой скоростью, какой не удалось пока достигнуть ни в одной лаборатории. А почему? Может быть, есть еще какие-нибудь пока неизвестные нам взрывные реакции?

Шаровая молния — электрический разряд. Если так, значит, это плазма — особое состояние вещества, в котором все или почти все атомы потеряли по одному или по два электрона. Потерянные электроны носятся тут же среди атомов, и каждый раз, когда какому-нибудь атому удается захватить полагающийся ему по праву электрон и водворить его на место, излучается свет. Тут же атом снова теряет какой-нибудь электрон, снова хватает первый подвернувшийся, стремясь обрести равновесие. Пока атом возбужден, он все время излучает энергию. Конечно, если бы все атомы мгновенно и одновременно захватили каждый свои сбежавшие электроны, сразу придя в свое нормальное состояние, выделилась бы очень большая энергия.

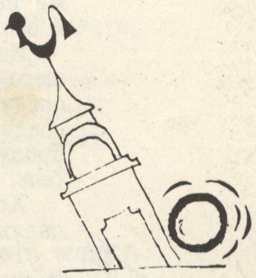
Ученые умеют получать плазму искусственно. Но лабораторная плазма существует лишь до тех пор, пока к ней подводится энергия извне, и не маленькая. Как только подача энергии прекращается, атомы воссоединяются со своими электронами, исчезает всякое свечение: плазма перестает существовать.

А откуда получает энергию шаровая молния? Было много попыток создать теорию шаровой молнии. Интересна теория советского академика П. Л. Капицы. Он считает, что во время свечения шаровой молнии к ней тоже непрерывно подводится энергия извне. Энергию эту несут очень интенсивные радиоволны. Иногда они могут возникать при разряде линейной молнии. Теория П. Л. Капицы многое объясняет в характере и поведении шаровой молнии, но не все. Пока на основе этой теории искусственную шаровую молнию получить не удалось. В природе тоже еще не обнаружены радиоволны, нужные для создания шаровой молнии.

Из огромного количества подобий шаровых молний, полученных в лабораториях, самой похожей оказалась «шаровая молния Бабата», названная так по имени известного физика доктора технических наук Г. И. Бабата.

В октябре 1941 года в лаборатории Ленинградского электротехнического завода впервые наблюдали особой формы электрический разряд, внешне очень похожий на шаровую молнию.

Вот как описывает это Бабат: «Внутри стеклянного баллона возникло багрово-огненное кольцо... Багровое кольцо в баллоне меняет свою форму. Оно стягивается в комок, и вот среди медных лепестков парит огненный шар. Цвет его сначала фиолетовый, потом травянисто-зеленый и, наконец, становится ослепительно белым.

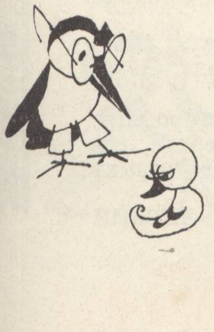
С поверхности шара вырываются языки пламени, подобные солнечным протуберанцам».

Напряжение отключено. «Огненный шар тухнет, и внутри баллона остается мутно-зеленый светящийся туман».

Когда мы поймем, что же такое шаровая молния, когда научимся управлять ею, в наших руках окажется очень большая сила. Загадку непременно надо разгадать. Но пока что это все-таки загадка. Тайна.

И. КАНАВЕЦ

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ ПОД ОХРАНОЙ ЗАКОНА

Биология

Когда мы слышим слово «хищник», сразу представляем себе злобное и опасное животное. Недаром вошли в поговорку кровожадность волка, свирепость тигра, коварство лисицы.

А хищные птицы? Они тоже не вызывают у нас особых симпатий. Невольно вспоминается коршун над лебедем или ястреб, преследующий голубя. Да еще они и цыплят летом хватают. И мы привыкли к тому, что раз хищный — значит, вредный, и тогда уж не жди пощады. Всем охотникам у нас разрешалось стрелять хищных птиц, и за это даже давали премии.

Шло время, и ученые обратили внимание, что хищных птиц в нашей стране становится все меньше и меньше, а некоторые виды попадаются особенно редко. После распашки целины осталось мало степных орлов, только кое-где можно еще увидеть горных беркутов, соколов-кречетов или красавцев змееядов. Даже обычных соколков-кобчиков и канюков-мышеедов стало гораздо меньше.

А ведь хищные птицы — это крылатые санитары в природе. Там, где их нет, среди полезных животных чаще возникают болезни. Даже ястреб обычно хватает самых слабых, неловких или больных птиц. Хищники делают и другую полезную работу — они поедают множество сусликов, хомяков, мышей, вредных насекомых, очищают наши реки и озера от погибшей рыбы.

И вот недавно охотничий закон взял всех пернатых хищников под защиту. Свободный отстрел хищных птиц в нашей стране теперь запрещен. Только в специальных охотничьих хозяйствах опытным егерям разрешают стрелять ястребов, которые кормятся дичью. Но и там главным врагом охотников считают теперь не хищных птиц, а самых обыкновенных... ворон.

Оказывается, вороны разоряют много утиных гнезд, таскают птичьи яйца и даже ловят молодых утят. Ворона — хитрая птица, она знает человека с ружьем, и подойти к ней на выстрел очень трудно.

Хищные птицы обычно устраивают большие гнезда, которые видны издалека. Птенцы у них растут медленно и, покинув гнездо, летают сначала неуверенно. Бывает, что ребята ловят таких птенцов. Обидно видеть гордого орленка или соколенка понапрасну лишенным свободы. Это ненужная и вредная жестокость.

Хищник не всегда враг. Вспомните, что вечным символом отваги стал для нас вольный сокол, погибший в небе. Хищные птицы — украшение родной природы, ее неотъемлемая часть, они заслуживают охраны и защиты от бессмысленного и жестокого уничтожения.

Ф. ТИХОМИРОВ

КЛЕЙ, НЕПОХОЖИЙ НА ДРУГИЕ

Химия

Из чего только люди не делали клей! Из злаков и водорослей, из шкур и костей, из смол и минералов... Готовить их было трудно и дорого, а скрепляли они далеко не так, как хотелось бы. Бумагу, скажем, или дерево — еще куда ни шло, а о металле и говорить не приходилось. Потом, уже в нашем веке, появились клеи синтетические, искусственно созданные — из полимеров. Их и сравнивать со старыми нельзя: прочные, недорогие, на все случаи жизни — и бумагу клеят и сталь — знаменитый БФ-2 все хорошо знают.

Казалось бы, теперь все благополучно — клея выпускают много, хорошего и разного. Но возникают другие задачи. Вот, например, нужно соединить две металлические детали. Да так соединить, чтобы в месте соединения проходил электрический ток. А любой обычный клей ток не пропускает. «Тогда надо не клеить, а паять!» — скажет любой радиолюбитель.

Хорошо, а если паять нельзя? Бывают детали, которые от горячего паяльника сразу разрушаются. Что тогда?

Тогда на помощь приходит новый, необычный клей — металлический. В основе его особый материал — галлий. Он, как и ртуть, делается жидким при низкой температуре: положишь кусочек галлия на ладонь, а он плавится.

Как же застывает металлический клей и как он клеит? Тут все дело в поведении молекул. Молекулы твердого металла проникают между молекулами жидкого галлия, и наоборот — образуется однородная твердая масса, ее еще называют твердым раствором. А потом этот раствор проникает в материал склеиваемых деталей. Он как бы обменивается с ними молекулами. В конце концов нельзя даже разобрать, где кончается деталь и где начинается клей...

Есть у этого клея еще одно достоинство: он выдерживает такую высокую температуру, при которой от всех других остается одна зола. Недаром металлический!

Увидеть его на прилавках магазинов можно будет еще не скоро. Он, во-первых, недавно создан, во-вторых, галлий — недешевый материал, его выпускают пока не так уж много. И работать с таким клеем без навыка трудно. Уж очень он непохож на другие.

О. ЛИБКИН

А. КРЕСТИНСКИЙ

Король Бим-Бом

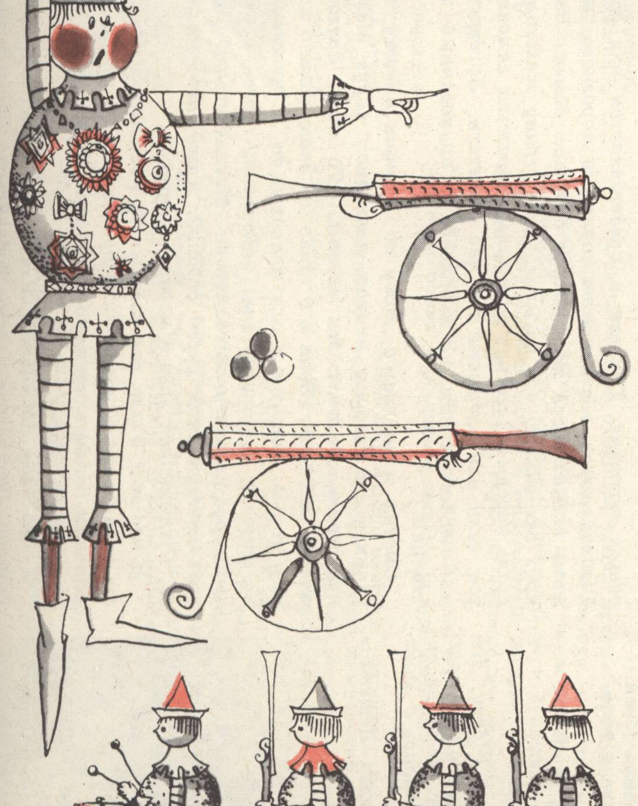
Король Бим-Бом затеял бой
За вражеский ручей,
Хотя (и это знал любой!)
Ручей тот был ничей.

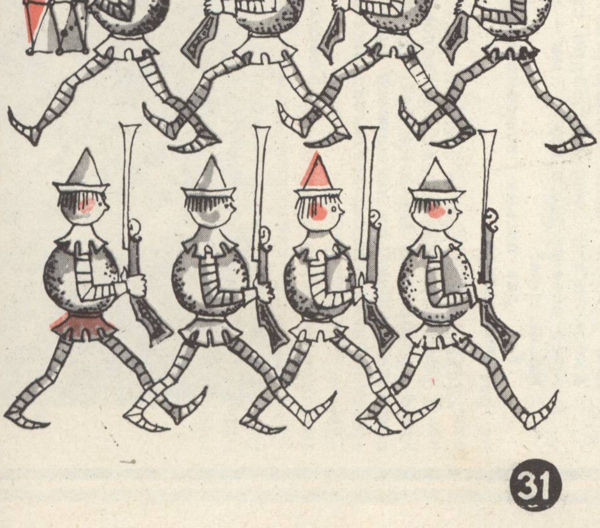
Король Бим-Бом свои войска
Вооружил всерьез,
А ветерок подул слегка
И всех врагов унес.

Король Бим-Бом давным-давно
К сражению готов,
Все для победы учтено,
Недостает... врагов.

Король Бим-Бом решил взамен
Пожертвовать собой:
Он окружил себя,
взял в плен,
И ордена — долой!

Зеленая Гора

Зеленая гора,
Она не за горами.
Пусть дождь как из ведра,
Пусть молнии над нами,
Подняться бы с утра
И с песней за плечами —
К тебе, моя гора!

Зеленая гора
Прекрасна на рассвете,
Роскошнее ковра
Не соткано на свете —
Бессильны мастера!
...На ней играют дети,
Беспечна их игра.

Зеленая гора
Меня все манит, манит,
Зовет к себе: «Пора!»
А я все занят, занят —
И нынче, и вчера,
И завтра тоже занят
Я с самого утра.

Зеленая гора
Ждала меня, ждала,
И на зеленых лапах
Ушла она, ушла.
Остался только запах
Зеленого тепла
И дождевая капля
На кончике пера.

Зеленая гора...

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ

КОМСОМОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ

ТЫ ПОМНИШЬ, ЗА ЧТО КОМСОМОЛ В 1931 ГОДУ ПОЛУЧИЛ ВТОРОЙ ОРДЕН — ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ!

ДОКУМЕНТЫ И ФОТОГРАФИИ, КОТОРЫЕ ТЫ ВИДИШЬ НА ЭТИХ СТРАНИЦАХ, РАССКАЖУТ ТЕБЕ О ГЕРОИЧЕСКОМ ТРУДЕ КОМСОМОЛА НА СТРОЙКАХ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ.

В 1929 году мы начали создавать крупнейший в мире гигант металлургии — Магнитку. Американский капиталист Герри строил такой завод восемнадцать лет, а мы — два с половиной года.

Вот два письма комсомольцев в адрес Магнитостроя.

«Директору мирового гиганта.

Я ударник. Имею премии за хорошую работу. Желаю буксировать Магнитострой. Прошу Вашего распоряжения прибыть на мировой гигант. Ответ не пишите, потому что наша бригада уже снялась с Москвы и едет до Вас.

Комсомолец Лещенко».

На Магнитку приехали комсомольцы.

«Товарищи магнитостроевцы! Я работаю телефонистом на нашей станции Амосово. Я много читал о вашем героизме. Так вот и представляется мне сибирский мороз, и в нем огни горят. Из морозного тумана поднимаются леса вокруг будущих домен. Вокруг тех самых, что насытят нашу страну железом, сталь которых хлестнет по крыльям вражьих самолетов, если они задумают на нас налететь. Хотелось мне попасть к вам, но я больной и прикованный к станции...

Смотрю я на поезда, хожу по станции и вижу в тупиках на вагонах мелком написано: «Груз Магнитостроя». И стоят эти вагоны... То идет, другое идет, а они стоят. Взял я и тайно (не знаю, можно ли так) только написал я сам плакаты да и приклеил на вагонах. А написал так: «Товарищ! Здесь срочный груз гиганту металлургии Магнитострою. Не будь преступником перед страной, жаждущей железа. Проталкивай груз в первую очередь!»

И что же? Ушли все вагоны. Не показываю я виду, спрашиваю у начальника про них. А он говорит: «На них надпись какая-то неудобная. Неловко их на станции держать».

Я про себя посмеялся. Мне стало радостно своей помощи. Захотелось с вами поделиться. Вот и написал.

Алексей Барышев».

...Татарин Галиулин ходил по оврагам, драл дохлых лошадей. Им в городах и деревнях пугали детей. Он никогда не спал на чистой постели, не ел вдоволь хлеба, ему никогда никто не сказал ласкового слова, его повсюду гнали, как паршивую собаку.

Сейчас его знает вся страна. Это он дал мировой рекорд в Магнитогорске по выемке земли, по замесу бетона, его сорок четыре раза премировали: часами, грамотами, костюмами, квартирой, путевками на курорт, тысячами рублей денег. Ему каждый день говорят ласковые мужественные слова, его считают лучшим человеком. Его перевоспитал завод, а завод создан политикой индустриализации страны.

Из выступления писателя Александра Авдеенко на VII съезде Советов.

В том же 1929 году на Оке, близ Нижнего Новгорода, на месте деревни Монастырки, началось строительство крупнейшего в Европе автомобильного завода.

Здесь, как и на других стройках, комсомол был впереди.

Из дневника комсомольца Жохина

«Ночь. А в темени говор и шум. Это собралось четыре бригады: Гришки Переходникова, Гулина, Аксенова и Лукьянова. Слет получился внезапный. Было так: пришли баржи с леском, гравием и цементом. Но... баржи стоят, не все рабочие вышли на выгрузку: ждать же утра не в наших темпах. Однако, кто станет выгружать баржи? Ответ один — комсомольцы. Они ведь не раз выручали...»

Начинается кладка стен автозавода.

Славным подвигом комсомола тех лет было строительство города Комсомольска, возведенного в таежной глуши, в далеком пустынном краю.

Из дневника одного из первых строителей Комсомольска Михаила Ильина. Сейчас Михаил Ильин—начальник отдела труда и зарплаты завода «Амурлитмаш».

«*10 мая 1932 г.*

Наш путь от Черного моря до Тихого океана продолжался 55 суток. Когда мы покидали Одессу, там звенела весенняя капель, а спустя полтора месяца мы увидели глубокий снег. Сегодня утром бросили якоря у левого берега Амура напротив никому не известного села Пермского, состоявшего из трех десятков почерневших изб и покосившейся часовни...

По шаткому трапу мы сошли на берег. К вечеру здесь вырос поселок из палаток. После разгрузки трюмов среди наваленных кучами мешков и ящиков состоялся митинг. Поклялись задание партии выполнить...

11 июня

На строительной площадке теперь уже около пяти тысяч комсомольцев, создана милиция в количестве двух человек.

Начали наступление на тайгу. Место для нового города метр за метром отвоевываем у заболоченного леса. Работа тяжелая и непривычная. Рабочей одежды и обуви нет. В холодную жижу болот приходится лезть в городских ботинках. Не хватает инструмента — обыкновенных пил и топоров. Но нельзя терять напрасно ни одного часа...

5 июля

Третий месяц стучат на площадке топоры, рушатся кедры, лиственницы, осины. Тайга отступает, оставляя на поле битвы чудовищные пни, похожие на осьминогов...

Вчера в столовой, пристроенной к деревянной часовне, состоялась встреча лодырей с ударниками стройки. Было внесено предложение — платить деньги прогульщикам через специальную черную кассу, а пищу выдавать в последнюю очередь. Многие тут же дали твердое слово трудиться честно. Прогульщиков направили в прачечный отряд. Уныло полоская белье, они трагически пели: «Позабыт, позаброшен»...— пока не стали мишенью всеобщих насмешек. Ночью они разыскали бригадира и потребовали: «Посылайте нас в тайгу. Больше не можем».

1 октября

Постройком подвел итоги сентябрьского штурма по раскорчевке пней и постройке жилья. Второму участку присуждено Красное знамя, лесозаводу — орден Медведя, коллективу гужевого транспорта — орден Черепахи, а четвертому участку — рогожное знамя.

1 мая 1933 г.

Сегодня была праздничная демонстрация. Все высыпали из изб, землянок и шалашей. Оркестр заиграл марш...

Первый шалаш строителей Комсомольска-на-Амуре.

Состоялась закладка первого капитального квартала города. Металлический цилиндр с актом закладки положил в фундамент В. К. Блюхер, командующий Особой Дальневосточной армией».

Из воспоминаний Героя Советского Союза Алексея Маресьева.

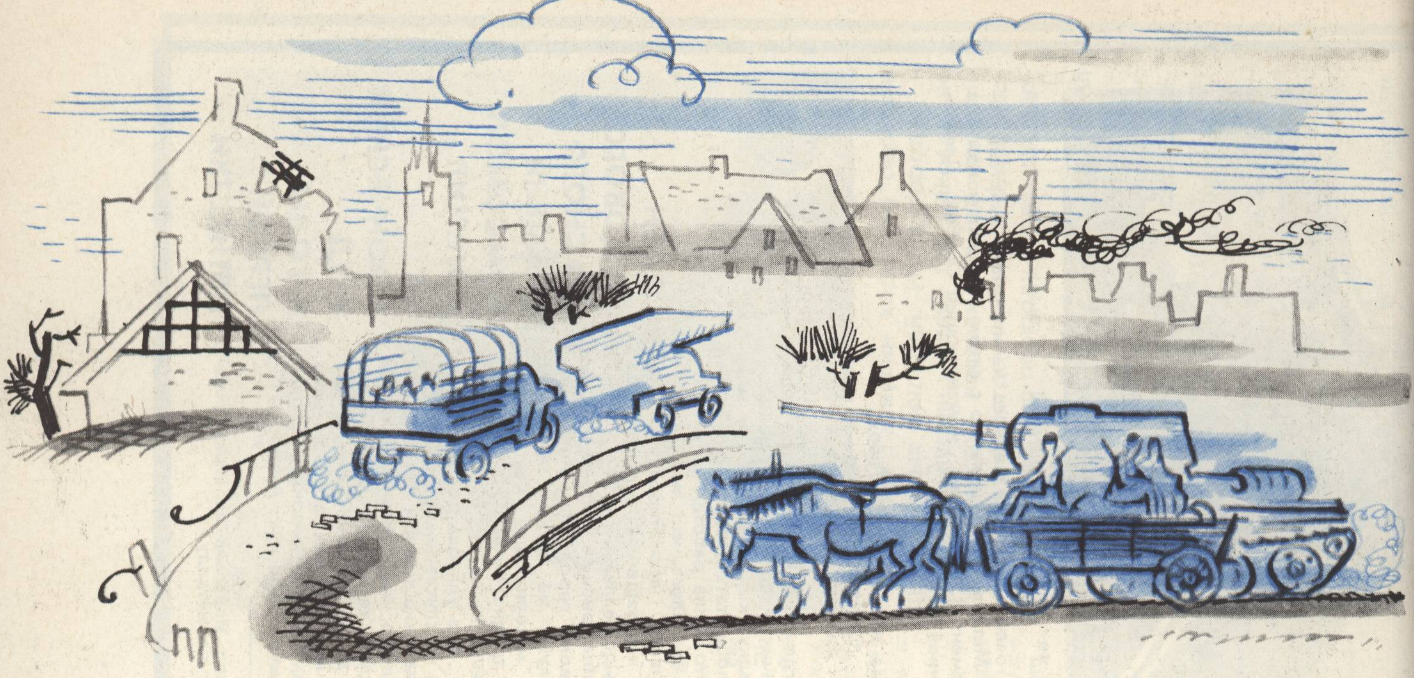
«Когда мы приехали, город только начинал строиться. Расчищали площадку, корчевали пни, и мне пришлось стать лесорубом [1]. Трудная это была работа, что и говорить. Случалось, что люди не выдерживали, дезертировали. Это было настоящее испытание, и мы его выдержали».

Группа юношей решила создать в новом городе аэроклуб. «В аэроклубе не было классов, не было материальной части. Было очень трудно с горючим...

Помню, какое это было счастье, когда мне удалось достать ведро масла на глиссере, который работал на авиационном моторе. Мы шли на все, чтобы только подняться в воздух, хоть немного полетать. И мы добились своей цели. В 1937 году нас, первых воспитанников комсомольского аэроклуба, взяли пилотами в Красную Армию».

[1] Ехал Маресьев на стройку токарем по металлу.

ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ КОМСОМОЛ ПОЛУЧИЛ ЗА ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРУД В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

Михаил КОЛОСОВ

Яшкина

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание

«ВОТ ОНА, ГЕРМАНИЯ!»

Бег поезда замедлился, и теперь шел он с перебоями: то подолгу стоял на перегонах, то медленно продвигался вперед по искалеченной дороге, по хлипким мостам. На какой-то станции его потолкали взад-вперед и оставили в покое. А потом вдоль поезда забегали люди, и из их разговоров Яшка понял, что эшелон будут разгружать. «Кажется, приехали,— подумал он,— надо выбираться».

Когда голоса удалились, Яшка осторожно высунул голову из-под брезента, осмотрелся. Яркое солнце полоснуло по глазам, он зажмурился. Затем протер глаза, глянул влево, вправо и прыгнул на землю. Вдали стояло серое, с чудно́й островерхой крышей здание. Черными буквами на стене написано «Dreißigmü...» Окончание слова вместе со штукатуркой было отбито снарядом.

«Германия! — пронеслось в голове, и по всему телу побежали мурашки.— Неужели Германия?..» — не верил себе Яшка.

Он быстро пошел в сторону от станции и вскоре оказался на шоссейной дороге. Здесь девушка в военной форме с флажками в руках бойко регулировала движение. По шоссе нескончаемым потоком шли машины, танки, пушки... На обочине большие красочные плакаты: «Вот она, проклятая Германия!», «Добьем фашистского зверя в его собственной берлоге!». На одном щите нарисован веселый солдат, перематывающий портянку. Внизу подпись: «Дойдем до Берлина!».

— Германия! — прошептал Яшка и в изумлении раскрыл рот, глядя на регулировщицу и бесконечный поток военной техники.

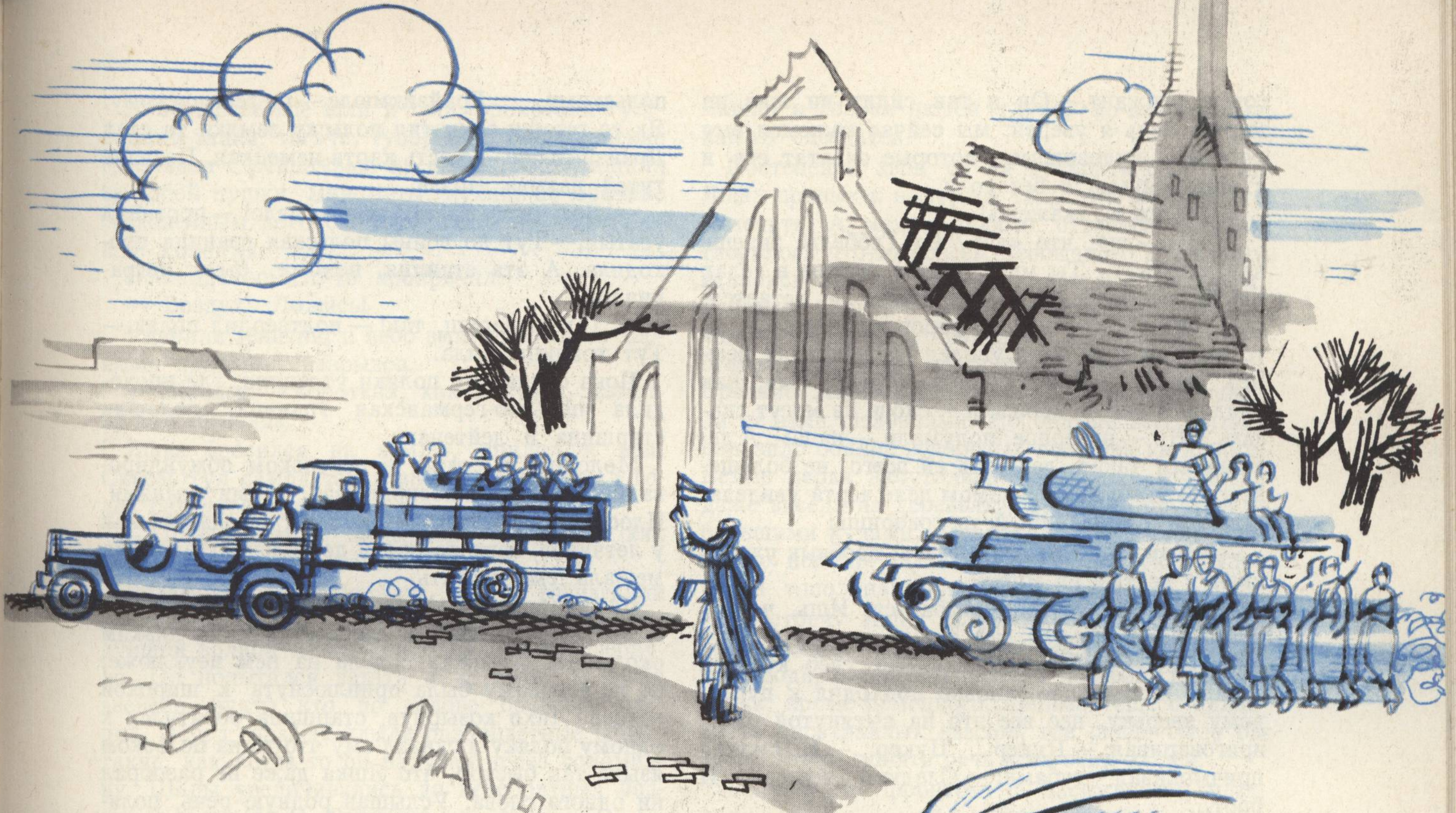
Яшка не знал, что делать и куда идти. Присел у разбитого дома на пустой из-под снарядов ящик, решил переждать, когда пройдут машины, и потом подойти к регулировщице.

У другого угла, невдалеке от Яшки, расположилась группа солдат — человек тридцать. Они поснимали с себя скатки, побросали на траву вещмешки, автоматы, повалились на землю кому как удобнее. Солдаты были усталые и чем-то недовольные. Они горячо что-то обсуждали, кого-то ругали.

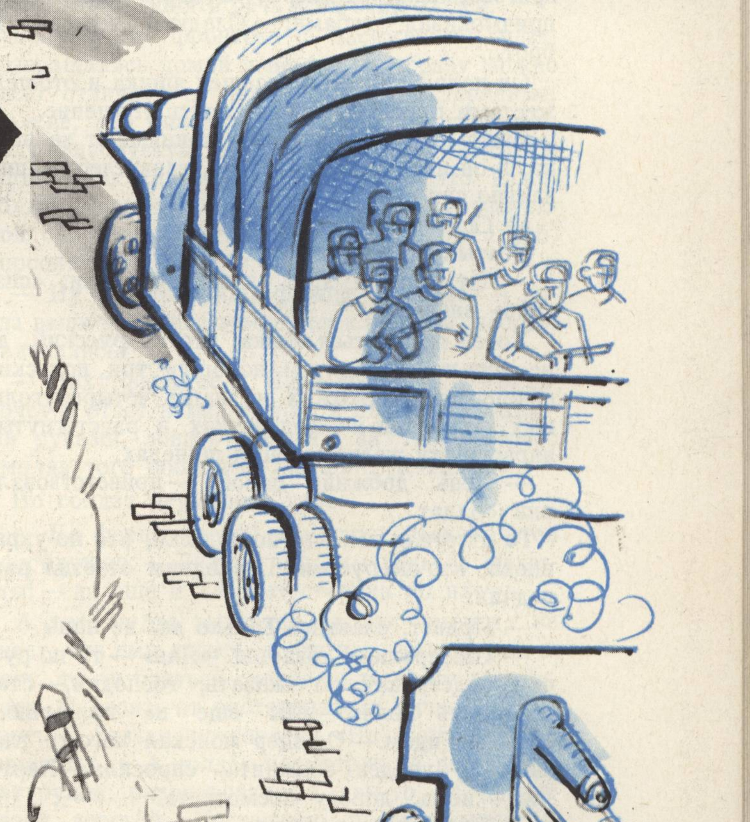
— Ведь ясно же, что идем назад,— ворчал молодой солдат, одетый в зеленый маскхалат, видать, разведчик.— На Берлин — вон куда. А мы — в тыл.

— Но ведь карта показывает сюда,— возразил ему сержант.

— Карта, карта... Может, там есть другой Драйзикмюль.

одиссея

— Вот придет старшина — узнаем, он выяснит. Чё зря спорить?

На минуту все притихли. Вдруг кто-то воскликнул:

— Ребята, смотрите, немчуренок!

Яшка оглянулся, чтобы тоже посмотреть на немчуренка, и увидел, что все глядят в его сторону. Пожилой усатый солдат даже приподнялся и, прищурив глаза, рассматривал Яшку, как диковинку.

— Ну ты скажи! — проговорил он удивленно.— Такой же, как и наш: белобрысенький, курносый.— И, помолчав, добавил: — Наверно, голодный, есть хочет.

— Уже пожалел,— заворчал разведчик.— Может, он шпион: сидит и считает машины, танки.

— Хе,— усмехнулся усатый.— Разве сейчас сорок первый год? Пусть считает, собьется со счету. Грицько, у тебя сахар остался?

— Ну, ну, подкармливай, подкармливай... Уже забыл, что они на нашей земле делали?

— Дети есть дети, при чем они?— проговорил усатый.— Так как, говоришь, сахар по-ихнему? Цукрен? — спросил он у разведчика, не обращая внимания на его ворчание.

— Цукер... Никак не запомнишь.

— Не трогайте мальчишку,— вмешался в раз-

Рисунки
В. ВИНОКУРА

говор сержант.— Он и так сидит ни жив ни мертв. Ведь я уверен: мы сейчас кажемся ему рогатыми чудовищами, которые схватят его и съедят живьем и без соли.

— Да уж ты скажешь!..

— Что «да», что «да»? Их Геббельс знаешь как напугал?.. Ты много видел немцев в селах или в городах? Все бегут, никто не остается. Одни перья от них по дорогам валяются. Я только в одном доме увидел гражданских немцев. Зашел, хотел спросить дорогу. Они, как увидели меня, задрожали — слова не могут сказать. «Ну,— наверное, подумали,— хана». А девочка вот такая, лет пять ей всего, не больше, закричала, будто и в самом деле черта увидела. А почему? Внушили. А ты говоришь!

— Этот вроде ничего, видать, пообвык уже,— кивнул усатый на Яшку.

— Смотри, смотри, улыбается! Ишь, чертов немчуренок. Ну-ка, дай я ему отнесу, пусть покушает.— Солдат положил на хлеб кусочек сахару и медленно, словно подходил к пугливому зверьку, нес все это на вытянутой руке, приговаривая: — Цукер... Цукер...— И смачно причмокивал губами: — Сладкий цукер! И брот...

Он положил все на краешек ящика и отошел, жестами приглашая Яшку взять угощение.

Яшку забавляло, что его принимают за немца, и он нарочно молчал. Но, взяв хлеб, машинально проговорил:

— Спасибо.

Усатый от радости даже подпрыгнул:

— Ты смотри! Уже славяне обучили: «спасибо» знает!

Хотел признаться Яшка, что он русский, да не успел: к солдатам подошли три польских офицера в непохожих на наши четырехугольных фуражках-конфедератках и расстегнутых нараспашку желто-зеленых шинелях.

— День добжий, панове! — приветствовали они солдат.

Те ответили им, кто по-польски, кто по-украински, кто по-русски. Последним ответил разведчик:

— Привет, славяне. Только мы не паны.

— Пшепрашем, товарищ. «Пан» — то по-русски будет, как то сказать, господин,— стал объяснять поляк.— Мы еще не привычне... З плену идем.— Офицер поискал кого-то глазами и, увидев сержанта, спросил: — Карты ниц — нема, дорогу посмотреть?

— Трофейная у меня.

— Вшицко едно.

Сержант достал карту, и все, гомоня, уткнулись в нее, а потом заспорили. Сержант говорил, что этот городок, эта станция, где они сейчас находятся, называется Драйзикмюле, а поляк утверждал, что это Дравский Млын.

— Я так и знал, что мы не туда идем. Какой дурак послал бы нас в тыл? — проговорил разведчик и раскачивающейся, независимой походкой отошел в сторону.

— Нет, то есть правда,— вмешался в разговор другой поляк.— Дравский Млын — попольскому, Драйзикмюле — по-германскому. Як то герман захватил польску землю, то стал Драйзикмюле. То есть карта немецкая. Познань тутей назыв Позэн...

— Вот, оказывается, в чем дело! — протянул усатый.— Тут до войны польская граница проходила. А эта станция, похоже, была пограничной.

— Так, товарищ, так! — подтвердил поляк.— Тут граница была.

Пока солдаты и поляки уточняли, где проходила польско-германская граница, подошли старшина и лейтенант.

Молодой, высокий, в новеньком обмундировании, лейтенант поскрипывал тугими ремнями. Плоская планшетка на длинных ремешках, как у летчиков, свисала почти до колен. Планшетка мешала ему шагать.

На старшине офицерское обмундирование, вылинявшее, а сапоги запыленные. С низким околышем фуражка сидела на нем неуклюже, не по-военному была приплюснута к широкой голове. Лихо козырнув, старшина обратился к одному поляку и сказал ему что-то на польском языке так быстро, что Яшка даже не разобрал ни одного слова. Услышав родную речь, поляки оживились, стали говорить, обращаясь то к старшине, то к лейтенанту.

Узнав, что они хотят идти на Познань, лейтенант сказал, что туда не пройти: Познань пока не освобождена, там немцы сидят в окружении. Он посоветовал им обратиться к польскому коменданту и рассказал, как его найти. Поляки обрадовались, узнав о коменданте, поблагодарили лейтенанта и ушли.

Старшина построил солдат в две шеренги, скомандовал: «смирно». Но лейтенант, махнув рукой, проговорил: «вольно». Подойдя поближе к солдатам, он стал объяснять, зачем они сюда пришли.

— Здесь не тыл, как некоторые думают, а фронт. Воюем, правда, мы главным образом по ночам. В окрестных лесах бродят разбитые части немцев, некоторые прорываются из Познанского котла. Днем они отсиживаются, прячутся, а ночью стремятся прорваться к фронту и через фронт — на запад. Наша задача — охранять станцию, обезвреживать эти группы, брать в плен или уничтожать, если оказывают сопротивление.— Лейтенант ходил вдоль шеренги, склонив голову. И вдруг остановился, посмотрел на солдат в упор, строго: — Поэтому дисциплина здесь фронтовая. Отдыхаем днем, ночью воюем. Сегодня отдыхать не придется — уже вечереет. Вчера бой начался сразу с заходом солнца, на станцию вышла большая группа гитлеровцев, и бой шел до утра. Вопросы будут?

— Ясно,— вразнобой ответили солдаты.

— Тебе все понятно, разведчик?

— Понятно, товарищ лейтенант.

— А раз понятно,— он повернулся к старшине,— за мной шагом марш!

Подняв пыль сапогами, солдаты устремились вслед за лейтенантом.

А по шоссе все шли и шли, грохотали гусеницами танки, тягачи, тупорылые американские грузовики с решетками на фарах. Они тащили за собой пушки, минометы, кухни; по обочине бесконечным потоком торопились на запад пешие солдаты.

Неожиданно кто-то прокричал:

— Воздух! Ложись!

Ударили зенитки, и небо вмиг покрылось черными хлопьями разрывов.

— Ложись! — короткая, как выстрел, взметнулась команда.

Яшка бросился на землю, прилип к ней. Сквозь гул самолетов и вой бомб услышал голос регулировщицы:

— Давай, давай, проезжай! Тащишься как дохлый, — не на базаре!..

Вслед за этим раздался взрыв, взвизгнули осколки, а потом опять взрыв... Упругой воздушной волной Яшку приподняло и перевернуло. Он попытался встать и не смог. В ушах звенело, будто кто по голове бревном ударил. Перед глазами плыли разноцветные шары, такие, как когда-то он надувал через соломинку. Шары увеличивались до невероятных размеров и исчезали. Тошнило...

Кто-то тронул Яшку, крикнул:

— Эй, сюда! Мальчишку ранило!

«Раненый, — обрадовался Яшка, — не убитый...»

Он открыл глаза и, как в тумане, увидел над собой военного. Военный улыбнулся, спросил:

— Как дела? — и тут же по-немецки: — Wie geht es?

Яшка собрался с силами, пожаловался:

— В голове звенит...

— О, да это русский мальчишка! — удивился военный. — Из лагерей, наверное, домой спешил и — на тебе, чуть не погиб. Ничего, парень, крепись, жить будешь! — Он помог Яшке подняться, усадил на скамейку, ощупал: — Помоему, не ранен? А?

Не знал Яшка, что сказать, не мог сообразить, что с ним случилось.

— Нет, не ранен, — заключил военный. — Малость контузило. Но это пройдет. Посиди, отдохни.

И военный куда-то ушел. Ему надо было помогать другим, кто действительно ранен.

ДЛИННЫЕ ВЫВЕСКИ

Посидел Яшка, отошел малость. Огляделся. Вокруг все так же, как и было. Та же регулировщица флажками указывала машинам дорогу и то улыбалась водителям, то покрикивала на них.

С трудом поднялся Яшка, поплелся обочиной дороги, сам не зная куда. Идет, смотрит по сторонам да головой потряхивает — звон хочет стряхнуть. Уши будто ватой заложило: гудки машин и голоса людей глухо, по-необычному как-то слышатся.

Постепенно звон то ли прекратился, то ли Яшка привык к нему, — а только не стал он его замечать. А может, просто отвлекся: кругом творилось что-то совсем необычное. В кюветах валялись кверху колесами повозки, машины, барахло разное — ведра, кастрюли, тряпки, ящики картонные, фанерные, железные, блестящие и ржавые, четырехугольные и круглые. Крепкие зеленые ящики из-под снарядов лежали целыми штабелями. Но больше всего Яшку поразило обилие вспоротых подушек на дороге. Белые перья запутались в траве, в кустах и даже висели на деревьях. Местами они лежали большими кучами, испачканные в грязи и примятые ногами. Пух носился в воздухе, будто цвела тополиная роща.

Навстречу Яшке шли бесконечным потоком оборванные, исхудалые, в немыслимых одеждах люди, освобожденные из лагерей. Если бы Яшка, кроме немецкого, понимал еще с полдесятка иностранных языков, все равно было бы мало, чтобы понять речь всех этих людей.

Вспугнутые фронтом с насиженных мест, возвращались домой и немцы. Их сразу можно было отличить от всех других: растерянные, жалкие, они виновато озирались по сторонам, услужливо уступали дорогу, жались к самой кромке. Их никто не трогал, разве что какой солдат-озорник подойдет к тележке, с напускной суровостью взглянет на весь этот скарб, спросит:

— Ну что, товарищи фрицы, дрожите? А когда ваши на нашей земле резвились, вы, небось, радовались?

— Нихт ферштее... Нихт ферштее... — залопочет в ответ немец-старик и станет дрожащими руками ловить солдата за гимнастерку, умоляя того пощадить женщин, детей...

Но солдат неумолим, строг:

— Не ферштекаешь! — и вдруг расхохочется добродушно: — Ладно, иди, мы ведь не фашисты! — да еще и хлопнет старика по плечу.

А тот, будто вырвался из лап смерти, не знает, что ему делать, то ли ноги целовать солдату, то ли браться скорее за тележку да удирать. И стоит, от растерянности ничего не делает, а только повторяет: «Не фашисты, не фашисты...» А солдат посмотрит на него, махнет рукой, разочарованный чем-то, и пойдет своей дорогой. Постепенно рассасывается и разноязыкая толпа зрителей. Каждый рад был случаю остановиться, передохнуть, а заодно и посмотреть, чем кончится конфликт.

Один Яшка стоит и долго смотрит на немецкую семью — на старика, на двух женщин, на девочку, и думает, думает про войну, про немцев. До сих пор он видел их только в военной форме, с оружием — гордых, надменных, беспощадных, а они, оказывается, и вот какие... Люди... Обыкновенные люди...

Поплелся дальше, а из головы не выходит эта семья, и чувствует он, что ему жалко становит-

Город совсем пустой. Оглянется Яшка, посмотрит вдоль рядов серых громадин — ни души. Жутко.

ся немцев, и начинает Яшка осуждать солдата: «Зачем напугал?.. Что они ему сделали?..»

Не заметил, как и город начался. Только когда увидел большие серые дома, очнулся от своих думок, стал рассматривать улицу, читать уцелевшие вывески. Прямо перед ним на кронштейнах, вбитых в стену, большие буквы, как вензеля: «Bier», а внизу для наглядности пивная кружка с шапкой белой пены. Напротив таким же манером пристроен к стене прозрачный, будто из хрусталя, сапожок и поверх окон, прямо на стене, надпись: «Schuhmacherei». А потом пошли «Buchbinderei», «Brotbäckerei», «Delikatessenhandlung».

— Ух ты, какое слово длинное! — удивился Яшка, но перевести его не смог. Понял только, о каких-то деликатесах речь идет, и сразу представил себе разные вкусные вещи — пирожное, конфеты. Проглотил слюнку, заглянул внутрь — никаких деликатесов там не оказалось. Полки пустые, витрины разбиты.

Идет дальше, оглядывается: город совсем пустой, даже солдаты в нем как-то теряются — мало их, и потому стук каблуков слышен издалека. Пройдут — и снова на улице никого, пусто. Оглянется Яшка, посмотрит вдоль рядов серых громадин — ни души. Жутко. Хуже, чем в пустыне.

Видит: «Warenhaus» — универмаг. В витринах красивые манекены улыбаются, дверь широкая настежь. Вошел. А внутри, как после погрома: товар на полу валяется, вещи разные будто нарочно переворошены, чтобы ничего не разобрать. Все перемешано, перемято, перебито, перетоптано.

Прошел Яшка осторожно в глубину магазина, старается не наступать на вещи: жалко. Под ногами хрустят осколки фарфоровой посуды, разноцветные стекляшки украшений. Костюмы, платья, обувь все еще испускают запах нового товара. Поднял Яшка одежонку какую-то, стряхнул с нее мусор, рассмотрел — жакетка женская. Красивая и тепленькая. «Маме такую — вот бы обрадовалась! Никогда ведь не носила ничего подобного...» И Яшка стал сворачивать жакетку, чтобы сунуть в вещмешок. Свернул и стало стыдно. «Обрадовался, дурак, будто ничейную нашел», — упрекнул он себя и

оглянулся по сторонам: не наблюдает ли кто за ним — вот позор будет! Вроде никого. Положил жакетку аккуратненько на прилавок, вышел на улицу. «Ну его, магазин этот...»

Вышел, а тут — спектакль настоящий. Солдат в шляпе с перьями на голове пытался оседлать дамский велосипед. Трое других подзадоривали его и хохотали. Откуда ни возьмись — младший лейтенант. Закричал на солдата сердито:

— Это что за маскарад?!

Солдат быстро сдернул с головы шляпу и пустил ее вдоль по мостовой, вслед за ней толкнул велосипед — он прокатился немного и грохнулся на булыжник. Заднее колесо задралось и долго вертелось, сверкая спицами.

— Виноват, товарищ младший лейтенант!

— Как не стыдно! — срамил его офицер.— Что о тебе подумают люди? — Он оглянулся и, увидев Яшку, кивнул на него: — Вот этот маленький немец — он ведь на всю жизнь тебя запомнит и будет говорить: «Русские солдаты такие и такие, делают то-то и то-то».

— А плевать, что обо мне будет говорить фашистенок. Ихние что на нашей земле делали? А тут подумаешь — пошутить нельзя...— Солдат пнул ногой велосипед.

— Зачем вещь ломаешь?

— Да что вы в самом деле! Я от самого Сталинграда шел, а вам жалко фашистского велосипеда? Тут спалить все надо, чтобы камня на камне...

— Глупости говоришь! Подними сейчас же машину и поставь к стенке.

Солдат нехотя повиновался.

— А теперь шагом марш в подразделение,— приказал младший лейтенант, и они разошлись в разные стороны.

Проводил их Яшка глазами, а когда они скрылись, подошел к велосипеду, стал разглядывать его, будто диковинку какую, не прикасаясь.

Осмелел, взялся за руль. Сердце подпрыгнуло от мысли: «Возьму вот да и сяду... Прокачусь...» Всю жизнь мечтал Яшка о велосипеде, даже ездить научился, но никогда не надеялся, что у него будет свой. Откуда матери взять такие деньги? А тут вот он, стоит без дела.

Крутанул Яшка педаль, поставил на нее ногу, а другой оттолкнулся. И проехал так на педали по тротуару. Остановился, оглянулся: никому до него дела нет. Повернул в обратную сторону и снова оттолкнулся. Проехал немного, а нога будто сама перекинулась через седло. Руль вильнул, но Яшка вовремя выровнял его и покатил не спеша. Хорошо!

«Объеду город, поищу госпиталь и поставлю велосипед на место»,— решил Яшка и нажал на педали как следует.

Поехал.

Оказалось, не все улицы такие глухие, как та, первая. Там, где расположились войска, стоял шум, сновали машины и подводы. Даже верблюда видел, запряженного в большую фуру. Поглазел на него, подивился, как далеко забрался двугорбый — до Германии дошел.

Вечереть стало — забеспокоился Яшка, повернул обратно. Но на прежнюю улицу не попал, заблудился. Спросить? Названия не знает. Да и зачем она ему, та улица, что там, родственники его живут? На ночлег где-то надо устраиваться. Спросил у патрулей, где можно переночевать. Рассмеялись солдаты:

— Выбирай любой дом и залезай под перину.

Стоит Яшка, мнет велосипедный руль, не знает, что ему делать. Солдаты — народ веселый, настроение у них хорошее, шутят. А Яшке не до шуток: ночь приходит, не оставаться же на улице.

Один солдат оглянулся, толкнул товарища:

— Да у парнишки беда, наверное...

Вернулись.

— Ну, ты что?

— Эх, как запугали народ фашисты проклятые! В пустой дом человек боится зайти переночевать.— И к Яшке: — Ты не боись, заходи и спи. Под перину — и все.

«Опять — «под перину»,— думает Яшка.

— Ну чего смотришь? У них перинами накрываются заместо одеяла.

— Да знает он, что ты ему толкуешь? Насмотрелся, наверное, как они жили. В лагерях был или батрачил?

— Госпиталь ищу,— сказал Яшка.— Брат там мой раненый лежит.— Достал письмо, показал полевую почту.

Посмотрели солдаты, развели руками — не знают они такого госпиталя.

Руль вильнул, но Яшка вовремя выровнял его и покатил не спеша. Хорошо!

— А переночевать — вон заходи в особняк и живи, как фон-барон,— сказали и пошли своей дорогой.

«ACHTUNG!»

Завел Яшка велосипед во двор, прикрыл за собой узорчатую металлическую калитку, осмотрелся. Культурный дворик: клумбочки, кусточки подстриженные, на дорожках ни соринки, даже ступать боязно. Однако решился, пошел к дому и велосипед за собой потащил. Прислонил его к стене, толкнул коричневую дверь с блестящей медной планкой по низу. Дверь бесшумно отворилась, и Яшка оказался в просторном коридоре. Постоял, прислушался — откуда-то доносился непонятный шум, вроде как ливень за стеной. Сообразил, открыл боковую дверь. В белую и чистую, как тарелка, раковину хлестала вода из изогнутого лебединой шеей крана. Яшка закрутил кран, поднял с пола полотенце — мохнатое и мягкое, будто мех лисицы,— повесил на крючок.

Ванна тоже белая, без единого пятнышка. Не выдержал — потрогал ладонью гладкую эмаль, а потом и хромированную лебединую шею крана. Все блестит, все сверкает. Жили люди! Наверное, действительно фон-барон какой-нибудь обитал тут. Смылся...

Вышел Яшка из ванной, поднялся по лестнице на второй этаж. Заглянул в одну комнату, шкафы открыты, ящики комодов вытащены, вещи на полу, как в том универмаге. Не стал и заходить, открыл дверь в другую комнату — спальня. Две широкие деревянные кровати, как баржи, стояли на середине комнаты.

Присел на край кровати, положил на пол вещмешок. «Вот тут и заночую». Хотел раздеться, но вспомнил о велосипеде и спустился вниз. Затащил его в коридор на всякий случай. Ночью могут увести, а он ему еще пригодится: ездить — не пешком ходить.

Солнце село, сумерки сгустились, и из каждого угла стала наползать темнота. Яшка щелкнул выключателем, но люстра осталась мертвой. Ни спичек, ни зажигалки у него не было, а без света плохо: жутко, неуютно, одиноко. Все предметы вырастают в какие-то немыслимые существа и, будто живые, приближаются к нему.

«Уж лучше на улице быть, чем тут...» — и Яшка хотел было удрать из дома. Взял вещмешок, подошел к двери, но раздумал. «Чего бояться? В доме никого, а на улице патрули ходят».

Вернулся. Однако даже ботинки не снял, так одетым и лег. Все-таки не дома, мало ли что может случиться. Закрыл глаза, стал считать, чтобы ни о чем не думать и поскорее заснуть. До трехсот досчитал, а мысли разные все равно в голову лезут. Перевернулся вниз лицом и снова считать. На этот раз помогло — засыпать стал. И вдруг грохот внизу — велосипед загремел, звонком брякнул. Вскочил Яшка, прислушался: тишина. Уже хотел было лечь, как услышал вкрадчивые шаги по лестнице. Скользнул с постели, юркнул под кровать, вещмешок подтащил к себе. Сердце пойманной птицей забилось. Ждет.

Дверь потихоньку открылась, и по полу забегал желтый кружок от фонарика.

— Niemand da...— услышал Яшка приглушенный голос и обомлел: немец! И тотчас лестница заскрипела под тяжестью множества ног, но в спальню никто не пошел, загомонили за дверью.

Прислушивается Яшка, ничего не может понять; говорят почти шепотом.

Дрожащими руками он развязал вещмешок, достал пистолет, нащупал большим пальцем предохранитель, перевел его вниз. «Ну, теперь пусть сунутся!..»

Спор за дверью не прекращался, пока наконец один из немцев не рявкнул:

— Achtung!

Затихли, и немец этот начальственным тоном говорить стал.

Не все разобрал Яшка, но главное уловил — в три часа на станцию нападение готовится. Вспомнился старшина с солдатами, лейтенант в новеньком обмундировании... Они уверены, что враг из леса появится, а немцы в самом городе уже, совсем с другой стороны нагрянут. Предупредить бы... Но эта мысль сразу же померкла, как несбыточная: немцев много, а он один с маленьким пистолетиком сидит под кроватью, как мышка.

В спальню вошли двое, повалились на кровать. О чем-то вполголоса перебросились несколькими словами и умолкли. Затаился и Яшка: не выдать бы как-нибудь свое присутствие. Решил ждать, когда немцы уйдут, а потом побыстрее выскочить на улицу и рассказать обо всем патрулям. Но вот на кровати захрапели, и Яшка план свой изменил. «Надо сейчас незаметно улизнуть отсюда...»

Не раздумывая, начал действовать. Расшнуровал ботинки, снял их потихоньку, отодвинул: босиком он бесшумно проскользнет мимо спящих, пополз к двери. Она оказалась открытой, и Яшка легко вышел на лестницу. Сверху ему было видно, что и наружная дверь открыта настежь: серая ночь просвечивала сквозь дверной проем. Обрадовался: еще несколько шагов и он — на улице!

Прислушался к тишине и ступил на нижнюю ступеньку. Но в этот момент в проеме двери появилась тень — часовой. Немец постоял немного и прошел вправо.

О часовом Яшка почему-то не подумал и теперь не знал, как быть. Вернуться снова под кровать или все-таки идти вперед? Пока раздумывал, часовой прошел в обратную сторону. Яшка быстро спустился вниз, прильнул к косяку двери, затаился. Сердце колотилось в груди так, будто он без передыху бежал много километров. Ругал себя за это Яшка, обзывал тру-

сом и ненавидел себя в этот момент до последней степени. «Как родился трусом, так, наверное, и помру. Правду мать говорила: «Девчонка»... А сердце все равно не успокаивается, бьется, как у загнанного зверька.

Тем временем часовой возвратился, взошел на крылечко, остановился как раз у двери. Яшка слышал даже его дыхание и улавливал тяжелый застоявшийся сырой запах сигарет. Немец потоптался на крылечке, огляделся по сторонам и пошел. Яшка выждал с минуту, пока часовой отошел подальше, и что есть силы пустился к калитке.

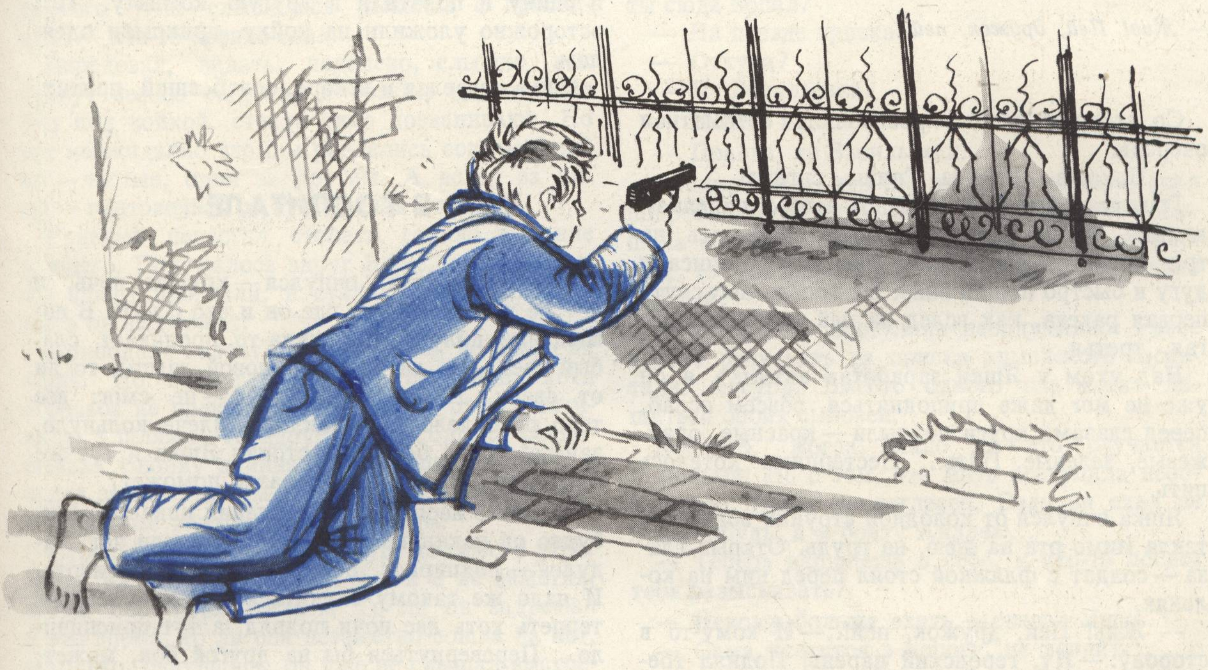
Холодный асфальт жег голые пятки, но Яшка ничего не чувствовал. Одна мысль сверлила голову, одно желание было — скорее шмыгнуть в калитку, скорее... А она, как нарочно, была далеко, и Яшка каждую секунду ждал выстрела в спину.

И выстрел раздался... Раздался, когда Яшка хотел открыть калитку, но не смог — она оказалась закрученной проволокой. Тогда он полез вверх по решетке. В этот момент послышался окрик «Halt!», а вслед за ним — выстрел. К счастью, пуля просвистела мимо. Яшка перемахнул через решетку, собирался уже спрыгнуть, но замешкался.

разил: выставил сквозь чугунные завитушки пистолет, нажал на спуск. Но пистолет почему-то не выстрелил. Рассердился Яшка, даже взвыл от досады, хлопнул пистолетом о тротуар, однако тут же поднял, зажал коленками, стал лихорадочно дергать за ствол, за рукоятку. Что-то сдвинулось с места, щелкнуло. А топот уже совсем близко. Наставил Яшка опять пистолет на бегущего, скорее для острастки, чем для обороны: увидит немец — повернет обратно. А тот ничего не видит, сопит как паровоз, головой вертит — ищет Яшку. «Эх, трахнуть бы!..»

Ладонь вспотела, Яшка крепче сжал рукоятку, зацепил пальцем за курок — выстрел! Отпустил палец, снова нажал и снова — выстрел! Немец упал, но тут же вскочил и полоснул длинной очередью по решетке. Пули просвистели поверх Яшкиной головы, ударились о каменные стойки, взвизгнули жалобно и рикошетом отскочили на клумбы.

Яшка пригнулся, выждал немного, выглянул из-за укрытия. Немцев уже было трое, выстрелил в них и снова — за ограду. Ответные пули просвистели с опозданием. Хотел снова приподняться, кто-то за плечо схватил. Вскрикнул Яшка не так от боли, как с испугу. Оглядел-

Яшка выставил сквозь чугунные завитушки пистолет, нажал на спуск. Но пистолет не выстрелил.

Второго выстрела он не услышал, а только почувствовал, как левая рука почему-то вдруг онемела, все тело обмякло. Яшка мешком упал на тротуар, прижался к каменному низу ограды.

А там, за решеткой, во дворе, уже слышен переполох и топот кованых сапог. Выглянул Яшка и увидел — спешит к нему немец. Что делать? Бежать? Поздно: как только Яшка поднимется, немец пристрелит его. Наконец сооб-

ся — наши солдаты, патрули, с двух сторон лежат.

— Ты в кого палишь?

Обрадовался Яшка подмоге, слова не может выговорить.

— Немцы там... Их много... На станцию в три часа собираются напасть...

— Откуда знаешь?

— Слышал разговор... Я хотел переночевать в этом доме, а они пришли.

— *Жив! Пей, дружок, пей!..*

Со стороны двора прострочила автоматная очередь.

— Похоже — правда. Гриша, сигнал!

Грохнуло рядом, и в ночное небо с шипением взмыла ракета. Вверху она разъединилась на три красных звездочки. Звездочки описали дугу и быстро пошли вниз. Не успела погаснуть первая ракета, как вслед за ней взлетела другая, третья.

Над ухом у Яшки заработал автомат, а он уже не мог даже приподняться, совсем ослаб, перед глазами круги поплыли — красные, оранжевые, зеленые. Пить... Нестерпимо хотелось пить.

Яшка очнулся от холодной струйки воды, что текла мимо рта на шею, на грудь. Открыл глаза — солдат с фляжкой стоял перед ним на коленях.

— Жив! Пей, дружок, пей!.. — И кому-то в сторону: — Ну, геройский парень! Поднял тревогу и сам отстреливался от немцев.

«Какой там геройский, — поморщился Яшка, — знали б они, как я дрожал. Все шутят солдаты...»

— Ранило беднягу, крови много потерял. Потерпи, дружок, потерпи...

Яшку уложили на носилки, понесли.

Было очень больно, рука словно одеревенела. Он облизывал пересохшие губы и просил пить. Но его будто не слышали, пить не давали, и никто больше не успокаивал. Сняли одежду, сделали укол и словно забыли о нем — оставили в покое.

Смутно, как во сне, Яшка вспомнил мать и, сам того не желая, тихо позвал:

— Мама...

Услышал свой голос, и стало неловко и обидно: она ведь далеко, не услышит...

Но вот его снова куда-то понесли, и здесь уже сладко и приторно пахло лекарствами. Яшка приоткрыл глаза — перед ним стоял человек в белом халате. Лежа на боку, Яшка не видел его лица, но ему казалось, что он строгий, суровый и безжалостный. Врач почти не разговаривал, он не обращал внимания на Яшкины стоны.

Особой боли Яшка не чувствовал, но временами пальцы врача задевали живое, Яшка вздрагивал и с трудом сдерживал себя, чтобы не закричать. Тогда подступала тошнота, бросало в жар, и он весь обливался потом. Врач, казалось, очень долго возился в ране, щелкал инструментами, дергал что-то, и когда он дергал, в голове у Яшки мутнело. Однажды ему сделалось настолько плохо, что врач приказал:

— Нашатырь.

Нашатырный спирт, холодный и острый, шибанул в нос, стало лучше. А врач проговорил:

— Повязку.

Перебинтовали Яшке крест-накрест всю грудь и спину и покатили в другую комнату. Там осторожно уложили на койку, прикрыли одеялом.

Яшка согрелся и вскоре, ослабевший, притих.

В ГОСПИТАЛЕ

Спал — не спал, очнулся — кругом ночь, и не помнит Яшка, где он и что с ним. В помещении полумрак, откуда-то проникает слабый свет — то ли от керосиновой лампы, то ли от свечи. Повернуться хотел — не смог: все тело разболелось, обмякло, в плече кольнуло, заныло тупой болью. Застонал Яшка и тут же пристыдил себя: к чему, разве поможет?

А встать необходимо, терпения никакого нет, будто он накануне арбузов наелся или чаю надулся — подпирает, покалывает внизу живота. И надо же такому случиться? Обычно он мог терпеть хоть две ночи подряд, а тут приспичило... Перевернуться бы на другой бок, может, и потерпел бы до утра, да нельзя: больно. Так и лежит он — правой щекой в подушку, правая рука отброшена назад, за спину, онемела от неудобства, а левая — тут, под грудью, как куколка, лежит в гнездышке из бинта. Чтобы не тревожить, ее подвязали бинтом за шею...

Попробовал Яшка выпростать правую руку из-под себя, выпростал и сам перевернулся на спину, как горбатое бревно, лишившееся подпорки. Вскрикнул от нестерпимой боли. На лбу капли пота выступили — обильного, холодного. Больно, но делать нечего, вставать надо.

Откуда-то из дали, мутной, как вода в пруду

после половодья, появилась нянечка в белом халате.

— Что с тобой, солдатик? — склонилась она над Яшкой.— Лежи спокойно, лежи, вставать нельзя.

По голосу понял Яшка, что нянечка — совсем молодая девушка, и враз отяжелел у него язык, не поворачивается сказать ей о его беде-нужде.

— Ты выйти хочешь? — догадалась она.

— Да...

— Так бы и сказал... Глупенький... Я подам тебе «уточку».

Она помогла Яшке лечь поудобнее, принесла стеклянную с задранной вверх длинной горловинкой «утку», сунула ему под одеяло и ушла.

Ощупал Яшка холодное гладкое стекло, вытащил рассмотреть получше диковинку. «Утка» была похожа на колбу из химкабинета в школе. Химик Харитон Иванович какие-то жидкости в такой подогревал на спиртовках и фокусы разные показывал. А теперь вишь для чего приспособили...

Пришла нянечка, унесла «утку». Яшка хотел сказать ей «спасибо», но постеснялся.

Притих, прислушался: кто-то стонал тяжело и одиноко, ни к кому не обращаясь и не жалуясь, просто человеку было очень больно. Из другого угла слышалось дыхание с присвистом — кто-то крепко спал.

Передовая, видать, недалеко, слышно, как толкут землю снаряды и бомбы; подрагивает пол под койкой, стекла тихо позванивают. Но вот неожиданно взрывы раздались совсем близко — частые, один за другим. А вслед за ними — винтовочная и пулеметная стрельба.

Раненый перестал стонать, стихло дыхание спящего. Подумалось вдруг Яшке, что это немцы фронт прорвали, и стало ему жутко: убежать он не сможет.

Приподнял голову, прислушался, не бегут ли люди. Но вокруг все было спокойно, хотя стрельба не прекращалась. Она то слегка затихала, удаляясь, то вдруг совсем близко распарывала тишину длинная пулеметная очередь, и вслед за ней, то там, то здесь раздавались беспорядочные винтовочные выстрелы.

Стрельба продолжалась почти до самого утра. Яшка уже стал привыкать к ней и не заметил, когда она прекратилась. То ли он задремал в это время, то ли она незаметно сошла на нет, а только, очнувшись, он уже не слышал выстрелов. Стояла спокойная предутренняя тишина. Искусственный свет померк, и в комнату пробивался откуда-то серовато-розовый дрожащий дневной свет.

Когда совсем рассвело, к Яшке подошла сестра, но не та, что была ночью, а другая — постарше и посолиднее. Она подставила к Яшкиной койке табуретку, присела на нее и, склонившись, тихо спросила:

— Ну, как мы себя чувствуем?

Яшка заметил, что из-под халата у нее выбивается военная гимнастерка, и почему-то удивился этому. Не зная, что ответить, он только улыбнулся смущенно: сказать «хорошо» — это будет неправда, а жаловаться на боль неудобно.

— Похоже, ничего.— Сестра закинула ногу на ногу, положила на колено стопку твердых листков бумаги, приготовилась писать. Она спросила, как Яшку зовут, откуда он, сколько ему лет.

— В каком году был угнан?

Яшка не понял, о чем спрашивает сестра, переспросить же стеснялся. Наконец выдавил из себя:

— Куда?

— Как «куда»? В Германию. Ты из репатриированных?

Чудное слово Яшка слышал впервые и, что оно значит, не знал. Но как бы там ни было, а он совсем не из тех, о ком она спрашивает, и Яшка неуверенно проговорил:

— Нет...

— Как «нет»? — удивилась сестра.— Ты из какого лагеря? Где ваш лагерь находился, вспомни, как называлось место или город поблизости?.. А может, ты у бауэра в работниках был?

— Нет...

Сестра выпрямилась, вздохнула и снова, не повышая голоса, принялась за расспрос:

— Откуда ты пришел в Драйзикмюль? Как ты сюда попал?

— На поезде приехал.

— Откуда?

— Из Васильевки.

— Ничего не понимаю.

— Правда, из Васильевки.

Обидно Яшке, что его никак не поймут, стал подробно объяснять, куда и зачем ехал. Слушала сестра, и на лице появлялось то удивление, то разочарование. Выслушала, покачала головой:

— Твоя мать поступила необдуманно. Разве можно отпускать на поиски армейского госпиталя? Абсурд. Вместо одного она могла лишиться обоих сыновей.

Конечно, могла, мало ли что случается с людьми! Но с тем, что мать поступила необдуманно, Яшка не согласен. Ведь он ехал не куда-нибудь, а к брату Андрею...

— Теперь напишешь о себе, и кто-то поедет тебя разыскивать?

— Некому больше ехать,— сказал Яшка.

— Сама пустится в дорогу, не усидит.

— А я писать ничего ей не буду,— решил Яшка.

— Мудро, но не очень,— возразила сестра.— Написать-то все-таки надо. Дело другое — как написать. Тут стоит подумать. Вот тебе бумага, карандаш...

Протянул Яшка руку, но сестра положила листок снова в стопку, сказала:

— Ладно, сама напишу, а потом покажу тебе.— Она кивнула на Яшкину руку, висевшую на перевязи, укоризненно качнула головой, будто он сам виноват в своей болезни.

Сестра уже совсем было собралась уходить,

как в палату внесли раненого. Его осторожно переложили с носилок на койку по соседству с Яшкой. Яшка взглянул на соседа и, к удивлению своему, узнал в нем того солдата, который угощал его хлебом и сахаром. Лицо у солдата было землисто-серым, щеки опали, усы обвисли. Он лежал неподвижно с закрытыми глазами и тихо стонал.

Не успел Яшка собраться с мыслями, как санитары снова принесли носилки и заняли койку напротив. Новый раненый громко и сердито попросил их не класть его, а посадить.

— Я хочу смотреть на людей! Я честно воевал и хочу перед смертью смотреть людям в глаза.

Его посадили, подложив под спину подушку. Вся грудь и живот у раненого были перебинтованы. Словно запеленутый ребенок, он не мог повернуться и ворочал головой, стараясь расслабить тугие бинты на шее. Прядь волос упала ему на лоб и закрыла левый глаз. Он силился сдуть ее и никак не мог.

«Зачем они ему руки связали?» — подумал Яшка и только теперь понял, что у того совсем нет рук.

Раненый наконец справился с прядью — откинул ее рывком головы назад. Это далось ему не легко: он тяжело задышал, на лбу и на лице выступили крупные градины пота.

Яшка смотрел на него в упор, забыв о своей боли. Ему даже стало стыдно, что он стонал от такой пустяковой раны, что он держит на перевязи руку в то время, когда рядом человек без обеих рук не издал ни одного стона.

Постепенно Яшка сообразил, что перед ним тот самый молодой красивый в новеньком обмундировании лейтенант. Яшка не сразу его узнал, а узнав, почему-то подумал: «А где же ремень и планшетка?»

Встретившись глазами с Яшкой, лейтенант проговорил:

— Вот так-то, браток, отвоевался...— и вдруг закричал: — Сестра-а-а!..

Прибежала сестра, ласково спросила, что ему надо. Лейтенант помолчал, собрался с духом, спокойно сказал:

— Сядь, сестричка... Сядь, я буду говорить. Прошу выполнить мою предсмертную просьбу.

— Какую предсмертную?.. Что ты?..

— Я знаю, сестричка... Напишешь моей матери... Напишешь ей, что...— Ему тяжело было говорить, почти после каждого слова он долго и глубоко дышал.— Я честно воевал, напиши, чтоб не ждала... Все... Больше писать некому... Невесты, нет, полюбить не успел... Да, вот еще что... Комсомольский билет комсоргу отдайте... Фотографии — матери... перешлите... Все...

Губы его еще шевелились, но слов уже не было слышно. Он уронил голову на грудь, в уголке рта показалась кровь.

Сестра метнулась от него, привела доктора, но было уже поздно: лейтенант умер. Они положили его навзничь, накрыли простыней и ушли.

Яшка оглянулся на соседа. Тот лежал все так же неподвижно, с закрытыми глазами и тихо стонал. Яшка долго смотрел на него, и он проговорил:

— Умер лейтенант... Жалко. Молодой, умный и смелый был парень. Далеко пошел бы. Жалко. Умер лейтенант...

ГАЛЯ

Лейтенанта унесли, но место его пустовало недолго. Вскоре и койка напротив и все другие были заняты ранеными. Палата наполнилась стонами и криками. Один бредил, другой сердился и срывал с себя бинты, третий поминутно звал сестру.

К вечеру, правда, стало потише: всех тяжелораненых куда-то увезли. Увезли и усатого солдата, который так и не открыл глаза и не увидел, что рядом с ним лежал «немчуренок», которого он накануне угощал сахаром.

Дня через два стали эвакуировать и легкораненых, «ходячих». К своему удивлению, Яшка узнал, что он тоже ранен легко, хотя ему все время казалось наоборот. Рана болела, рукой пошевелить не мог, и даже ходить было больно и как-то несподручно.

Когда принесли одежду и сказали «одевайся», Яшке даже обидно стало, что ему никто не помогает. Он взял рубаху с засохшей кровью вокруг дырки на спине, повертел, накинул на голову. С руками совладать не мог, особенно с левой. Он долго возился, кряхтел, но рукава не давались. Подошла сестра и молча сняла с него рубаху. Она осторожно вдела в рукав сначала левую руку, потом правую, а после этого нагнула Яшкину голову и втолкнула ее в расстегнутый ворот. Яшка ойкнул, но как-то с запозданием: сестра уже одернула рубаху и, накинув на шею петлю из бинта, вкладывала в нее больную руку.

Как и всем раненым, Яшке выдали «сухой» паек: хлеб, консервы, сахар. Дали старую наволочку, сложили в нее продукты, завязали белой тесемкой. Взял Яшка узел и поплелся вслед за солдатами к эшелону.

Легкораненых эвакуировали в товарных вагонах, переоборудованных под теплушки. На двухъярусных нарах лежали соломенные матрацы. Чугунная печка не топилась, но возле нее лежала поленница дров и в железном ящике был припасен уголь.

Яшка залез в вагон и остановился, высматривая, какое место занять. Но раздумывать долго не пришлось. Пожилой сержант в мятой шинели и еще больше измятых погонах отобрал у Яшки узелок и бросил его на верхние нары, объяснив:

— Молодой, забирайся наверх.

Взобрался Яшка по лесенке, нашел ощупью узелок, положил в угол, привалился на него левым локтем.

Пока одевался, пока шел да взбирался в вагон — выбился совсем из сил Яшка. Слабый стал. Лежит, тяжело дышит. Через верхний люк

у противоположной стены виден ему только квадратик голубого неба да легкие белые облачка на нем.

Вскоре возле Яшки появился сосед, потом второй, третий. У двоих, как и у Яшки, руки были подвязаны, у третьего забинтована голова. Он долго мостился, сбивал солому в матраце к изголовью, поднял пыль.

— Ой, друг, кончай молотить,— откашливаясь, сказал ему Яшкин сосед.

— Надо же окоп свой оборудовать,— отшутился тот.

— Отвыкай от окопа, пок прокантуемся в госпитале, война кончится.

— О чем жалеешь?

— А я не жалею. Но обидно: в Берлине не

— Так что ж ты молчишь? Эй, красавица, есть у нас один Воробей, только молодой еще...

Яшка приподнялся на нарах, и увидел девушку, которая помогала ему одеваться. Только теперь он рассмотрел ее как следует: полненькая, круглолицая, глазки узкие и очень ласковые. Ровная, во всю ширину лба челочка свисала до самых бровей, прямые волосы были рассыпаны по плечам. Низкая челочка и узкие глаза делали ее похожей на татарочку. Она смотрела на Яшку и смущенно улыбалась. А потом хмыкнула каким-то своим мыслям и спросила:

— Ты Воробьев? — И тут же, не дожидаясь ответа, подняла к Яшке руки.— Что ж я спрашиваю? Вылитый Андрюха! Ты Яша?

Поезд набирал скорость, и Галя стала отставать.

побываю. Хотел Гитлера-гада собственноручно приласкать. От Сталинграда шел.

— Это да, обидно... Удерет ведь, наверно...

— Куда?

— К тем же американцам. Вишь, какую тактику взяли: с нами воюют, а в плен стремятся к американцам.

— Капиталисты. Ворон ворону глаз не выклюет. А Гитлера мы у них отберем. Мы будем его судить. У нас больше на это правов.

Разговор внезапно прекратился, сестра спрашивала какого-то Воробьева.

— Воробьев есть у нас в вагоне? — спросил сержант.— Молчат, значит, нет.

И когда сестра уже ушла, Яшка зашевелился, проговорил:

— Я тоже Воробьев...

— Да-а...— как-то неуверенно проговорил Яшка.

— «Да-а»...— передразнила она его и засмеялась.— «Да-а»... И голос Андрюхин!

Забыв о боли, Яшка сполз с нар.

— Вы Андрея знаете?

Девушка прикрыла ресницами глаза и кивнула.

— И где ихний госпиталь, тоже знаете? — Яшка достал порядком истрепанный конверт, протянул сестре.— Этот вот госпиталь?

— Это я писала!..— воскликнула она обрадованно, а у самой на ресничках слезы блеснули: — Наш это госпиталь.

— А где он, Андрей, где? — заволновался Яшка, вылез из вагона, потянул за собой наволочку с продуктами.

— Ой, Яня! Какой ты!.. Да нет его здесь, давно эвакуировали в тыл...— Она не сводила глаз с Яшки.— Андрюха говорил, что ты робкий, а ты вон куда добрался. Ну, братья!

Кто-то из солдат вмешался в разговор:

— Что, Галя, родственника встретила? Садись, поедем с нами в Россию.

Она ничего не ответила солдату, даже не повернулась в его сторону, а только хмыкнула, и всем было ясно, что она согласна поехать, но не может.

Яшке нравилась ее привычка хмыкать — делала она это как-то очень по-своему: прищурит глаза, немножко вытянет подбородок и еще головой кивнет, словно ягодку глотнула. А на губах в этот момент у нее такая улыбка, что и слов никаких не надо.

— Дак где он сейчас? — допытывался Яшка.— Он не писал вам?

— Писал,— сказала девушка и покраснела.— Обо всем писал. И о тебе тоже. Беспокоился. Ты его больше не ищи. Как поправишься, домой пробивайся. Он скоро выпишется из госпиталя, и его, наверное, демобилизуют. Домой, Яня, домой возвращайся...

— По вагонам! — разнеслась команда.

Галя забеспокоилась:

— Ай, что же это я? Хотя бы на память что-нибудь подарила. Пиши мне, Янечка, по этому адресу.— Она вернула Яшке конверт и стала горячо целовать его в щеку — в одну, в другую, в губы. Яшка смутился, стоял, втянув голову в плечи. Потом она помогла ему забраться в вагон.— Прощай, Яня!

— До свиданья!

Поезд медленно тронулся, а Галя все не отставала от вагона, шла рядом, не спуская с Яшки глаз, в которых блестели слезинки.

— Привет Андрюхе передавай...

— Ладно,—пообещал Яшка, а у самого в горле запершило, жалко оставлять девушку: такая своя и про Андрея знает.

Поезд набирал скорость, и Галя стала отставать. И вдруг она что-то вспомнила, пустилась догонять вагон:

— Нож возьми, Яня! В тумбочке лежал. Твой нож?

— Мой!..— обрадовался Яшка не столько ножу, сколько возможности перебросится с ней еще хоть словом.

Галя бросила нож, сержант ловко поймал его, и она тут же отбежала в сторону, чтобы дольше видеть Яшку. Пока не скрылась из виду, все махала ему рукой.

Нож заинтересовал солдат, он переходил из рук в руки, и каждый отзывался о нем с похвалой.

А Яшка все думал о Гале — какая она: первый раз встретил и сразу всю душу перевернула. И звать стала по-своему — Яня, Андрюха. Чудно! Их так никогда никто не звал. А хорошо... «Яня, Янечка»...— повторял про себя Яшка, и было ему немножко смешно и приятно.

СОЛДАТЫ ЕДУТ ДОМОЙ

А вышло так, что не Яшка Андрея нашел, а Андрей приехал за Яшкой в госпиталь. В самом начале мая, когда наши уже Берлин заняли и вот-вот должна была кончиться война.

В палату вошел мужчина в белом халате и с усами. Прихрамывая, он направился прямо к Яшкиной койке и остановился, улыбаясь. Яшка смотрел на него и недоумевал, что надо этому человеку.

— Яшка! Неужели не узнаешь?

— Андрей! — не сразу воскликнул Яшка.— Андрей, с усами! — Он бросился ему на шею.— А я тебя искал и во Львове и в Ковеле...

— Знаю. Ты осторожней, а то я пока не совсем отремонтирован. Ты-то почему валяешься, здоровый ведь? — спросил Андрей.

— Нет, еще на перевязку хожу.

— Это можно и дома делать,— заметил Андрей.

— А у тебя что, ноги прострелены? — спросил Яшка.— Садись.

Андрей присел на край койки, сказал:

— Прострелены... Фашист проклятый полоснул из пулемета, не дал до Берлина дойти...

— Андрей, какой ты чудной с усами...— удивился Яшка.— Они у тебя какие-то рыжие. Почему они рыжие? Зачем ты их отпустил?

Андрей оглянулся, рядом стояла сестра и улыбалась. Андрей смутился, сказал весело:

— Для солидности! — и разгладил усы.— Гвардеец я ведь как-никак.— И скосил глаза на гвардейский значок на своей груди.

— Ан-дрю-ха...— протянул Яшка, хитро посматривая на брата. Тот взглянул на него, и Яшка хмыкнул, подражая Гале. Оба засмеялись.— Привет тебе, Андрюха...

— Спасибо. Тебе тоже, ЯНЯ.

— Написала?

— Ждет нас с тобой на вокзале. Я не только за тобой приехал, а и ее встречать.

Яшка глядел во все глаза на брата и вдруг закричал от мелькнувшей догадки:

— Женился! Наш Андрей женился!

— Ну-ну! — с напускной строгостью пригрозил ему Андрей.— Молод еще такие вещи обсуждать. Собирайся, домой поедем.

А долго ли собираться? Всего-то и осталось добра у Яшки, что нож солдатский.

Сложив все части ножа вместе, Яшка протянул его Андрею:

— Трофейный. Это мне один солдат подарил. Положи себе в карман, чтобы не потерялся. У меня еще и пистолет был и «Одиссея».

— Кончилась твоя одиссея.

— Не. У меня книга была такая. Интересная!

Опираясь на палочку, Андрей сошел с крыльца, вслед за ним спустился Яшка.

Выгоревшая гимнастерка на Андрее была чисто выстирана и выглажена. «Это мама ему стирала»,— догадался Яшка и, забежав вперед, попросил:

— Дай мне твою пилотку примерить...

Знакомство состоялось

В Южной Америке любят дрессированных животных. Но ни слоны, ни львы, ни обезьяны не вызывают там особенного удивления. В цирке их видят часто, к ним просто привыкли.

Но недавно в Южную Америку приехал на гастроли «Медвежий цирк» Валентина Филатова.

Четвероногие артисты продемонстрировали свое мастерство и в акробатике, и в боксе, и в гонках на велосипедах и на мотоциклах.

А когда представление кончилось, за кулисы ворвались зрители и бросились к Филатову.

— Мы получили громадное, ни с чем не сравнимое удовольствие! — сказал один из них.— Как искусно ваши артисты изображают медведей! Просто невозможно отличить. Нам бы так хотелось с ними познакомиться.

— Пожалуйста,— любезно предложил дрессировщик,— только не рекомендую подходить к ним особенно близко!

ПЕС НАПАДАЮЩИЙ

Анатолий Исаев, старший тренер «Спартака», немало повидал на своем футбольном веку.

В составе советской сборной он выступал на стадионах пяти континентов. Мы попросили его вспомнить какой-нибудь забавный случай. Вот что он рассказал:

— Мы играли на одном из стадионов Южной Америки. Вокруг поля стояли полицейские. Они держали на поводках собак-боксеров.

Вдруг в самый разгар матча одна собака заволновалась, вырвалась и, рыча и повизгивая, помчалась по полю.

Мяч как раз находился у меня, я растерялся, увидев этого разъяренного пса. На мгновение замер, потом все-таки ударил по мячу.

Боксер перехватил мяч и начал прорываться с ним к воротам.

И только через несколько минут порядок на поле был восстановлен, а мяч возвращен футболистам.

Учитель: — А теперь, ребята, я вам докажу теорему Пифагора.

Коля: — А мы вам и так поверим.

•

Учитель никак не может отучить маленького Петю от привычки разговаривать со взрослыми на «ты». В наказание он заставляет Петю написать в тетради фразу: «Никогда не буду говорить своему учителю «ты»!»

На следующий день, проверяя тетрадку Пети, учитель изумленно спросил:

— Почему ты переписал фразу не пятьдесят, а сто раз?

— А чтобы тебя порадовать,— любезно ответил мальчик.

— Витя, где ты?
— Я здесь, мама.

•

Учитель обращается к классу:

— Кто скажет, почему зимой вода становится льдом?

— Я.

— Почему же?

— Чтобы было где кататься на коньках!

•

Дядя спрашивает племянника, поступившего в этом году в школу:

— Тебе нравится ходить в школу?

— Ходить нравится, вот только сидеть там не нравится.

•

Маленький Жан возвращается из школы и говорит матери:

— Мама, я сегодня отличился.

— Да ну? Правда?

— Да, да! Учитель хотел меня поставить в угол, а у него ничего не вышло, потому что все четыре угла были заняты.

•

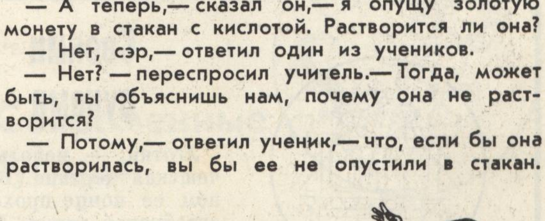
Шел урок химии. Учитель демонстрировал свойства различных кислот.

— А теперь,— сказал он,— я опущу золотую монету в стакан с кислотой. Растворится ли она?

— Нет, сэр,— ответил один из учеников.

— Нет? — переспросил учитель.— Тогда, может быть, ты объяснишь нам, почему она не растворится?

— Потому,— ответил ученик,— что, если бы она растворилась, вы бы ее не опустили в стакан.

В доисторической школе: — Дети, пишите тише!

ПИОНЕРСКИЙ ГЛОБУС

В РОЛИ ОТВЕРЖЕННЫХ ● ЛАГЕРЬ АВСТРИЙСКИХ МОЛОДОГВАРДЕЙЦЕВ ● ПИОНЕРСКИЙ МОСТИК ● ТАИНСТВЕННЫЕ ГЕРОИ ● ОТЧЕГО ОПЕШИЛИ СВЯТЫЕ ОТЦЫ ● НЕДАЛЕКО ОТ БЕЛГРАДА ● САМЫЙ ВЕСЕЛЫЙ ДЕНЬ ● СТО НАЕЗДНИКОВ

ЧЕРНАЯ НЕДЕЛЯ

Нет, это была не игра. Совсем не ради забавы тридцать пять мальчишек и девчонок из американского города Колорадо Спрингс объявили себя неграми. Они решили испытать, что такое расовая рознь, и целую неделю вели себя как отверженные.

Черной в полном смысле была эта неделя. В школьном буфете они не могли сесть за один стол со своими товарищами. На переменах и после уроков им уже нельзя было играть: игры белых мальчиков и девочек не для негров. Когда по тротуару навстречу шел белый, они сходили на мостовую: черный человек должен уступать дорогу белому. Стоило им поставить себя на место негров, как для них оказывались запретными десятки вещей: нельзя было просто сесть в автобус — надо дожидаться, пока в него войдут белые, и садиться затем на специальные скамейки; нельзя было зайти в кинотеатр, в магазин, нельзя было раскрыть рот, пока с тобой не заговорят...

Неделя горьких унижений. Она лучше самых убедительных слов объяснила американским школьникам, что такое расизм и какова участь миллионов их темнокожих сверстников.

ПИОНЕРЫ ЗАНЗИБАРА В СВОЕМ ЛАГЕРЕ

Не так-то просто поставить палатку. В одиночку не справишься.

Подарок рабочих

В Австрии есть разные детские организации. Для некоторых строятся клубы, спортивные городки, прекрасные летние лагери. Только австрийские пионеры — они называют себя «Юнге гарде» («Молодая гвардия») — не получают от властей ни одного шиллинга. Однако есть у этих ребят большие и верные друзья — рабочие.

— Будет и у наших детей свой лагерь, не хуже скаутских! — решили они.

На фабриках и заводах появились фонды будущего лагеря. Собрали миллион шиллингов. На эти деньги приобрели участок в одном из живописнейших уголков Австрии — Каринтии, достали необходимые материалы. Ну, а все остальное сделали своими руками в выходные дни — коттеджи, площадки для спорта.

Это лето австрийские молодогвардейцы проведут в своем лагере.

Своими руками

Лготки — небольшая чешская деревня. В одном ее конце проходит автобусная линия. Дорога к остановке идет через ручей. Мостика не было: просто брошены на дно камни.

Пионеры решили исправить дорогу. Они достали досок, гвоздей, и в одно прекрасное утро над ручьем повис мостик.

Теперь водители автобусов, подъезжая к деревне, объявляют:

— Остановка «Пионерский мостик».

ДВОЕ НЕИЗВЕСТНЫХ

Все было как в стихотворении Маршака о неизвестном герое, которого ищут пожарные, ищет милиция. Разница лишь в том, что польских героев было двое. Они вынесли из горящего дома двух малышей, помогли потушить пожар и исчезли... Очевидцы запомнили только, что ребята были одеты в харцерские куртки.

Ваш идеал? — Гарибальди!

Италия — католическая страна. До наших дней церковь сохранила здесь свое влияние. Ребятам преподается закон божий, католический священник — один из главных учителей.

В одной итальянской гимназии, желая узнать идеалы подростков, священники раздали анкету.

Результаты анкетного опроса ошеломили «святых отцов».

Большинство ребят назвало своим идеалом не Иисуса Христа, как ожидали священники, а Джузеппе Гарибальди. Известно, что национальный герой Италии Гарибальди страстно ненавидел церковников и религию.

ПИОНЕРСКАЯ СТОЛИЦА

Неподалеку от Белграда раскинулся городок, который юные жители Югославии не без основания считают своей пионерской столицей.

Весной в его разноцветных домиках пусто. По улицам бродит лишь одинокий сторож. Но как только отзвонят в школах звонки, возвещающие начало каникул, городок оживает, становится шумливым и многолюдным.

Этим летом пионерская столица будет отмечать свой двадцатилетний юбилей. На праздник хозяева городка ожидают гостей — пионеров из разных стран.

Праздник веснушек

Уже третий раз ребята польского города Згожелеца празднуют День веснушек. На улицах в этот день полным-полно смеха и песен. По городу движется яркое карнавальное шествие. Потом все участвуют в веселом концерте в выборах Короля веснушек. Мысль о таком интересном празднике подал ребятам герой телевизионной передачи Лцек, который был основателем первого «Клуба веснушек».

КТО ВЫШЕ?

Этот снимок к нам пришел из далекой Кении. На нем — ваши сверстники, мальчишки-пастухи племени масаи. Они очень любят устраивать на пастбищах такие состязания по бегу и прыжкам. Кто быстрее, кто дальше, кто выше?

ТЕЛЕТАЙП СООБЩАЕТ:

ФРАНЦИЯ. НА БЕРЕГУ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ ОТКРЫВАЕТСЯ ЛАГЕРЬ «ВАЙЯНОВ» — ФРАНЦУЗСКИХ ПИОНЕРОВ. В НЕМ ПРОВЕДУТ КАНИКУЛЫ СТО ПЯТЬДЕСЯТ «ОТВАЖНЫХ» И ИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ДРУЗЕЙ.

ЮГОСЛАВИЯ. БРАНКО СУЧ ИЗ ПРИСТИНЫ ОТЛИЧНО ГОВОРИТ НА СЕРБСКОМ, РУМЫНСКОМ, ВЕНГЕРСКОМ, АЛБАНСКОМ ЯЗЫКАХ И НЕМНОГО НА НЕМЕЦКОМ. ОДНАКО ЧИТАТЬ И ПИСАТЬ ОН ЕДВА УМЕЕТ, И ТО ЛИШЬ НА СЕРБСКОМ, ТАК КАК ЕМУ ВСЕГО ШЕСТЬ ЛЕТ И ОН ЕЩЕ НЕ ХОДИТ В ШКОЛУ.

ГДР. В ШКОЛЕ № 1 КАРЛМАРКСШТАДТА РАБОТАЕТ ФАБРИКА ИГРУШЕК. ЕЕ ИЗДЕЛИЯ ПОЛЬЗУЮТСЯ БОЛЬШИМ УСПЕХОМ ВО ВСЕХ ДЕТСКИХ САДАХ ГОРОДА.

Современные гусары

Венгрия с давних пор славится ловкими наездниками. И когда в небольшом городке под Будапештом появилось объявление о начале конно-спортивных тренировок для ребят, желающих нахлынуло столько, что пришлось устроить отборочные испытания.

Так возникла школа, воспитанников которой местные жители с улыбкой называют гусарами. Сто ребят осваивают здесь искусство верховой езды и даже участвуют в скачках на ипподроме.

Рисунки Г. АЛИМОВА.

ЗАЩИТНИКИ «ПАСТИ ДРАКОНА»

А. ЛЮБУШКИН
Фото автора

Этот железный мост перекинут через реку в далекой вьетнамской провинции Тханьхоа. Его называют Хамжонг, что в переводе на русский означает «Пасть дракона». Он повис между двух скал. Если на эти скалы посмотреть со стороны, то они покажутся двумя клыками сказочного чудовища, а гряда островерхих холмов — его туловищем. Утром над изумрудными рисовыми полями поднимается густой туман, и невольно чудится, что огромный дракон летит.

По мосту Хамжонг проходит важная для республики дорога № 1.

Поэтому американцы с первых дней войны хотели взорвать этот мост. Уже тысячу дней поодиночке и армадами в сотню самолетов они бросаются на «Пасть дракона». От мощных взрывов лопнули скалы-клыки, весь стальной мост изранен, как солдат. Рядом с ним тысячи воронок, выжженная земля, искореженные железнодорожные составы, а мост — в строю.

Американцы бросали на Хамжонг полуторатонные бомбы, плавучие мины, управляемые ракеты. А мост — в строю.

Он живет благодаря вот этим трем друзьям — Лою, Кэту и Тхое, которые сняты на фотографии, и другим бойцам зенитных дивизионов. Они стоят насмерть, защищая мост. Когда часто стучат железной палкой по корпусу невзорвавшейся авиабомбы, это значит: «Тревога!» Лой, Кэт и Тхое выскакивают из глубокого блиндажа, надевают на ходу каски и бегут к своему орудию. Быстро-быстро расчехляют они зенитку, и вот уже тонкий ствол тянется по направлению к морю. Оттуда появится враг — самолеты с американских авианосцев.

Ближе, ближе хищные дюралевые птицы. Командир дает команду: «Бан!», что значит «Огонь!». И по врагу очередью летят из обоймы четыре снаряда. «Бан!» И еще четыре снаряда.

В это время американские самолеты «фантомы» («призраки») начинают стрелять по зенитчикам из пулеметов двадцатимиллиметровыми снарядами, затем бросают шариковые бомбы. Каждая такая бомбочка — размером с апельсин — разрывается на триста осколков. Но Лой, Кэт и Тхое не уходят в укрытие, а продолжают стрелять. И вот уже загорелся один самолет, затем другой. Остальные улетели.

И снова по мосту идут машины.

Однажды Кэта ранили осколки шариковой бомбы. Страшная боль пронзила спину и шею. Но он ничего не сказал товарищам и остался у орудия. Кэт потерял сознание после боя, и два друга отнесли его на носилках в лазарет. Через месяц он вернулся в родную батарею. Опять по команде «Бан!» в ненавистного врага летят снаряды, пущенные зениткой трех друзей, и американцы не могут прорваться к мосту «Пасть дракона».

По вечерам, когда уходит за гряду островерхих холмов жаркое тропическое солнце, к трем бойцам приходят пионеры из соседней деревни. Они приносят бананы. Ребята трогают теплый ствол зенитки и просят Лоя, Кэта и Тхое научить их стрелять.

По пути дружины князя Игоря

Во вторник, 23 апреля 1185 года, Игорь Святославич Новгород-Северский, сын его Владимир Путивльский, племянник князь Святослав Ольгович Рыльский вместе с присланными от Ярослава Всеволодовича Черниговского дружинами во главе с Ольстином Олексичем выступили в далекий степной поход на половцев без сговора с великим киевским князем Святославом...

Так начинает летописец свой обстоятельный и неторопливый рассказ о трудном походе князя Игоря, о его храбром войске и о времени, когда распри и раздоры мешали русским князьям объединиться против сильного и коварного врага и шла на Руси «рать без перерыва».

Можно достать и расшифровать летописи Ипатьевскую и Лаврентьевскую. Можно изучать «Слово о полку Игореве». Можно разыскать и прочитать исторические книги. А еще можно снарядить научную экспедицию и отправиться по пути дружины князя Игоря.

Так думают члены научно-исследовательского общества «Боян».

Кто они?

Ученики средней школы поселка Шолоховский. (Это в Ростовской области, под городом Белая Калитва. Недалеко от тех мест, где сражалась с половцами дружина князя Игоря.)

Чем занимаются?

Их научное общество носит имя «Боян» в честь древнего певца ратных подвигов, «соловья старого времени», к которому обращается за вдохновением автор «Слова о полку Игореве». (Кстати, общество существует уже шесть лет. Члены его в своей школе основали большой краеведческий музей. В музей приходят и приезжают ребята и взрослые из ближних городов, поселков, станиц.)

Министерство геологии СССР дало ребятам задание: вести в экспедиции геологические наблюдения, собирать образцы пород Придонья. (В краеведческом музее Шолоховской школы есть и отдел геологии.)

Мы тоже написали ребятам: просили их прислать в «Пионер» рассказ об экспедиции, полевой дневник, фотографии.

Если и ты, наш читатель, отправился в далекий поход, в экспедицию, если и ты узнаешь, исследуешь, открываешь, поделись с нами своими открытиями.

Ждем твоих сообщений!

Желаем тебе успеха!

Рисунок П. ПРОРОКОВА

Крупным планом

ПОРТРЕТ ПАВЛО

Джеральд ДАРРЕЛЛ

У Джеральда Даррелла удивительная профессия. Он зверолов. С двадцати двух лет он путешествует по тропическим странам, изучает редких животных и добывает их для английских зоопарков. О своих нелегких и опасных странствиях он написал несколько книг. Сейчас вы прочитаете главу из новой книжки Даррелла «Среди животных».

История этой крошечной обезьянки началась одним чудесным вечером в Британской Гвиане, где я был с охотничьей экспедицией. Я сидел в кустарнике на самом краю поляны и не спускал глаз с норы на берегу ручья. У меня были веские основания полагать, что в этой норе обитало некое создание. Солнце садилось, и на оранжево-розовом небе четко выделялись массивные деревья. Притаившись в своем укрытии, я любовался великолепным зрелищем. Неожиданно мое блаженное состояние нарушил пронзительный визг — такой пронзительный, что казалось, кто-то вгоняет мне иголки в уши. Осторожно подняв голову, я увидел крошечную обезьянку уистити, рысцой бежавшую по толстой ветке. Вот она остановилась, уселась, подогнув ноги, и вновь разразилась воплями. На этот раз откуда-то донесся ответный крик, и через минуту к моей уистити присоединилась другая. Перекликаясь, они пробирались по веткам, время от времени пронзительно скрипя от радости, если удавалось спугнуть таракана или жука. Наконец одной из них повезло, и, торжествующе щебеча, она уселась на открытом месте с добычей. Жертва так извивалась, что обезьянка поспешно затолкала ее в рот, боясь уронить. Проглотив последний кусочек, она внимательно посмотрела на свои руки, как бы убеждаясь, что ничего съедобного больше не осталось...

Вернувшись из экспедиции и уже совершенно не думая об этих обезьянках, я направился как-то в лондонский зоологический торговый центр. И первое, что я увидел там, была полная клетка уистити. Около десятка грязных, несчастных обезьянок сидели на такой маленькой жердочке, что им приходилось все время толкаться и ссориться. Там был один малыш, и мне показалось, что ему так плохо, как еще никогда в жизни. Его сталкивали каждый раз, когда обезьянки перетасовывались на жердочке. Эти несчастные напомнили мне Гвиану и ту веселую парочку, которая, щебеча, копалась в зелени орхидей. Я понял, что не смогу уйти из магазина, не освободив хотя бы одно из этих крошечных созданий. За пять минут я обо всем договорился, заплатил деньги, и самый маленький, кричащий от страха обитатель клетки был вытащен из нее и усажен в картонную коробку.

Я принес его домой и представил своей семье. Все смотрели на Павло — так я назвал обезьянку — с явным подозрением. Однако стоило ему освоиться у нас дома, как он решил завоевать общее расположение, и скоро все мы были зажаты в его крошечном кулачке. Несмотря на свой жалкий рост (он очень удобно располагался в большой чайной чашке), Павло обладал каким-то поистине наполеоновским духом, против которого трудно было устоять.

Вначале мы держали его в большой клетке, но он быстро убедил нас, что это ни к чему.

Клетку выбросили на помойку, и он стал свободно бегать по всему дому. Мы относились к нему как к крошечному члену семьи, а он держался так, будто дом был его собственностью, а мы его гостями.

На первый взгляд Павло напоминал белку необычного вида, но, как только вы замечали его совершенно человеческое лицо и яркие проницательные карие глаза, впечатление менялось. Мех у Павло был мягкий, на голове и шее — шоколадно-коричневого цвета. Лохматой бахромой свисал он с груди и плеч, большие уши прятались под пышными кисточками. Со лба на переносицу спускалось белое пятно, захватывая аристократическую горбинку носа и слегка окружая глаза.

Все, кто видел Павло и хоть что-нибудь понимал в животных, уверяли, что долго он у меня не проживет. Ведь родом он из теплых тропических лесов, и в английском климате больше года ему не протянуть. Нужно сказать, что эти резвые пророчества чуть-чуть не сбылись, когда месяцев через шесть Павло вдруг заболел. У него отнялись ноги и хвост. Нам советовали умертвить Павло, но мы всеми силами старались спасти его. Четыре раза в день массировали ему ноги; натирали рыбьим жиром спину и хвост, в диете тоже увеличили норму рыбьего жира. Завернутый для тепла в вату, Павло лежал на подушке, и мы по очереди дежурили около него, стараясь выполнять все его желания. Больше всего ему недоставало солнца. Даже соседи помогали нам. Они носили нашего инвалида по саду, старательно подставляя его подушку под каждый солнечный луч. Прошел месяц, и Павло начал слегка шевелить ногами и двигать хвостом; еще недели через две он, спотыкаясь, бродил по комнатам. Мы были в восторге, несмотря на то, что весь дом на несколько месяцев пропах рыбьим жиром.

Вместо того, чтобы стать после болезни спокойнее, как мы надеялись, Павло поражал нас своим упрямством. Домашние не баловали его — единственной поблажкой была бутылка горячей воды, которую зимой подкладывали ему в постель. Он так полюбил эту свою бутылку, что даже летом отказывался спать без нее. Спал он в комнате моей матери в выдвижном ящике комода. Каждый вечер совершался целый ритуал: в старый халат заворачивали бутылку, чтобы он не обжегся, и укладывали ее в ящик. Затем из куска шкуры сооружалась пушистая пещера; Павло вползал в эту пещеру, сворачивался калачиком, и глаза его блаженно закрывались.

Примерно в шесть утра он просыпался и обнаруживал, что его бутылка остыла. Начинались поиски тепла. Павло выбирался из ящика и бросался к кровати. Вскарабкавшись вверх, он усаживался на пуховое стеганое одеяло. Затем, приветливо попискивая, направлялся к изголовью и зарывался под подушку. Там он и дремал, в уюте и тепле, пока моей матери не подходило время вставать. Оставшись один, Павло приходил в ярость и начинал злобно верещать. Убедившись, однако, что все напрасно, он суетливо спускался на пол и бежал по коридору — теперь уже в мою комнату. Здесь он забирался в постель и, устроившись у меня на груди, оставался до тех пор, пока и мне не приходилось вставать. Тогда он залезал с ногами на подушку и, кривя свое крошечное личико в свирепую гримасу, всячески меня поносил. Высказав все, что он обо мне думает, Павло быстро перебрасывался на постель к моему брату и, увидев, что его в постели уже нет, летел к кровати моей сестры, чтобы успеть хоть немного вздремнуть перед завтраком. Эти утренние перебежки от постели к постели были в нашем доме обычным представлением.

В первые теплые весенние дни Павло отваживался выйти в сад. Самым любимым местом у него был забор. Подолгу сидел Павло на заборе, греясь на солнышке, или лениво карабкался вверх и вниз, вылавливая пауков и другие деликатесы. Не один год продолжалась в нашем саду яростная междоусобица. Павло отчаянно враждовал с большим белым котом наших соседей. Это чудовище, видимо, нисколько не сомневалось, что Павло — крыса неизвестного вида.

Однажды Павло лениво слонялся вдоль забора, выискивая пауков и болтая сам с собой, и вдруг, взглянув вверх, увидел своего

Вот она какая крохотная — обезьянка уистити.

заклятого врага. Стрелой помчался Павло к крыльцу, громким скрипом взывая о помощи.

Жирный белый кот, хотя и не был таким искусным канатоходцем, как Павло, и не мог так быстро бежать по забору, все же настигал малыша. Перепуганный Павло оступился и с воплем ужаса сорвался с забора прямо в канаву, до краев полную водой. К счастью, я подоспел раньше, чем оторопевший кот пришел в себя. Завернутый в кусок одеяла, Павло провел остаток дня перед камином, мрачно бормоча что-то себе под нос. Целую неделю он отказывался подходить к забору, и стоило ему теперь хоть краешком глаза увидеть белого кота, как он закатывался таким истерическим криком, что приходилось брать его на руки и успокаивать.

Павло прожил у нас восемь лет, и все эти годы в нашем доме как бы жил эльф — мы никогда не знали, что случится в следующий момент. Он не примерялся к нашему образу жизни — мы вынуждены были приспосабливаться к его повадкам. Он настоял, например, на том, чтобы есть вместе с нами и то же, что и мы. За чаем его приходилось силой удерживать на столе, потому что иначе он бы с головой нырнул в банку джема. Он был полностью убежден, что джем ставился на стол исключительно для его персоны, и сердился, если вдруг оказывалось, что кто-то с ним не согласен. Мы были обязаны укладывать его спать ровно в шесть часов вечера, а если опаздывали, он тенью бродил около своего комода, и шерсть его от ярости вставала дыбом. Нам пришлось привыкнуть не хлопать дверью, не убедившись вначале, что Павло не сидит наверху, — он почему-то любил размышлять именно на этом месте.

Но самым большим огорчением для него было, если мы уходили из дома. Ничто не могло быть хуже. Когда мы возвращались, он не подходил к нам, и в его чувствах можно было не сомневаться. Бывало, что он поворачивался спиной, проявляя свое отвращение каждый раз, когда мы пытались заговорить, уходил, садился куда-нибудь в уголок и сердито глядел оттуда, скривив в уморительную мину свою мордочку. Примерно через полчаса он неохотно прощал нас и, прежде чем отправиться в постель, с царственным видом принимал кусочек сахара или немного теплого молока.

Настроение у него проявлялось как-то очень по-человечески. Если он хмурился и бормотал что-то себе под нос, мы знали, что он не в духе. В хорошем настроении он быстро забирался к одному из нас на плечо и, причмокивая, принимался теребить за ухо.

Павло ненавидел пол и, если это было возможно, не спускался вниз. Ветки и деревья ему заменяли рамы наших картин, и он стремительно носился вдоль них. Добравшись до последней, останавливался, держась рукой и ногой и горбясь, как волосатая гусеница, а потом спрыгивал на подоконник. Он мог вскарабкаться вверх по гладкому краю двери быстрее и легче, чем мы ходим по лестнице.

Однажды Павло заболел. Почти все время он проводил на подоконнике в комнате моей сестры, греясь на солнышке. Как-то утром сестра в страшном испуге созвала всех нас. По ее мнению, Павло умирал... Столпившись вокруг подоконника, мы его внимательно осмотрели и не нашли ничего опасного.

Он выпил немного молока и снова улегся на шкуру, обводя всех блестящими глазами. Мы уже собирались разойтись, как вдруг Павло обмяк у нас на глазах. Все снова бросились к нему. Кто-то разжал его челюсти и влил немного молока. Сознание медленно возвращалось к Павло. Безвольно расслабившись, он лежал в моих сложенных корабликом ладонях. Несколько мгновений он смотрел на нас и вдруг, собрав последние силы, показал язык и почмокал губами в знак своей любви. Затем откинулся на спину и совершенно спокойно умер.

Весь дом и сад опустели. Уже не раздавался чей-нибудь неожиданный крик при виде паука: «Где Павло?» Никто не будил нас в шесть часов утра, дотрагиваясь озябшими лапками до наших лиц.

Даже соседский белый кот казался мрачным и подавленным, потому что без Павло наш сад потерял для него, казалось, всякую привлекательность.

■

ВОЛК, ДОЗОР И БОММИ ЕДУТ НА ГРАНИЦУ

Вот таким беспомощным малышом на слабых лапах и с мягкими висячими ушами появляется у тебя щенок. Ты приносишь его домой за пазухой, устраиваешь в углу, кормишь, гуляешь с ним во дворе, оберегая от больших собак. Щенок взрослеет, ты учишь его первым командам и постепенно начинаешь понимать, что он все больше и больше для тебя значит. У тебя появляется умный, сильный и преданный друг. Любовь, настойчивость, верность, которые ты отдал ему, возвращаются теперь к тебе...

И вдруг ты с ним расстаешься! Надо ли говорить, что на душе у этих девочек? Только ради большого дела, важного не только для них, они навсегда прощаются со своими воспитанниками. Волк, Дозор и Бомми едут на границу. Там, на заставе, уже служат собаки, выращенные кюсовцами. За эти годы окрепла дружба пограничников и ребят из московского Клуба юных собаководов. Вот и сейчас, как ни грустно, а девочки — Оля Власова и Лариса Бинькова — стараются улыбаться: собаки едут к друзьям!

Л. ШЕРЕШЕВСКАЯ.

Фото А. ЗОТОВА

ВЕСЁЛЫЕ СТИХИ

В. КАРАВАЕВ

*

Мы как-то
Куда-то
За чем-то
Пошли,
Но там
Почему-то
Того
Не нашли.
Тогда
Друг у друга
Мы спрашивать
Стали:
— Куда мы попали
И что здесь
Искали?
Ответ
Был у каждого
Очень простой:
— Я думал,
Что знает
Об этом
Другой.

Р. СЕФ

ПЯТЕРКА

Папе я сказал и маме:
— Можете
Проверить сами,
Положите вверх ногами
Школьную мою тетрадь,
Зеркало поставьте рядом,
Видите?
Заданье на дом,
А под ним стоит отметка.
Убедитесь —
Это пять.

Наш театр «Фонарик» предлагает вам сегодня новую пьесу. Ее можно поставить и в клубе на настоящей сцене, и на терраске лагерной дачи отряда, и просто на поляне. Для нее не нужно декораций. А весь реквизит — книга и очки. Пьеску надо сыграть остро, весело и так, чтобы зрители поверили в это почти фантастическое происшествие.

ОДИН ЗА ВСЕХ

Вл. ПАНКОВ.

На сцене множество стульев и стол. На одном из стульев сидит Вова Бибиков. Вбегает Саша Вилькин.

Саша. Вовка, значит, как договорились... Сегодня отсиживать твоя очередь, а мы все смываемся. Главное, не запутайся, когда кем ты будешь, понял?

Вова. А вдруг он придет с очками?

Саша. Исключено. Дело верное, проверенное... Он на переменке забыл свои очечки на окне, а я сунул их вот в эту книгу, которую ты будешь зачитывать. Так что он в твоих руках... Ну и вожатого нам бог послал!

Саша убегает. Входит вожатый Коля. Он идет к столу, натыкаясь на стулья.

Коля. Опять очки где-то забыл. Ничего не вижу. *(На ощупь отыскивает стол, садится.)* Здравствуйте, ребята!

Вова. Здрасте.

Коля. Что так неактивно?

Вова *(на разные голоса).* Здрасть... Здрасть... Здрасте...

Коля. Ну вот, другое дело. Тема нашего сегодняшнего сбора — «Книга — друг человека». Первым выступит... Что-то я не вижу Сашу Вилькина.

Вова *(пересаживается на другой стул, отвечает почти басом).* Я здесь.

Коля. Ты подготовился?

Вова. Подготовился.

Коля. Тогда начинай.

Вова *(тяжелыми шагами выходит к столу, тихо раскрывает толстую книгу и читает прямо по книге. Коля умильно улыбается, время от времени кивает головой).* Книга — друг человека. Книга обогащает наш ум, помогает преодолевать трудности, книга — наш помощник в труде. Кто из нас не читал книгу «Тимур и его команда»? Эта книга обогащает наш ум, помогает преодолевать трудности... А взять «Конек-горбунок», «Аленький цветочек»? Эти произведения глубоко западают в душу...

Коля. Стоп, стоп, Саша, о сказках нам должна рассказывать Лена Вострикова. Лена, ты готова? А ты, Саша, можешь садиться.

Вова тяжелыми шагами уходит, затем быстрыми шажками возвращается на место. Читает девчоночьим голосом.

Вова. Я очень люблю сказки. Мир, полный чудес и приключений, раскрывается передо мной в сказке. Драматизм сказки захватывает меня. Простой, ясный язык помогает мне легко воспринимать прочитанное. Сказка учит ребенка понимать, что такое добро и зло, развивает у ребенка фантазию.

Коля *(не понимая).* Стой, у какого еще ребенка?

Вова. Ну, у меня...

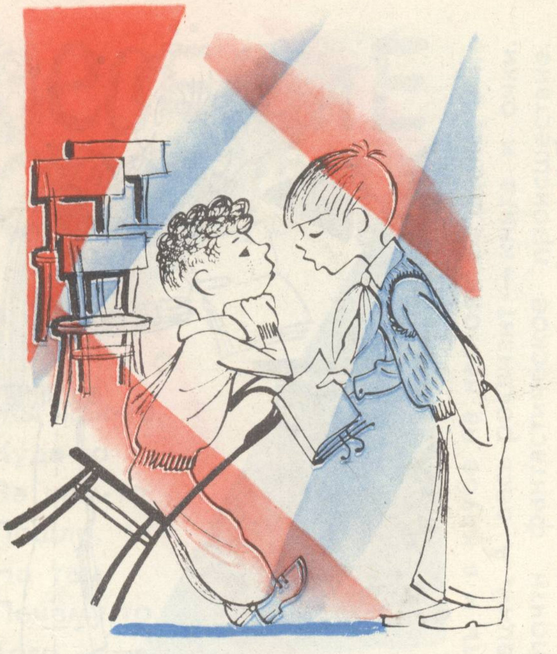
Коля. Так и говори: у меня. А то голову морочишь...

Вова *(читает дальше).* Я прочитал свою первую сказку...

Коля. Лена, что ты говоришь? Прочитал?

Вова. Прочитала... Я прочитала свою первую сказку, когда еще был... была... дошкольного возраста. Теперь я больше увлекаюсь фантастикой.

Коля. Спасибо, хватит. О фантастике

нам расскажет Козин. *(Вова быстро садится на стул, на котором полагалось бы сидеть Козину.)* Может, ты снова не подготовился, Козин?

Вова *(заикаясь)*. Па-па-подготовился.

Коля. Тогда начинай.

Вова. Про фа-фа-фантастику? *(Вова ищет страницу про фантастику, но не находит. Испуганно моргает. Затем переворачивает страницу назад, вздыхает и начинает читать то же, что только что читал).* Я очень люблю фа-фантастику. Мир, полный чу-чудес и приключений, раскрывается передо мной в ска... в... фантастике. Драматизм фантастики захватывает меня. Простой, ясный язык по-помогает мне легко воспринимать прочитанное. Фантастика учит ре-ребенка понимать, что такое добро и зло, развивает у ре-ребенка...

Коля. Опять ребенка?

Вова. У-у меня. Я за-заикаюсь.

Коля. Ну и что?

Вова. В-в детстве испугали, с тех пор и... ребенок.

Коля. Ну, ладно, Козин, сегодня ты молодец. Тебе трудно говорить...

Вова. Т-трудно.

Коля. Спа-спасибо. А теперь Лиля Польская... Лиля, ты здесь? *(Вова, опомнившись, быстро перебегает к другому стулу и говорит оттуда.)*

Вова. Я здесь. *(Снова ищет страницу. Растерян.)* А о чем мне рассказывать?

Коля. Как о чем? Ты готовилась?

Вова. Готовилась, только у меня все перепуталось.

Коля. Ты должна была рассказать нам о классике.

Вова *(пожимает плечами, читает то же самое в третий раз).* Я очень люблю... классику. Мир, полный чудес и приключений, раскрывается передо мной в ска... в фанта... в классике. Драматизм классики захватывает меня. Простой, ясный язык помогает мне легко воспринимать прочитанное. Классика учит ребенка...

Коля *(кричит так, что Вова роняет кни-*

Рисунки В. Чижикова.

гу на пол). Ребенка? Опять ребенка? Да вы что, издеваетесь надо мной? Какого еще ребенка? Кто ребенок?

Вова. Меня. Я ребенок. Сирота я. Росла без отца, без матери. Бедняжка, несчастненькая, божья коровка...

Коля. Кто это говорит?

Вова. Как кто? Лиля я. Польская моя фамилия. Вы что, меня не узнаете?

Коля. Ну вот что, божья коровка, сирота, завтра же приведешь в школу своих родителей... Что это здесь упало? *(Нащупывает на полу книгу, поднимает ее.)* Книга? А это что? Очки... *(Собирается надеть очки, протирает их. Вова мечется, не зная, куда ему деться, прячется за спину вожатого. Коля надевает очки.)* Что такое? Никого нет? Ничего не понимаю. Только что все были в классе. Как сквозь землю провалились... *(Берет книгу, читает открытую страницу.)* «Я очень люблю сказки. Мир, полный чудес и приключений...» Так-так-так... «Сказки учат ребенка понимать, что такое добро и зло...» Так вот в чем дело! Они спрятали мои очки, чтобы не учить своих выступлений, а читать их прямо по книге. Ну-ну, посмотрим, вы еще у меня попляшете. Вострикова, Козин, Польская, Вилькин — всех запомнил... И главное, что все сбежали. Для них стараешься, проводишь интересные, увлекательные сборы, а они... Главное, что все до одного!.. *(Поворачивается, неожиданно видит Вову.)* Бибиков? Ты не сбежал? Хоть один честный человек остался. *(Вова дрожит.)* Ты чего дрожишь?

Вова. Дрожу.

Коля. Я вижу, что дрожишь. А где все остальные?

Вова. Врать?

Коля. Ну зачем же врать? Не ври. По мере возможности.

Вова. Тогда ничего не скажу.

Коля. Вот как? Действительно честный человек. Соглашается только врать. *(Строго.)* Где все остальные?

Вова. Здесь все остальные.

Коля. Здесь. *(Смеется.)* Что-то не вижу. *(Снимает очки, чтобы протереть, роняет их на пол. Вова тут же отбрасывает их ногой подальше. Коля на коленях ищет.)* Вот досада, опять без очков...

Вова *(начинает топать ногами, говорить на разные голоса).* Коля... Коля... Коля... Что случилось? Очки потерял? Бедняга... А мы уже пришли. Мы выскакивали в коридор. На одну минуточку. Там пожар наблюдали. Очень интересный. Так захотелось посмотреть.

Коля. Пожар? Что за пожар? Покажите...

Вова. Да он уже потух.

Мы поэтому и вернулись обратно. Неинтересно стало.

Коля *(неожиданно хватает Вову за ногу).* Ага, один попался. Кто это?

Вова *(заикаясь).* Ко-ко-козин я.

Коля. Ко-ко-козин? А почему пищишь, как Вострикова? Ты, Бибиков, меня теперь не обманешь. Я ж ведь когда зашел в класс, дверь на ключ запер... Говори, почему сегодня на сборе, на таком интересном сборе, присутствуешь ты один? Где все остальные?

Вова. Остальные? Кто где. Занимаются интересными, увлекательными делами. А я за них с вами здесь отсиживаю.

Коля. А почему ты?

Вова. Потому что моя очередь.

Коля. Какая очередь?

Вова. Брать на себя вину. Мы на ваших сборах все по очереди отсиживаем. Чтобы всем одновременно с тоски не помереть.

Коля *(радостно).* А-а! А я-то думал... *(Осознает.)* Постой, постой, это что же? Выходит, ни одного сбора не было? Выходит, что они вам вовсе не нужны?.. А я-то старался, я-то надрывался. *(Совсем кисло.)* Слушай, ну что бы такое выдумать, чтобы было интересно? Может, драмкружок организуем? Комедию разыграем? А?

Вова. А что организовывать-то? Мы уже организовали! Сейчас как раз репетиция идет.

Коля *(недоверчиво).* Нет, серьезно? Как же это вы сумели? Без меня?!

ЗАВИСТЬ

Л. КЛИМОВИЧ

Рисунок Н. БОРИСОВОЙ

РАССКАЗ

Мы все — Соловейки. Я Соловейко. Мама — Соловейко. Папа — тоже Соловейко. Но это не значит, что мы свистим. Мы даже не поем. Живем себе и все. И хотя мы все Соловейки, это не значит, что мы все одинаковые. Мы все разные.

Нас объединяет одно только одинаковое чувство — зависть.

Началось все с родителей. Папа все время вспоминал вахтера Екимова и говорил, что с него и взятки гладки и что ему можно только завидовать. Мама завидовала нашей соседке — тете Лиде, что у нее одна комната и что убирать ее очень легко, не то что наших две... А я, когда пошел в школу, стал завидовать соседкиным Витьке и Тольке, потому что им не надо было идти в школу, они были маленькие.

Я выходил утром в коридор и ревел: «Да... Витьке хорошо... А Тольке еще лучше!..»

Но они оставались спать, а я все равно шел в школу. В школе я завидовал мелу, потому что он сам пишет всякие умные слова и цифры и совсем не учится. Летом, в жаркие дни, я завидовал лягушке в пруду: хочет — прыгнет в воду, хочет — выпрыгнет. Зимой я завидовал снежной бабе: стой себе и стой — зубы не чисти, в школу не бегай и даже сосулек не хочется — сама ведь из снега...

Он-то, этот враг, эта страшная зависть, и довел меня до больницы.

Расскажу все подробно.

В нашем классе заболел Мишка Степанов. Сначала думали ангина и забыли про него. Но после оказался аппендицит. Мишку в больницу отвезли. Операцию сделали. Что тут поднялось! Все наши ребята как с ума спятили. Бегают, толкаются по классу. На апельсины собирают. Книжки разные тащат. А парень один, Ежиков, говорит: «Я ему ежа в больницу принесу...»

И я заболел...

И температуры вроде нет и насморка, а вялый какой-то, грустный, и есть не хочется. Ночами не сплю, а только вздыхаю, а мама даже плакала. А потом стала руки вскидывать и упрашивать, чтоб я на что-нибудь пожаловался... Тогда я вздохнул еще раз и грустно ей сообщил, что у меня аппендицит... И заплакал...

Мама побледнела и сказала:

— Не может быть!

Тогда я тоже побледнел и закричал: «Нет, может! Может!» И бросился на пол и стал по нему кататься, и держаться за живот, и кричать еще громче... Это я из последних сил боролся с завистью к Мишкиному аппендициту и призывал на помощь всех своих внутренних врагов и друзей. Но все было напрасно.

Приехал доктор и сказал, что аппендицит есть у всех, но что у меня живот не хирургический и приступа он не видит. Но раз я так страдаю, меня следует обследовать...

И я очутился в больнице!

Я так радовался, что все врачи перепугались и стали ставить мне градусник и успокаивать: «Все будет прекрасно! Не с такими болезнями приходят сюда, а выходят здоровыми!» И все ставили в пример мальчика,

моего соседа, который был спокойным и грустным.

А на другой день ко мне пришли ребята... И я был самым главным среди них! И Ежиков принес ежа мне! Мне, а не Мишке! И мама пришла такая послушная — ей можно было все приказывать. И тумбочка моя была набита всякими вкуснейшими вещами.

...Потом все ушли, и в палате вскоре потушили свет. Я подошел к окну и увидел там улицу, и снежок, и мальчишку с коньками, и людей, спешащих домой. Мне даже послышались слова песни, которую они распевали на ходу: «Куда хочу — туда иду. А ты сиди в больнице!» И ежика Ежиков забрал с собой: в больнице не положено ежам. И тишина была вокруг. И я заплакал... Я ненавидел себя и свою зависть — до чего же она меня довела! Я давал себе страшные клятвы, что с завистью все покончено, иначе пусть я стану таблеткой аспирина и покончу жизнь в чьем-нибудь желудке.

Но когда пришел новый день, она, эта ужасная зависть, снова победила меня.

В нашей палате, кроме меня и грустного мальчика, был еще один человек — десятиклассник Коля. Он приехал в наш город на каникулы и попал в больницу. Он был веселый и строгий. Время от времени он открывал свою тумбочку, доставал что-то и, положив в рот, сладко чмокал губами... И я вдруг понял — все, что находится в моей тумбочке, это такой пустяк по сравнению с Колиной, что даже хочется грустить. Я больше ни разу не открыл свою тумбочку и старался уйти из палаты, когда Коля открывал свою... Ее открывала только моя мама, когда приходила ко мне. Она начинала вскидывать руки и шептать на всю палату, какой я мучитель и как я умею издеваться даже в больничных условиях... А Коля сидел на кровати, ехидно улыбался и сладко чмокал губами...

Однажды, когда я, проводив маму, вернулся в палату, Коля таинственно подозвал меня к себе... Потом он открыл тумбочку и вынул оттуда огромный апельсин... Таких я никогда не видел. Он был ясный, как солнце, и очень сочный. Я проглотил слюну, а Коля протянул апельсин мне!..

Я схватил его! Я забыл даже крикнуть спасибо! Я разорвал его на части и потом долго жевал, сладко чмокая губами.

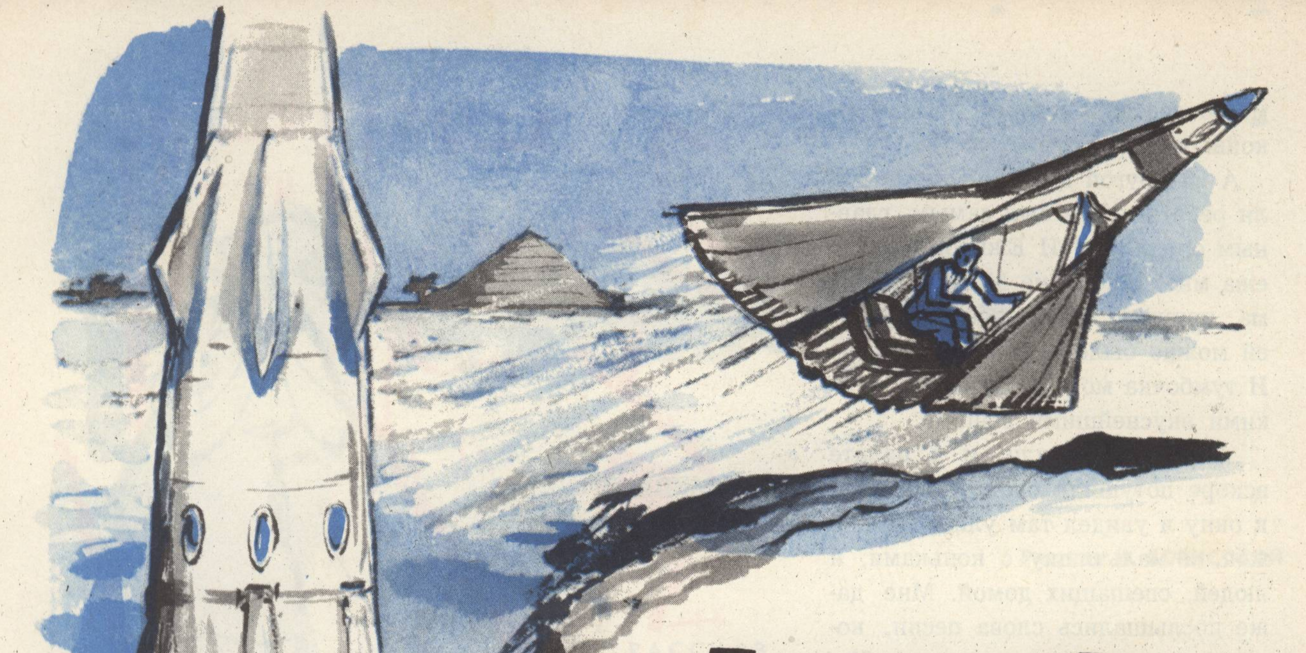
Я снова был счастливый!

С тех пор Коля все время мне что-нибудь давал. Открывалась тумбочка, и в моем рту начинало таять что-то невозможно прекрасно-вкусное...

Когда моя мама пришла в следующий раз, она, как всегда, открыла мою тумбочку... И вдруг она бросилась ко мне, и стала гладить меня, и целовать, и говорить, какая я умница...

Я ничего не понял, даже когда увидел пустую тумбочку, а мама все приговаривала: «Ты все съел... Ты наконец все съел!..»

Тут к нам подошел Коля. Он смеялся. Он положил на мою кровать пакетик и сказал: «Не все. Здесь еще печенье осталось. А я сегодня выписываюсь...»

ГОСТИ С МИОНА

Петр СТЫПОВ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ АСУРА

Асур выключил приборы, которые могли обеспечить воздух по его желанию — горный, пахнущий сосной или морем, весенний или зимний... Ему захотелось подышать знойным воздухом африканской пустыни. Он почти забыл этот запах, но сейчас такой воздух, сухой и горячий, казался ему самым желанным.

Воспоминания детства и молодости как бы дремали где-то в глубине сознания. Его представления о жизни на Земле были смутными. Асуру казалось, что он умер, а потом родился снова на планете мионян.

Воспоминания вдруг пробудились, после того как Таомей сообщил ему, что на звездолете находятся люди, подобные ему. Очевидно, жители Земли. Асур поспешил в зал и, увидев их, сразу понял, что это такие же люди, как он, земляне...

В свою бытность на Земле Асур был рабом, и теперь, когда он увидел землян, им овладели какие-то неодолимые чувства. Асур упал на колени и начал бить челом о пол звездолета. Инстинкт подсказывал ему, что это господа, владыки! Каково же было его удивление, когда выяснилось, что они не могут понять друг друга! Их язык был ему совершенно незнаком. Холодное любопытство, с которым, как ему показалось, встретили его земляне, огорчило его.

Таомей сообщил, что ему удалось с помощью кибернетического аппарата-переводчика разговаривать с одним из гостей, по всей видимости, самым главным из них. Действительно, это были люди с Земли, родной планеты Асура. На Земле, с тех пор как Асур покинул ее, прошли тысячи лет, за это время там наступили большие перемены, и мионяне надеялись установить надежную связь с этими на вид щуплыми, но умными существами...

Перевела с болгарского
Р. АНДРЕЕВА

Рисунки
М. АЛЕКСЕЕВА

Асур был взволнован не меньше, чем в тот день, когда Таомей сообщил ему, что по решению Великого совета мионян будет организована вторая экспедиция на планету Земля...

Далекая родная Земля!

Планета, где родился Асур, где бегал полуголым и босым по песку, ел мясо диких животных, инжир, апельсины, пил молоко кокосовых орехов и еще совсем мальчишкой ловил рыбу, нырял в морскую пучину за жемчугом, который покупали богачи. Когда он подрос, то начал помогать отцу в гончарной мастерской — месил глину, клал ее на деревянный круг и изготовлял красивые горшки, миски и кувшины. Из Асура вышел бы прекрасный мастер.

Но однажды жарким днем в село нагрянула шайка разбойников. Одетые в звериные шкуры, они восседали на верблюдах и были вооружены луками и копьями. Плач и крики огласили село. Люди бежали к скалам, которые высились на севере, прятались за песчаными дюнами, карабкались на пальмы или же устремлялись в пустыню. Разбойники ловили тех, кто не успел скрыться. Попал в плен и Асур.

Потом главарь шайки разбойников продал Асура богатому купцу.

Жизнь в неволе была трудной. Он тосковал по своим близким, по родным местам и прохладному морю, в котором когда-то резвился, как рыба.

Так прошло два года.

Как-то господин приказал Асуру отправиться с караваном и вооруженной охраной в один приморский город. Много дней шли они по пустыне. Отдыхали в тени пальм, у изредка попадавшихся оазисов.

Однажды в прохладное и ясное утро Асур шел впереди каравана. Вдруг он остановился, сердце его учащенно забилось. Да, места эти были ему знакомы! В сутках ходьбы отсюда лежало на берегу моря его родное село. Однако караван направлялся в другую сторону.

Вечером Асур взял бурдюк с водой, кусок вяленого мяса и связку бананов. Когда караван расположился на ночлег, Асур осторожно пробрался между верблюдами и пополз по песку за ближайший бархан.

Когда ему показалось, что он уже достаточно далеко от каравана, он остановился среди скал, которые потрескивали под холодным дыханием ночи. Асур постелил циновку, которую захватил вместе с припасами, лег и сразу уснул. Его разбудило солнце. Он напился воды, поел немного мяса и встал, чтобы продолжить свой путь. В этот миг он увидел на одном из отдаленных холмов трех воинов на верблюдах. Прикрыв ладонью глаза от солнца, они внимательно осматривали пустыню. Асур так испугался, что, вместо того чтобы притаиться, бросился бежать. Увидев бегущего, воины припустились за ним.

Чуть не падая с ног от усталости, Асур поднялся на вершину холма, и перед глазами его возникла огромная золотая башня, упиравшаяся острым концом в небо.

«Это бог!» — решил Асур. Только бог мог быть таким сияющим, величественным и грозным. Добрым или злым был этот бог?

Оглянувшись, Асур увидел, что преследователи вовсю нахлестывают верблюдов. Тогда он протянул руки к божеству и, собрав последние силы, побежал к нему, крича:

— Спаси меня, спаси меня! Спаси меня, и каждый год в этот день я буду приносить тебе жертву!

Асур бежал и кричал, срывая голос, простирая руки к божеству, а из глаз его лились слезы. Он задыхался, звал и молил о помощи... Но божество было далеко, а всадники, остановившиеся было на вершине холма при виде необыкновенной золотой башни, снова пустились в погоню.

Тогда случилось чудо.

С башни слетела птица — огромная сверкающая птица с широко расправленными неподвижными крыльями. Она злобно ревела. Асур остановился, упал на колени и замер, примиряясь со своей судьбой.

Но птица пролетела мимо. Может, она не заметила его? Асур с опаской оглянулся назад. Верблюды и трое всадников лежали на песке. Лежали и не шевелились. Точно мертвые! Потом Асур узнал, что они просто уснули, чтобы проснуться через несколько часов. Птица села неподалеку от них. Теперь она молчала, спокойно лежа на песке. Вдруг из нее вышел человек. За спиной у него развернулись крылья, и он полетел. Асур впервые видел летящего человека. Вот он опустился на песок неподалеку от Асура и направился к нему. Крылатый человек был огромен, выше хижины, в которой родился Асур, выше даже самого большого верблюда. Он мог свободно достать рукой до вершины любой пальмы и приближался к нему гигантскими шагами. Асур видел странную серебристую одежду, облегавшую тело великана, прозрачный шар на его голове, наверху которого торчал длинный прямой рог, сверкавший на солнце золотом. Желтые, как пустыня, глаза смотрели на Асура. Великан был похож на человека, но за спиной у него трепетали крылья. Это, конечно, бог. Бог, принявший образ человека.

Бог был добрым — Асур понял это. Но что ему нужно от несчастного раба? Он пришел за его душой? Асур протянул руки к богу и заговорил — за-

Таомей предложил землянам посмотреть фильм, снятый на Земле первой экспедицией мионян.

говорил о том, что насытился рабской жизнью, что он с радостью готов лететь на небо с добрым богом.

Сказав это, он закрыл глаза. Бог протянул руки, обнял его и полетел вместе с ним. Куда? Разумеется, на небо, где живут боги. Асур приоткрыл глаза и увидел пустыню и птицу, распростершую крылья. Бог вошел внутрь птицы. Асур потерял сознание...

Когда он очнулся, то увидел стоящих вокруг него бородатых гигантов. Асур понимал, что ему не полагается разговаривать с ними, и он молчал. Один из богов склонился над ним и заговорил. Бог говорил, и он, Асур, все понимал. Конечно. Разве могут боги не знать языка своих рабов?

— Кто ты? — спросил бог.

— Я раб, несчастный и смиренный раб,— ответил Асур.

— Почему тебя преследовали люди на верблюдах? «Странный бог! Прикидывается, что ничего не знает».

Асур коротко сказал:

— Они хотели схватить меня, заковать в цепи, а может быть, и убить!

— За что?

— Я убежал от своего господина... Не мог больше терпеть... И хотелось повидать родной дом...

Бог что-то сказал другим богам, но язык их был странным, и Асур не понял ни словечка. Потом бог снова спросил его:

— Хочешь полететь с нами?

Позднее он понял, что это были совсем не боги, а обитатели другой, далекой планеты, где светило другое солнце и жили иные люди, очень высокие, очень умные и очень добрые. Они были всемогущи. Они изобрели необыкновенные машины, знали все тайны мироздания, знали, что есть на других звездах и планетах.

Но все это он узнал, когда через несколько лет вышел из летящей башни на новую землю, которая называлась Мион.

В городах мионян высились огромные дома без окон, так как стены их пропускали свет. Круглые и прямоугольные, выкрашенные в различные цвета, они были красивее дворцов фараона. Мионяне носили пестрые одеяния, плотно облегающие их тела...

Однажды его привели в большой зал, погасили свет и показали ему живые картины. Он увидел самого себя в тот самый момент, когда он выходил из летящей башни и широко открытыми глазами смотрел на толпы мионян, которые кричали что-то и разглядывали Асура, словно он был какая-то невидаль. Ему сказали, что сейчас мионяне только о нем пишут и говорят. Говорящие ящики рассказывали об Асуре и о его родной Земле.

Он изучил математику, механику, астрономию, физику, историю мионян. Теперь он с улыбкой вспоминал о наивном рабе, обожавшем бога, который, по его представлениям, жил на небе, и почитавшем фараона, сына Солнца.

Однажды к нему пришел Таомей. Это был великий ученый и изобретатель. Он знал все. Прославленный конструктор звездолетов, он мог управлять всякими машинами и решал труднейшие задачи не хуже любой вычислительной машины. Он знал историю планет, разработал теорию развития далеких звезд и был членом Великого совета, который управлял планетой мионян.

— Асур,— сказал он.— Мы построили очень мощный звездолет величиной с миллионный город. Он полетит к планете, которую ты называешь Землей. Хочешь побывать с нами у себя на родине?

Асур по древнему земному обычаю стал на колени перед Таомеем и поклонился ему.

Через несколько дней Асура привезли на широкую равнину, в центре которой стоял гигантский звездолет. Он был такой длинный, что, если бы Асур пошел вдоль него пешком, потребовалось бы больше часа, чтобы дойти до конца. Он походил на птичку, сложившую крылья, отливал серебром и не имел, как другие летательные аппараты, колес, а лежал прямо на брюхе. Потом Асур стоял на летающей платформе у огромного люка звездолета. Тысячи мионян кричали, размахивали руками, прощаясь с жителем Земли, который снова возвращался к себе на родину. Асур, подняв руку, благодарил их, и ему было грустно покидать Мион.

Однажды астроном Элий показал Асуру яркую звезду и пояснил, что это Солнце. После этого Асур дол-

Тысячи мионян кричали, прощаясь с жителем Земли, который снова возвращался на родину.

го не ложился спать. Он стоял у иллюминатора и с напряжением смотрел на медленно, мучительно медленно растущее светило. Впереди их ожидали долгие дни пути. Но важно было то, что они приближались к Солнечной системе. И вот наконец Солнце засияло так ярко, что на него нельзя было смотреть без специальных очков. Зейбо, первый пилот, включил носовые двигатели, чтобы уменьшить скорость звездолета. Он сказал:

— Через несколько дней мы будем в пределах Солнечной системы.

У Асура было такое чувство, будто он стоит на холме, с которого уже видно его родное село. Он буквально не отходил от иллюминатора, а на пульте управления вспыхивали и гасли сигнальные лампочки приборов, которые наблюдали за пространством на миллионы километров вокруг. Вот на большом экране появилась едва заметная пылинка. Она ползла, становилась все больше, крупнее, вот она уже...

— Зейбо! — воскликнул Асур.— Астероид!

— Ну что ж, скажем ему «Добро пожаловать!»— пошутил мионянин.

Асур решил получше рассмотреть напугавший его астероид. Он нажал какую-то кнопку, и на экране появился продолговатый предмет.

Зейбо указал на небольшой диск в углу экрана и сказал:

— Луна. А это тело направляется к ней. Но это не астероид. Это корабль, похожий на наши старые ракетопланы, которые теперь стоят в музеях.

Зейбо позвал Таомея и Элия. Они решили приблизиться к неизвестному кораблю. Из звездолета вылетела ракета, которая была раза в два больше замеченного ракетоплана и летела гораздо быстрее его. Ракета миоонян описала огромный круг, настигла неизвестный корабль, выпустила два гибких щупальца, обхвативших его, словно руками, и полетела к звездолету...

На этом корабле оказались люди с Земли. Они, как две капли воды, были похожи на Асура, но какими далекими и чужими казались они ему, когда он обращался к ним, а они отказывались понимать! Асур был огорчен. Он знал, что завтра сможет разговаривать с ними с помощью переводной машины, но это не утешало его. Что-то в этих людях ему не нравилось. Только девушка показалась ему доброй, сердечной.

Он решил, что она лучше всех на пойманном ими корабле.

МИОН И ЗЕМЛЯ

— В сущности, это вовсе не звездолет. Мы находимся на какой-то планете! — сказал Вега, когда после завтрака Таомей повел землян на прогулку по песчаной аллее сада.

Над головой простиралось небо, голубовато-серое, с белыми облачками, которые плыли в нем, постепенно меняя свою форму. Воздух был прохладным, свежим и приятным.

— Да,— продолжал Вега.— Растения, птицы, настоящее небо! Это, несомненно, планета. Но какая? Где мы находимся?

Таомей добродушно улыбнулся.

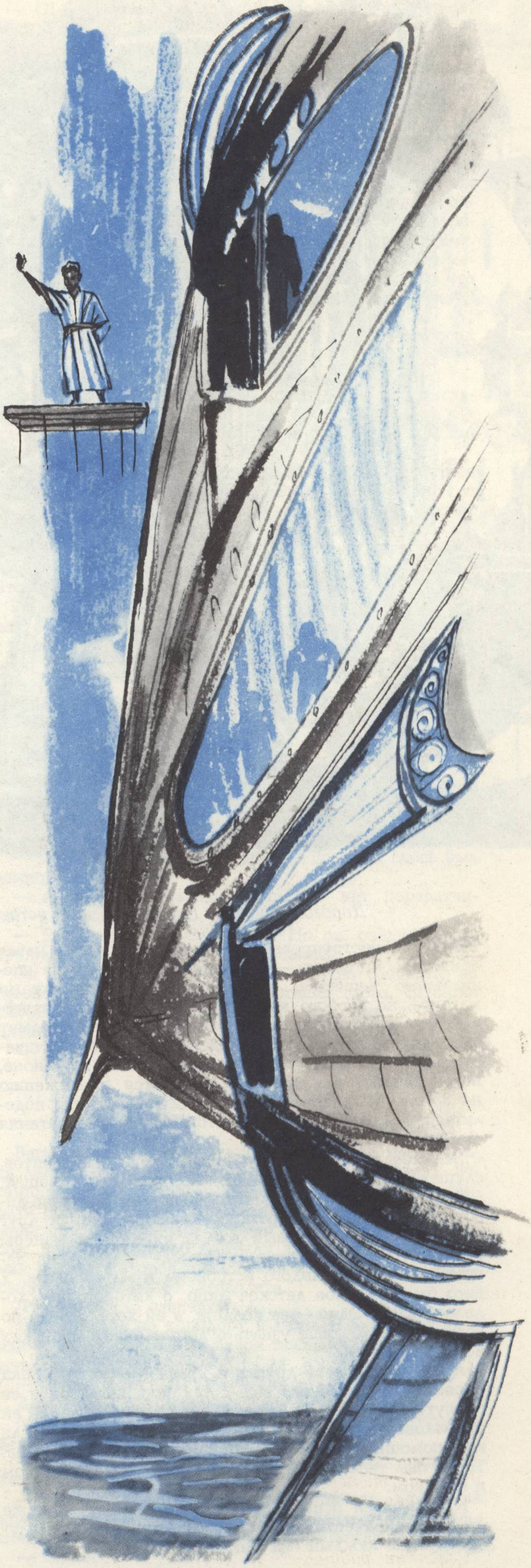
— На нашем звездолете, названном «Вестником»,— ответил он.— А сейчас мы с вами прогуливаемся в одном из двух его парков. Небо здесь, конечно, искусственное. Растения, птицы, которых вы здесь видите, с Миона. А может быть, вы хотите, чтобы пошел дождь? Пожалуйста!

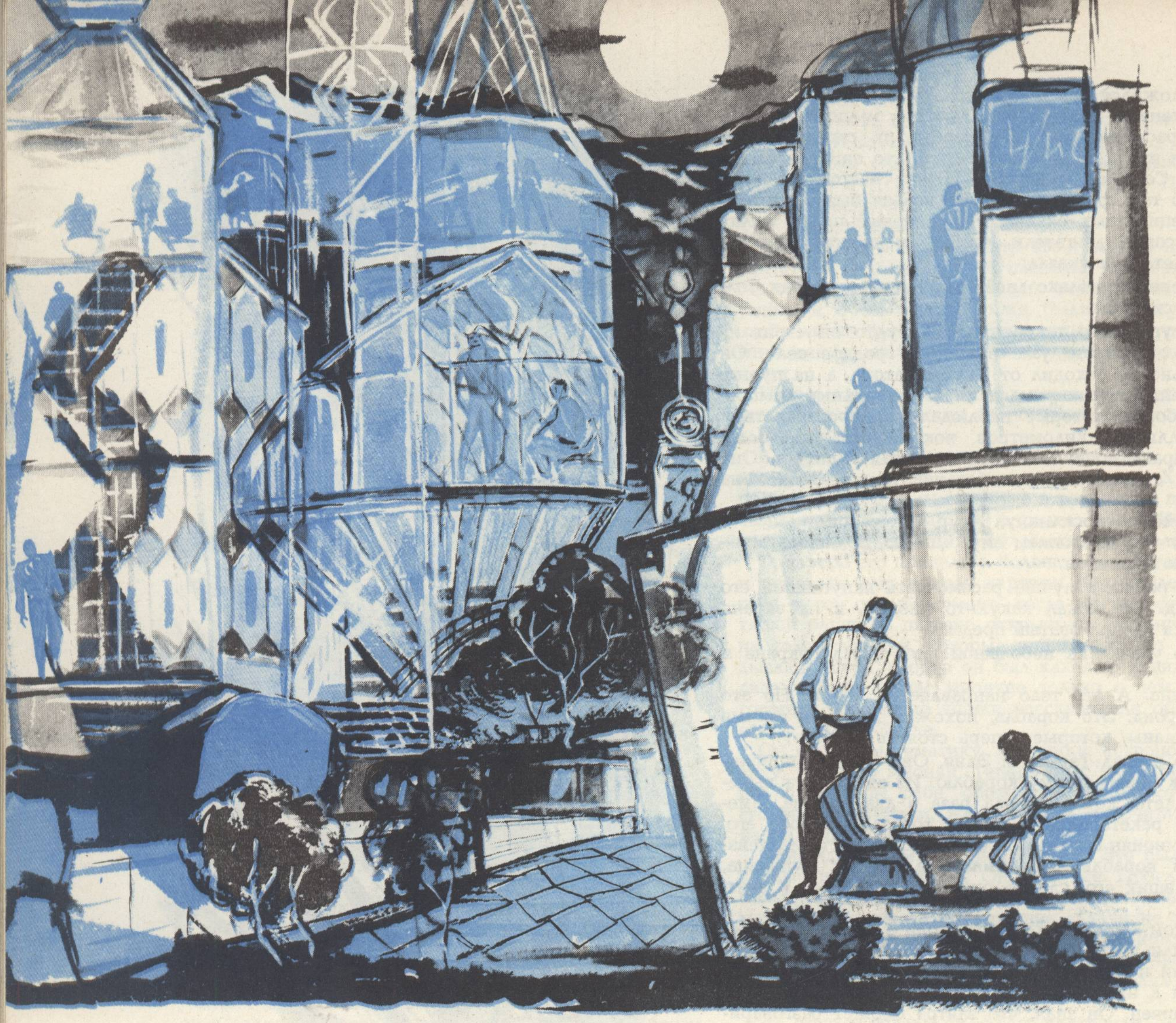
Он направил острие «авторучки» на круг, лежавший на металлическом стержне, через минуту облака сгустились и заморосил дождь..

— Замечательно! — воскликнула Анна.— Но мы все вымокнем!

Таомей остановил дождь.

— «Вестник» — самая совершенная летательная ма-

— Дорогой Таомей! Нельзя ли нам установить связь с Землей? — спросил Скрибин.

шина из сконструированных нами до сих пор,— начал объяснять мионянин.— Она имеет прослойку из специального вещества, которое обладает свойствами магнита, но особого магнита. Это вещество притягивает все предметы к одному центру. Каждый предмет здесь стремится к нему, вследствие чего не утрачивает тяжести. Мы ощущаем ее меньше, чем на Мионе, но, очевидно, для вас она равняется притяжению на Земле. Мы направляемся на Землю, чтобы поделиться с людьми своим опытом. Наши изобретения станут достоянием людей!

Земляне походили в этот момент на экскурсантов, слушавших лекцию о неведомых им доселе вещах.

Вначале землянам трудно было подметить какие-либо индивидуальные черты, отличавшие мионян друг от друга, ибо на первый взгляд их лица и манеры были совсем одинаковыми. Прежде всего Анна запомнила Элия, молодого астронома и метеоролога. У него было круглое детское лицо, с которого не сходила улыбка. Элий — ее коллега, и ей хотелось бы по возможности больше узнать о достижениях мионских астрономов.

Анна отличала от других и врача Мейзо. Девушка хорошо запомнила его еще с тех пор, когда он в ее присутствии вылечил Брауна. Остальные казались ей одинаковыми, как близнецы. Лемея отрекомендовали как помощника Зейбо и инженера-радионавигатора. Тойзи был геологом экспедиции, Лайо — математиком и физиком.

Кроме своей основной профессии, члены экипажа были специалистами в других отраслях науки. В случае нужды каждый мог заменить другого.

Познакомившись друг с другом, мионяне и земляне снова вышли прогуляться.

Настроение было приподнятое. Все чувствовали себя легко и свободно. Робсон бегал, катался по траве, брызгался водой из ручья.

— Все как на Земле! Смотрите!— кричал он.— Пожалуй, и на Мионе можно жить неплохо!

— Конечно. Посмотрите на Асура,— сказал Таомей.— И на Мионе, как на Земле, есть вода и воздух, такие же растения и животные. Вообще Земля нам хорошо знакома.

Он рассказал, что их ученые написали немало сочинений о жизни на Земле. Впервые мионяне посетили Землю примерно пять тысяч земных лет назад. Таомей предложил землянам посмотреть фильм, снятый на Земле первой экспедицией мионян.

И перед глазами землян появилась пустыня. Она казалась такой рельефной и реальной, что по спинам зрителей пробежал озноб. Вдали текла широкая река.

— Это похоже на Нил,— сказала Анна.

Да, именно Нил простирался перед зрителями. На берегах его двигались люди. Смуглые, почти обнаженные, только с повязкой на бедрах, как бы высушенные солнцем — настолько они были худыми. Одни из них вскапывали землю мотыгами, другие, выстроившись цепочкой на ступенях, сделанных на обрывистом берегу, передавали из рук в руки какое-то подобие ведра. Человек, стоявший у самой воды, зачерпывал ее ведром, протягивал его соседу, а тот другому... Последний в цепочке выливал воду в длинный желоб, и она бежала к полю, густо засаженному расте-

ниями. В другом месте воду доставали из речки с помощью шеста с болтающейся на конце бадьей.

— Папа, ведь это египетские рабы! — шепнула Анна.

— Да,— ответил Скрибин.— Поразительно!

Но вот по пустыне побежали охваченные паникой стада. Погонщики на верблюдах нещадно нахлестывали животных... Вдали блеснула синева моря. У подножия гор раскинулись два города. Трое пастухов в меховых плащах стояли на коленях и кланялись кому-то. Они протягивали руки вперед и что-то говорили с выражением покорности, мольбы и страха.

— Эти кадры сняты при первой встрече наших космонавтов с земными людьми,— сказал Таомей.— Пастухи думали, что боги спустились с неба.

Фильм продолжался.

Молодой полуголый человек бежал по пустыне прямо на зрителей. Он бежал, задыхаясь, протягивая руки вперед, и что-то кричал. Лицо его было искажено гримасой ужаса. Вслед за ним появились трое на верблюдах.

— Это Асур! — воскликнула Анна.

Бедный раб напрягал все силы, чтобы уйти от преследователей. Но напрасно. Он шатался, колени его подгибались. Наконец он упал на песок...

Тогда в воздухе появился небольшой ракетоподобный самолет. Он пролетел над преследователями, и в следующий миг верблюды, подогнув колени, повалились на бок и вытянули шеи на песке.

Забушевало пламя. Черные облака дыма заволокли пустыню и небо.

Таомей тихо сказал:

— Это последние кадры, снятые на Земле. Они запечатлели тот момент, когда звездолет поднялся в небо, чтобы лететь на Мион.

— Но между той далекой эпохой и нашей современностью очень мало общего!—воскликнул Скрибин.— Теперь мы стоим на пороге создания фотонной ракеты, которая позволит нам побывать на других планетах за пределами Солнечной системы. Так что ждите нас к себе в гости!

Все весело рассмеялись. Таомей сделал жест, по всей видимости, означавший гостеприимное приглашение.

Затем разговор принял научный характер.

— Если наши ученые смогут превратить материю в плазму,— вставил Вега,— мы будем располагать огромной энергией. Атомные и водородные бомбы будут казаться ничтожными по сравнению с новым источником энергии.

— Но зачем это нужно? — в недоумении спросил Таомей.— Ведь неконтролируемая плазма может уничтожить все!

— Важно располагать более мощной силой, чем враг! — сказал Вега.— На Мионе, наверное, уже давно поняли это, не так ли?

Таомей серьезно посмотрел на Вегу.

— У нас нет врагов,— холодно ответил он.

— Как? Разве у вас нет государств?

— Нет. Вся наша планета — одно государство.

— А классы? Противоречия, которые можно разрешить только силой?

Не выдержав, Скрибин произнес с досадой:

— Перестаньте!

— Почему? — удивился Вега.— Это же интересно! Пусть наш друг Таомей расскажет нам, каковы общественные отношения на Мионе.

— Хорошо, расскажу!— сказал мионянин.— Вы говорите о вещах, которые существовали на нашей планете в глубокой древности, в те времена, когда наши ученые раскрыли тайну атома. Тогда мионяне осознали, что нельзя жить на вулкане, который каждую минуту грозит извержением. И то, к чему стремилось большинство мионян, свершилось! Каждый располагает всем, что ему необходимо. Мы достигли этого благодаря совершенной технике и механизации.

Когда Таомей умолк, Вега в недоумении пожал плечами.

— Мистер Вега,— Скрибин кивнул в его сторону,— из государства, где господа платят рабочим столько, сколько пожелают.

— О! — воскликнул Таомей.— Но это же грабеж! Ваши социальные отношения еще очень примитивны!

Вега нахмурился и заговорил, посмотрев на Таомея:

— Хорошо, мы, земляне, жалкие, несовершенные существа. А у вас все обстоит прекрасно! В таком случае как объяснить ваши действия?

Таомей, казалось, растерялся.

— Что вы хотите сказать? — спросил он смущенно.

— Вы силой захватили наш «Космос»!

— Да, да. У вас есть основания так думать, но вы не совсем точно выразились,— с виноватым видом заговорил Таомей.— Постарайтесь нас понять! Мы решили воспользоваться имеющимися у нас средствами, чтобы вступить с вами в контакт! Это в какой-то мере, я считаю, оправдывает нас. Но мы сознаем, что поступили неправильно, и вы можете подать жалобу в наш Великий совет.

— Где же он находится, этот совет?— спросил Вега.

— На Мионе!

Вега только усмехнулся в ответ. Он встал и сказал:

— Извините меня, что-то голова разболелась, я, пожалуй, пойду отдохну.

После ухода Веги в комнате воцарилось тягостное молчание. Анна смотрела на отца, ожидая, что он заговорит первым. Она была уверена, что он скажет всю правду о Веге. Но Скрибин находил это излишним. Ему было неудобно признаться, что они с Анной летели в «Космосе» в качестве пленников. Что подумают тогда мионяне о землянах?

Но почему бы не сообщить на Землю, своим, что они с Анной живы и здоровы? Он представлял себе, с какой радостью встретят там эту новость. Разумеется! Давно уже надо было сделать это.

— Дорогой Таомей!

Мионянин быстро поднял голову.

— Нельзя ли нам установить связь с Землей?

— Мы уже пытались сделать это, но ничего не вышло. На Земле не понимают наших сигналов. Пойдемте!

Таомей объяснил Анне и Скрибину, как настраивается аппарат. Они попытались поймать радиоволны с Земли, но все было напрасно. Эфир молчал.

— Странно,— сказал Скрибин.— Если бы здесь был земной передатчик!

— А разве на вашем «Космосе» нет передатчика? — спросил Таомей.

— Есть,— ответил Скрибин.— Но он, очевидно, поврежден. Мы потеряли связь с Землей и...

Он ничего не знал о попытке Брауна сообщить на Землю об их судьбе и последствиях этого. Скрибин упорно не хотел признаться, что они с Анной пленники.

ЗАГОВОР

Вега проснулся, когда сквозь стены стал пробиваться легкий свет, подобно утренней заре на Земле. Вега пошел в ванную, помылся и начал энергично растирать полотенцем тело. Одеваясь, он заметил в иллюминаторе серебристый корпус ракеты с острым носом. Вега прижал лоб к стеклу. Безусловно, та же самая ракета, которая приволокла их сюда. Теперь она быстро удалялась от звездолета.

Что это могло означать?

Вега прошел по коридору и нажал белую кнопку у одной из дверей. Из-за двери послышался голос Таомея. Вега сказал:

— Это я, Вега.

Дверь сама открылась.

Мионянин сидел за столом перед раскрытой книгой.

— Извините,— заговорил Вега.— Я видел вашу ракету. Что-нибудь случилось?

— Нет никакой причины беспокоиться, любезный друг. Садитесь! — Таомей предложил ему стул.— Мы послали ракетоплан облететь вокруг Земли.

— Зачем?

— Еще раз хотим исследовать земную атмосферу. Кроме того, Зейбо и Тойзи пожелали ознакомиться с районом, где мы собираемся совершить посадку.

— А что это за район, могу ли я знать?

— Степи у Каспийского моря. Так нам порекомендовал инженер Скрибин.

Вега вздрогнул и нахмурился.

— Я гражданин Соединенных государств западного полушария,— сказал он.— И я бы счел особой честью, если бы вы согласились приземлить звездолет в районе великой реки Миссисипи. Но, разумеется, право на выбор принадлежит вам. Однако я не могу понять, почему вы нас держите здесь и собираетесь отправить обратно на Землю!

Таомей покраснел, как маленький ребенок.

— Мы не задерживаем вас,— сказал он.

В светлой прохладной каюте звездолета собрались все члены экипажа «Космос». Вега сидел на высоком стуле и говорил:

— Мы стоим на пороге катастрофы! Мионяне опустятся на Землю, возможно, еще сегодня, через несколько часов. Приземлятся в районе Каспийского моря.

Все зашевелились. Скука, которая донимала их на звездолете, сразу же испарилась. Они понимали, что может произойти. Джерри сел на койку и хмуро промолвил:

— Это дело Скрибина. Он подложил нам эту свинью!

Робсон выплюнул свою жвачку и яростно прорычал:

— Ко всем чертям! Весь мир узнает об истории с инженером, и тогда нам крышка...

— Все дело в Скрибине и его дочери,— прервал его Вега.— Они хотят вернуться на Землю вместе с мионянами. Хотят неожиданно появиться целыми и невредимыми и, конечно, раскрыть всю эту историю. И тогда нам конец!

Опять воцарилось тягостное молчание. Наконец Джерри не выдержал и спросил:

— Ну, что же вы молчите, сэр?

Вега улыбнулся. К нему вернулись прежняя самоуверенность и решимость.

— Господа! — торжественно заявил он.— Инженер и его дочь должны лететь вместе с нами.

— То есть,— вмешался Робсон,— если я правильно понял, придется еще раз похитить их.

— Дадим им понюхать усыпляющего газа — этого добра у нас хоть отбавляй. Затем тайком перенесем их на «Космос» и вылетим.

Робсон громко рассмеялся.

— Что?! Это же сущий вздор! Вы сами знаете, что они и видеть не хотят никого из нас. Нет ли у вас более дельного предложения?

Вега не ответил. Он нахмурился, в его глазах появились злые огоньки.

— В таком случае я вам предложу нечто,— с самодовольным видом добавил пилот.— Это сделает Браун!

Вега вспыхнул от гнева.

— Робсон, вы сошли с ума! Ведь он же с ними!

— Именно это нам на руку. С вашим усыпляющим газом ничего не получится. Мне нужно другое снотворное средство — в виде жидкости или порошка. У вас случайно не найдется?

— Найдется,— ответил Вега.

— Вот и отлично. Мы подсыпем этот порошок в завтрак, а Браун поднесет им этот завтрак.

Как обычно, Браун лежал в каюте один. Заговорщики не заглядывали к нему с того дня, когда он предпринял злополучную попытку сообщить на Землю о похищении Скрибина.

Услыхав тихий стук в дверь, Браун сел в кровати.

— Войдите!

На пороге появилась пышущая здоровьем спортивная фигура Робсона. Вид у него был веселый, приветливый.

— Скука, дружище, скука! — фамильярно воскликнул он.— Где вы пропадаете? Неужели вы еще не забыли той истории? Как поживаете?

— Спасибо, хорошо.

Робсон протянул ему маленький блестящий портсигар.

— Спасибо,— сказал Браун и взглянул на часы.— Мне пора. Нужно подать завтрак инженеру.

— Знаете, мне бы хотелось выпить чего-нибудь сладенького, только не вина!

— В кладовых мионян всего вдоволь. Принести вам?

— Нет, не нужно. Если вы не возражаете, я пойду с вами.

Они прошли в кухню. Там Браун распоряжался, как у себя дома. Из большого шкафа он вынул несколько бутылок с пестрыми этикетками, наполнил два стакана янтарным соком, сказал, что это для инженера и его дочери, а затем налил Робсону и себе. Они чокнулись, глядя друг другу в глаза. Браун открыл другой шкаф и принялся приготовлять легкий завтрак. Он стоял спиной к Робсону, расхваливая кухню мионян. Робсон достал из брюк маленький пакетик и быстро подсыпал в оба стакана немного белого порошка. Браун обернулся. Робсон едва успел отдернуть руку и нервно скомкал пакетик в кулаке. Браун ничего не сказал. Он поставил стаканы на поднос с завтраком и вышел в коридор. «Видел или нет?» — Робсон закусил губу. Он тоже вышел в коридор и услышал, как Браун воскликнул:

— Не пейте сока, мисс!

— Почему?— раздался удивленный голос девушки.

У Робсона голова пошла кругом, но он мигом овладел собой.

— Браун, вы здесь? Для вас радиограмма с Земли.

— Какая радиограмма?— недоверчиво спросил Браун.

Робсон бесцеремонно потащил Брауна за рукав.

— Быстрее, быстрее! Вас ждут! — Он потащил парня за собой, открыл дверь одной из кают и втолкнул его туда. Там были Вега и Джерри.

— Что случилось? — крикнул Вега, смотря с ненавистью на Брауна.

Робсон со злостью прошипел:

— Пусть сам скажет! Пусть скажет о том, что он натворил!

— Опять? — вскричал Вега и, повернувшись к пилоту, процедил сквозь зубы: — Робсон, вы дурак! А ты, мерзавец, получай!

И он с размаху ударил Брауна кулаком в подбородок. Тот пошатнулся, ударился о спинку кровати и без чувств рухнул на пол.

— Ну и помощники же у меня! Идиоты! — вне себя от ярости выругался Вега.

— Если Браун не вернется, Скрибин догадается, в чем дело,— вмешался Джерри.— И попросит мионян проанализировать напиток. Тогда что будем делать, сэр?

— Перетащим этого типа в «Космос» и немедленно улетаем.

Джерри завернул скрипача в одеяло, и Робсон, как мешок, взвалил его себе на плечи. Вега приоткрыл дверь и выглянул. В коридоре никого не было.

— И не мешкайте. Мионяне, вероятно, еще спят или черт их знает, что делают. Скрибин и Анна одни. Скорее в «Космос». Там мы захватим Джеймса. Вчетвером нетрудно справиться с двумя. Робсон, живо!

— Да, сэр...

И пилот покорно потащил свою ношу к «Космосу».

СТАРИК БЕСПОКОИТСЯ

— Да,— сказал Старик, отрываясь от газеты.— Пусть войдет!

Он сделал рукой нетерпеливое движение. В последнее время Старик похудел. Морщины на его сухом лице стали еще глубже. Лакей поклонился и быстро вышел из кабинета.

Миг спустя на пороге появился радист.

— Это во время вашего дежурства прекратилась связь с «Космосом», не так ли?

— Да, сэр!

За последние несколько дней дежурства радистов были неспокойными. Непрерывно раздавались телефонные звонки. Нервные голоса секретарей требовали последних известий о том, как протекает полет ракеты, направлявшейся на Луну. Все шло нормально. Сообщения от Веги поступали регулярно. Но затем связь внезапно прекратилась. «Космос» замолчал...

— Ну, расскажите подробно, что вы слышали? Вы помните последнее сообщение «Космоса»?

— Да, сэр, оно записано. «Нас преследует какая-то ракета. Пытаемся уйти. Двигатели работают на полную мощность». Я спросил: «Чья ракета?» Джерри Гарден ответил: «Не знаю, быть может, сов...» Это были его последние слова, сэр!

— Значит, «сов...». Гм! Советская ракета, так, что ли? Это вы слышали своими ушами?

— Да, сэр!

— Отлично, ступайте!

Парень поспешно вышел из кабинета. Старик нажал на столе белую кнопку и только собрался что-то сказать, как послышался женский голос:

— Сэр, только что прибыл ракетоплан с Луны. По вашему распоряжению он привез пленку, на которой заснято неизвестное космическое тело.

— Пригласите ко мне специалистов!

Не успел он докурить свою сигару, как в комнату вошли трое мужчин в темных костюмах и белых сорочках. Старик поздоровался с ними за руку, обменялся несколькими словами и нетерпеливо взглянул на стену позади письменного стола. Там появились два круглых отверстия. На противоположной стене вспыхнул экран. Чей-то голос сказал:

— Все готово, сэр!

— Отлично, начинайте! Садитесь, господа!

На экране появился цилиндрический корпус ракетоплана с короткими крыльями.

— Наш «Космос», сэр,— пояснил один из присутствующих.

Ракетоплан казался игрушечным. Он летел на фоне бесчисленных звезд.

Но вот на экране появилась светлая полоска. Откуда она взялась? Точно вынырнула из пространства. Полоса быстро увеличивалась и вскоре приняла очертания бескрылой ракеты с игловидным носом. Она проплыла мимо «Космоса», а затем развернулась и устремилась к нему. От неизвестного космического корабля потянулись к «Космосу» тоненькие, точно нити, щупальца и обхватили его корпус.

— Просто невероятно! Что это значит? — удивился Старик.

— Ракета направляется к созвездию Сириуса,— заметил один из специалистов.

Старик резко встал.

— Это коммунистическая ракета! — сквозь зубы процедил он.

— Вполне возможно, сэр!

Старик сделал несколько шагов по комнате.

— Почему не уничтожили ракету?

— Какую, сэр?

— Все равно какую! Одну из двух!

— У меня не было приказа,— промолвил наконец один из трех, мистер Финлей.

— «Космос» ни в коем случае не должен был попасть в руки коммунистов! Вы понимаете, какие могут быть последствия?

Оставшись один, Старик сел за стол и начал нажимать кнопки. В ответ раздавались голоса секретарей.

К своему изумлению, Старик узнал, что коммунистическая печать продолжает писать о несчастном случае со Скрибиным и об утрате, которую понесла наука вместе с его смертью. Старик ничего не понимал. Почему медлят коммунисты? Почему не сообщают, что Скрибин обнаружен в ракетоплане, который пытался доставить его на Луну?

— Финлей, узнайте, кто летит на этой ракете. Пусть ее возьмут на прицел наши самонаводящиеся ракеты...

Наутро он решил позвонить Президенту. Хотел лично поставить его в известность о случившемся и предупредить насчет того, чтобы Соединенные государства западного полушария категорически отвергли какие-либо обвинения по их адресу, когда Советы сообщат о похищении инженера. Пусть будет объявлено, что оно было совершено безответственными лицами. Над экраном одного из телевизофонов замигала сигнальная лампочка.

Появилось расстроенное лицо мистера Финлея.

— Сэр! Ракета! — воскликнул он.

Старик вздрогнул.

— Какая ракета? «Космос»?

— Нет, сэр! Та самая... что похитила наш ракетоплан... Приближается к Земле. Секунд двадцать назад прошла в пяти тысячах миль от Луны. Что делать?

— Что делать?— Старик задумался. Может, через несколько минут эта проклятая ракета опять исчезнет или совершит посадку на Землю. Но в каком районе?

— Финлей, первым делом узнайте, кто летит на этой ракете. И, во-вторых, пусть ее возьмут на прицел наши самонаводящиеся ракеты. Заставьте ее приземлиться на нашей территории. Слышите? Окружите ее мощной завесой ракет и разрушающих лучей! Непреодолимой завесой! На этот раз они не должны ускользнуть!

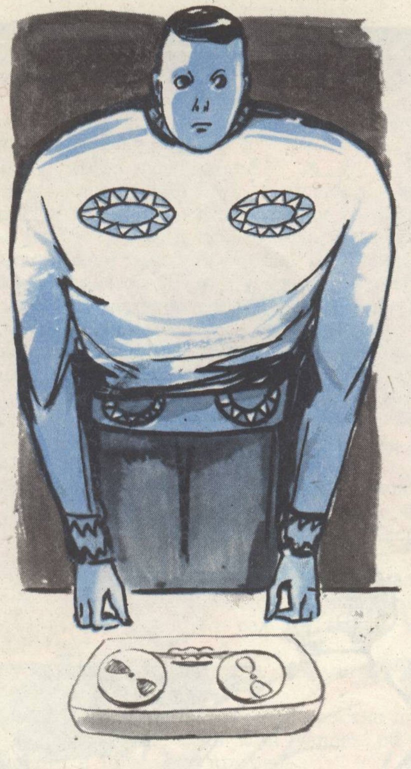
— Понимаю, сэр. Но если они откажутся подчиниться?

Старик не сразу ответил. Но время шло, а в данной ситуации дорога была каждая секунда. Возможно, через минуту уже будет поздно. Его люди ждут приказа...

— Если не подчинятся — уничтожить!— приказал Старик.

Он выключил аппарат.

Устроился удобнее в кресле и закурил сигару. Проклятое время! Как медленно оно течет! Старику казалось, что прошел уже целый час, а, в сущности, че-

Таомей включил маленький магнитофон и сказал: — Здесь все записано.

рез каких-то пять-шесть минут лампочка телевизофона снова замигала, и на экране снова появился мистер Финлей.

— Приказ выполнен, сэр! — коротко доложил он и добавил: — Сообщение коммунистических радиостанций.

— Я слушаю!

— Вот оно: «Взрыв в космосе. Сегодня ровно в семнадцать часов восемь минут космический корабль, вероятно, американского происхождения, следуя с Луны на Землю, неожиданно взорвался. Американские радиостанции пока ничего не сообщили об этом».

— Черт подери! Ничего не понимаю! — пробормотал Старик.

В ПЛЕНУ У ВЕГИ

— Я пойду в мою каюту, — сказала Анна. — Хочу кое-что записать в дневник.

— Иди. Я подожду Брауна.

— Позови меня, когда он придет. Во всяком случае, не пей этого сока.

— Хорошо, Анна.

Скрибин остался один. В кабинете было тихо и спокойно. Время шло, а Браун не появлялся. Скрибин открыл дверь и выглянул в коридор. Там никого не было. Где же Браун? Он пришел к ним такой взволнованный, сказал, чтобы не пили сока... И почему пилот так поспешно увел его?..

Скрибин неспокойно ходил из угла в угол. Не следовало отпускать Брауна. С такими, как Вега, нужно быть осторожным. От них всего можно ожидать.

Вдруг дверь отворилась, и в каюту вошел Таомей. Взгляд мионянина был полон глубокой печали.

— Вот что сделали ваши люди! — гневно сказал он.

— Что случилось? — встревожился Скрибин.

Мионянин прикрыл глаза.

— Ваши земляне, эти цари природы, как вы назвали их, уничтожили нашу ракету, — мрачно произнес Таомей.

— Что?! Ракету, которая вылетела полчаса тому назад?

— Да. И убили моего друга Зейбо и замечательного геолога Тойзи. Они убили их! Вы понимаете?

— Но почему? Как это произошло? — в полном замешательстве спросил Скрибин.

Таомей включил маленький магнитофон, который стоял на столе, и сказал:

— Здесь все записано.

Говорил Зейбо. Говорил быстро, короткими фразами. В его голосе сквозили удивление и тревога. Скрибин приник к переводной машине, ловя каждое слово.

— Появились ракеты... — говорил Зейбо, — подобные той, которая сейчас находится на «Вестнике». Две ракеты... Нет, три! Летят довольно быстро. Подают сигналы! Сообщаю им, что мы летим на Землю, как друзья!

Пауза. Длинная, мучительная пауза. Затем тревожные гудки. И опять тишина.

— Не отвечают! — раздается озабоченный голос Зейбо. — Они нас не понимают!.. Ракеты совсем близко! Вижу яркие огни... точно молнии! Что происходит? Ужасная жара и...

Грохот страшного взрыва. И больше ни звука.

Таомей прикрыл рукой глаза и прошептал:

— Ракета уничтожена жителями Земли...

Потрясенный Скрибин воскликнул:

— Да! Но вы должны знать, кто это сделал!

Таомей молчал, пристально глядя на него.

— Это сделали те самые люди, по приказу которых я был похищен вместе с дочерью. Да, раньше я не хотел вам говорить об этом! — Инженер умолк, как бы собираясь с силами. Потом продолжил глухим голосом: — Я не хотел вам рассказывать об этом, потому что стыдился перед вами за поступки некоторых людей на Земле. Но теперь я вам все расскажу: моя дочь и я — пленники!

— Пленники?! Чьи? — спросил Таомей.

— Шайки бандитов. Ее возглавляет Вега. Мне горько говорить об этом.

— Расскажите, — попросил Таомей.

— Теперь вы знаете все! — закончил Скрибин свой рассказ.

Таомей с дружеским участием положил свою руку на плечо Скрибина.

Вега распахнул дверь, и они ворвались в салон...

— Спасибо. Вы благородный человек,— сказал он.— Вы и ваша дочь — наши друзья. Несмотря на несчастье, которое принесли нам земляне, мы готовы полететь на Землю. Уведомим Вегу о нашем решении.

Элий отправился за Вегой, но не застал его в каюте. Тогда он вспомнил, что земные жители спешат вернуться на Землю, и побежал в ангар. Робсон и Вега, втащив Брауна в «Космос», спускались на подъемную платформу. Элий взял Вегу за руку. Тот вздрогнул. Но в глазах мионянина не было ни ненависти, ни угрозы. Элий протянул руку в сторону коридора.

— Он хочет, чтобы вы пошли с ним,— догадался Джерри.

Вега колебался, но, взглянув еще раз на мионянина, решился.

— Я иду, а вы возьмите оружие,— сказал он.— В случае чего...

— Ясно, мистер.

Элий ничего не понял из этого разговора. Он привел Вегу в зал. Увидев холодные и печальные лица мионян и расстроенного Скрибина, Вега подумал: «Им все известно».

Он машинально сунул руку в карман. Прикосновение к револьверу вернуло ему в какой-то мере самоуверенность. Но странное дело. В поведении Скрибина он не заметил особой перемены.

— Что случилось?

— Снова нападение. Причем с самыми трагическими последствиями,— сухо ответил Скрибин.

— Какое нападение?

— Посланцы мионян уничтожены ракетами с Земли.

Это сообщение удивило, но отнюдь не опечалило Вегу.

— Я глубоко сожалею,— сказал он,— но чьи были эти ракеты?

— Ваши! — уверенно ответил Скрибин.

Вега нахмурился.

— А вы откуда знаете?

— Ваша дерзость выходит за всякие рамки,— продолжал инженер.— Скоро звездолет приземлится в степи у Каспийского моря, и тогда все выяснится.

Вега почувствовал, как его охватывает страх, но поспешил взять себя в руки.

— Но у нас другой маршрут! Я протестую!— заявил он.— Нам нечего делать в этой степи!

— А мне нечего делать в компании ваших друзей на Луне!

— Но ведь я только выполнял приказание! — в замешательстве сказал Вега.

Ему не хотелось обсуждать этот вопрос. Поэтому он с напускным негодованием воскликнул:

— Таомей! Вы уже однажды выразили сожаление, что применили насилие по отношению к нам, не так ли? Неужели вы опять прибегнете к насилию?

Взгляд Таомея ясно говорил, что мионянин колеблется. Его чувство справедливости и долга подвергалось испытанию. Он заговорил без слов со своими товарищами. Лицо математика Лайоя покрылось краской, и он решительно произнес какое-то слово. Оно явно означало несогласие. Вега со страхом ждал приговора. Он нервно сжимал в кармане рукоятку револьвера.

Таомей улыбнулся Лайою и, повернувшись к Скрибину, добавил по-русски:

— Через час отправляемся в путь!

Вега постоял с минуту в нерешительности, а затем быстро вышел из зала.

— Мы пленники! — сказал Вега.

Робсон, Джеймс и Джерри тупо уставились на своего шефа. У каждого из них в кармане был автоматический пистолет. На столе перед ними лежали четыре продолговатых тюбика с усыпляющим газом. Оставалось схватить Анну и Скрибина, открыть люк звездолета и вылететь.

Робсон выплюнул жвачку, вытер ладонью губы и, ударив кулаком по столу, глубоко вздохнул.

Вега недовольно скривился.

— Сохраняйте спокойствие, господа! Есть выход из этого положения.

— Какой? — хором спросили члены экипажа.

— Мы должны захватить корабль! Это наш единственный шанс. Так что рискнем, господа!

Робсон и Джеймс побежали к «Космосу», а Джерри по поручению Веги пошел разузнать, что делают мионяне. Вскоре он вернулся и сообщил, что они собрались в зале вокруг стола, на котором разложены звездные карты. Скрибин тоже там. По-видимому, обсуждают предстоящий полет.

Все четверо надели скафандры, проверили пистолеты и бесшумно направились по коридору. Из зала доносились голоса. Вега поднял руку. Секунда, две... Резким движением он распахнул дверь, и они ворвались в салон. У каждого в руке был тюбик, из которого с шипением вырывалась струя сжатого газа.

Все произошло очень быстро. Мионяне обернулись и с удивлением увидели людей в скафандрах. На них были направлены четыре пистолета. В первый момент они даже не поняли, что происходит. Скрибин бросился навстречу Веге и космонавтам, чтобы остановить их, но газ действовал почти мгновенно. Он пошатнулся, глубоко вздохнул и повалился на ковер. Мионяне молча двинулись на землян.

Мионяне молча двинулись на землян.

— Назад! — крикнул Вега, и его голос, усиленный громкоговорителем скафандра, прозвучал мощно и повелительно.— Буду стрелять!

Мионяне остановились, зашатались. Усыпляющий газ оказывал свое действие. Таомей воскликнул:

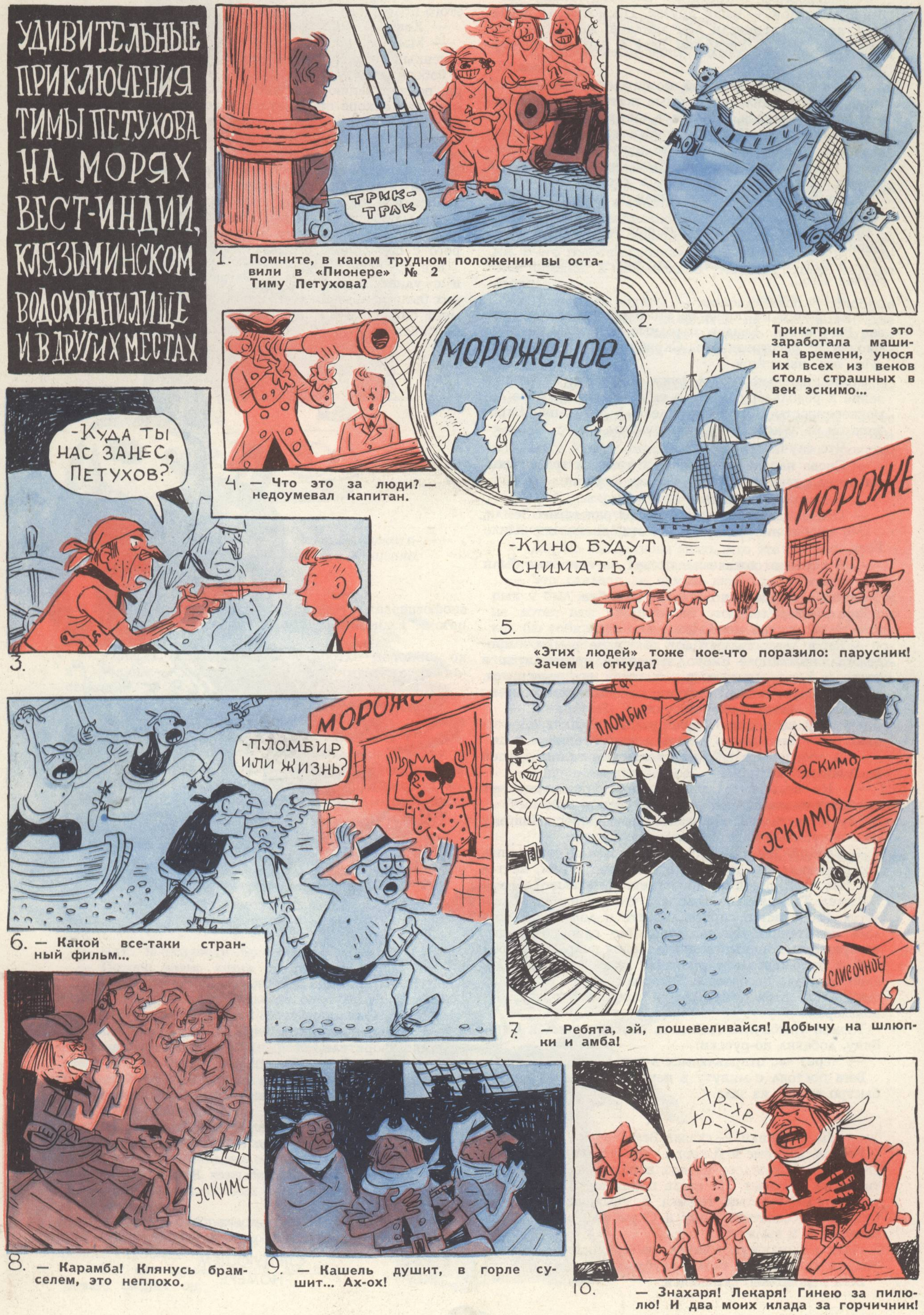
— Что это значит?

Но он так и не услышал ответа Веги: ноги у него подкосились, и он рухнул на ковер рядом со Скрибиным.

— Связать их,— распорядился Вега.

ОКОНЧАНИЕ
В
СЛЕДУЮЩЕМ
НОМЕРЕ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТИМЫ ПЕТУХОВА НА МОРЯХ ВЕСТ-ИНДИИ, КЛЯЗЬМИНСКОМ ВОДОХРАНИЛИЩЕ И В ДРУГИХ МЕСТАХ

1. Помните, в каком трудном положении вы оставили в «Пионере» № 2 Тиму Петухова?

2. Трик-трик — это заработала машина времени, унося их всех из веков столь страшных в век эскимо...

3.

4. — Что это за люди? — недоумевал капитан.

5. «Этих людей» тоже кое-что поразило: парусник! Зачем и откуда?

6. — Какой все-таки странный фильм...

7. — Ребята, эй, пошевеливайся! Добычу на шлюпки и амба!

8. — Карамба! Клянусь брамселем, это неплохо.

9. — Кашель душит, в горле сушит... Ах-ох!

10. — Знахаря! Лекаря! Гинею за пилюлю! И два моих клада за горчичник!

11. — Кэп! Тут все снадобья, какие нашлись в этой лавочке...

12. По одной три раза перед едой...

13. В трюме было тихо, лишь хрустели таблетки...

14.

15. — Хм! В этом корыте песок... Не золотой ли, Сем? — Надо думать, Берк!

16.

17. — Вася, они чокнулись, да? — Сам не пойму. Давай водяную тревогу! — Даю.

18. ...И за борт «ее» бросает в надлежащую волну...

19. — Эй, парни, смотрите, кто на нас едет! Все наверх! Все за борт!

20. — Гражданин, извиняюсь за прическу, но тонуть у нас запрещается!

21. — Не горюй, Тимофей! А этим всем по пятнадцать суток!

22. — Смотри, Боб, из-за этого парня мы никогда не увидим наши клады.

23. — Здравствуйте, Полиглот, это ваша машина, возьмите. И спасибо вам.

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА

Лев РАЗГОН

«ЭТО МОЛОДОСТЬ НАША ПРОХОДИТ, ПОДНЯВ ПАРУСА!»

...По старой читательской, еще с детства сохранившейся привычке сначала быстро листаешь книгу, прежде чем внимательно посмотреть на название, на фамилию автора...

Мелькает множество имен, известных и неизвестных, даты партийных съездов, забастовок, восстаний. На рисунках изображены революционеры в косоворотках, студенты в коротеньких куртках, усатые городовые с шашками... Значит, это про историю, про ту историю, которую мы «проходили» в школе?

Но почему же тогда такое странное название у этой книги? **«Баллада о большевистском подполье»...** Баллада!.. Но ведь книга написана не стихами, и написал ее не поэт, написала книгу старая большевичка, писательница **Елизавета Драбкина...**

Чтобы понять это название, надо начать читать. А начав, ты уж не сможешь оторваться. Поэзия великого подвига, доброты и самопожертвования ради угнетенных и составляет содержание истории большевистской партии, о которой написала свою «Балладу» Елизавета Драбкина. В ее книге нет ничего от учебника. Ведь история нашей партии вовсе не состоит лишь из перечислений дат, событий, из постановлений съездов и конференций. История партии в действительности состоит из человеческих судеб, из историй жизней, каждая из которых способна поразить воображение, заставить содрогнуться от восторга, от горя, от гордости... Эти мужчины и женщины с высоко поднятой головой прошли «свой доблестный путь, благородный», как пелось о них в старой песне.

Герои этой книги — профессиональные революционеры. Нам трудно сейчас представить себе людей такой странной, такой необыкновенной профессии — революционеры. Мы привыкли думать, что профессия — это труд. А революция — это конспиративные квартиры, это оружие, провозимое под носом у полицейских, это — красное знамя на баррикадах... Конечно, все это было: и явочные квартиры с условными знаками; и бегство от шпиков проходными дворами; и бомбы, взрывающиеся у ног жандармов; и красное знамя, с которым бесстрашно шли в бой отважные большевики.

Но жизнь революционера — это прежде всего труд. Ежедневный, ничем не нормированный, тяжелый и упорный труд. Это множество часов сидения за однообразным делом: тоненькой иголкой в книге делать почти совершенно незаметный надкол над буквами; покрывать страницы многими тысячами цифр — так шифровалась переписка между революционными организациями. А подпольные типографии, где печатались революционные прокламации? Вот как об этом пишет Е. Драбкина: «Работник подпольной типографии обязан был полностью порвать с внешним миром, не выходить на улицу, не встречаться ни с кем, даже с самыми близкими людьми, даже с товарищами по партии, если они не были связаны с работой типографии. Порой он неделями и даже месяцами не делал ни одного глотка свежего воздуха.

Его жизнь протекала в полумраке, при свете слабой керосиновой лампы. Он набирал, печатал, спал тут же, у типографского станка, ел скудную пищу, знал только свой нервный, напряженный труд, только свою изолированную жизнь, лишенную каких бы то ни было впечатлений, кроме постоянной настороженности и чувства опасности».

И можно еще рассказать о людях, которые занимались тем, что упаковывали, рассылали, перевозили большевистские газеты и брошюры; о тех, кто писал по ночам статьи в газеты и брошюры; о тех, кто, обманув шпиков, следящих за ними, приходил в какой-нибудь домик на рабочей окраине и занимался

это ещё вопрос?

Какая самая интересная книга в твоем доме?

Когда можно сказать, что в доме много книг?

Даешь ли ты свои книги читать другим?

с кружком рабочих... Это были люди разных специальностей: агитаторы, пропагандисты, техники, боевики... Но все они были объединены своей необыкновенной, ни на что не похожей профессией — они делали революцию.

В «Балладе о большевистском подполье» есть глава, которая называется «Кандальный звон». Помните слова этой старой-старой песни? «Динь-бом, динь-бом — слышен звон кандальный, динь-бом, динь-бом — путь сибирский, дальний...» В эти кандалы, тяжелые, ржавые, заковывались люди, осужденные на каторгу; люди, о которых в приговоре было сказано: «Лишить всех прав состояния»

Через это прошли сотни и тысячи большевиков. В каторжных централах, рассыпанных, как тифозная сыпь, по всей России, сидели большевики, «лишенные всех прав состояния». Орджоникидзе — в Шлиссельбургском, Дзержинский — в Орловском, Рудзутак — в Бутырском, Фрунзе — во Владивостокском... А тех, на кого не удалось подобрать показаний, кто вовремя успел уничтожить при аресте все «доказательства преступной деятельности», тех без всякого суда, приказом по министерству внутренних дел, отправляли в ссылку. В приполярные болота Архангельской губернии, в далекую сибирскую Туруханку, еще дальше — в Верхне-Колымск, на самый «полюс холода»...

Но странное дело... Когда читаешь у Елизаветы Драбкиной про этот страшный, тюремный быт, про долгие, тюремные дни и ночи, про голодную, ссыльную жизнь, не испытываешь ни жалости к революционерам, ни страха перед тюремщиками. Конечно, отвратительно, ужасно, опасно для жизни очутиться в лапах жандармов и полицейских. Но революционеры-большевики знали, на что они идут: И не боялись этого. Ведь большевиками были люди, составляющие цвет народа! Это были люди молодые, блещущие физической и духовной красотой. Даже в тюрьме, даже на каторге они подавали другим высокий пример человеческой гордости и душевной красоты. Они поддерживали слабых, делились последним куском хлеба с голодными, учили людей грамоте, превращали тюрьмы в настоящий народный университет, откуда выходили на волю люди опытные, дружные, знающие всему истинную цену. Злобе тюремщиков они противопоставляли свою сплоченность, свою молодую напористость. Они, вопреки воле жандармов и тюремных надзирателей, оставались людьми во всем. И недаром следующая после «Кандального звона» глава книги называется «Страницы любви».

Потому что в жизнь революционеров любовь входила так же властно и красиво, как и в жизнь других людей. Нет, еще более властно, более сильно! Ей приходилось преодолевать невероятные препятствия, толстые тюремные стены, тысячи верст тайги и болот... Жены большевиков сами были большевичками, членами партии, они не ждали никакого снисхождения от царских жандармов. И участь их была часто намного труднее, нежели участь мужчин.

Но что бы ни происходило с членами большевистской партии, какие бы испытания их ни ждали, они были сильны верой в святость своего дела, сплоченностью, поддержкой рабочего класса. И страницы прошлого нашей партии навсегда останутся самыми красивыми, самыми трепещущими в великой книге нашей истории. Потому что это страницы ее молодости, потому что это — прошлое, о котором следует сказать так, как сказала словами поэта Е. Драбкина: «Это молодость наша проходит, подняв паруса».

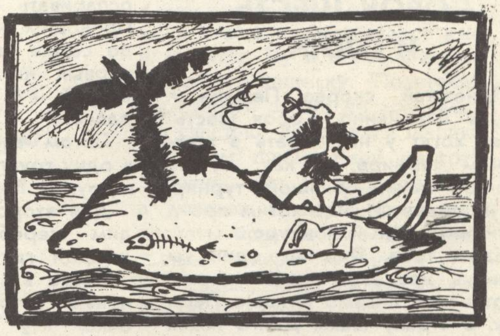
ПОЛЕЗНАЯ КНИГА

Один американский журналист проводил среди писателей и артистов анкету о том, какую книгу выбрал бы каждый из них, очутившись на необитаемом острове.

Ответы были самые разнообразные: «Библия», «Творения Шекспира», «Творения Свифта» и т. д.

Когда этот вопрос был задан Гильберту Честертону, английскому писателю и критику, он ответил:

— Самая лучшая книга в подобном случае — это руководство по постройке лодки.

ДВА АРТИСТА

Выдающийся русский скульптор М. М. Антокольский проезжал однажды через Берлин. Он зашел в парикмахерскую, постригся и затем спросил, сколько с него следует.

Только что перед его приездом в Берлине была организована выставка произведений скульптора. Портреты Антокольского появились во многих газетах и журналах. Парикмахер узнал его и почтительно ответил:

— Помилуйте, господин Антокольский, какие могут быть счеты между артистами!

Антокольский улыбнулся и вышел. А через несколько дней парикмахер получил превосходно вылепленный бюст художника и записку, в которой значилось:

— Артисту ножниц от артиста резца.

СОРОК ШЕСТЬ И ОДИН

«Приезжай скорее Пешкин к нам, в Ладейкино. Сорок шесть ребят хотят у нас играть в шахматном турнире, а как лучше устроить такой большой турнир, мы не знаем. И еще хотим провести интересный конкурс...

Ждем тебя, Пешкин, один ты можешь нас выручить».

Вот какое письмо пришло Пешкину, в страну шаха. Долго искал он на карте село Ладейкино. Нашел. И было оно не далеко, не близко...

На шахматном коне в те края долог путь. Оседлал Пешкин свой мотоцикл, на багажнике фигуры для конкурсных задач разместил и отправился к ребятам.

ПО «ШВЕЙЦАРСКОЙ СИСТЕМЕ»

Долго ли, коротко ли, вот и Ладейкино показалось. Высыпали ребята Пешкину навстречу. А потом на спортивной площадке все собрались.

Вот какой совет Пешкин дал любителям шахмат.

При большом количестве участников хорошо проводить турниры по «швейцарской системе».

Не знаете, что это за система? Сейчас объясню.

У вас сорок шесть желающих оспаривать первенство лагеря. Проводим жеребьевку от первого до сорок шестого номера. Пусть первый играет с сорок шестым, второй — с сорок пятым, и так далее.

Потом все выигравшие войдут в одну группу, сделавшие ничьи — в другую, проигравшие — в третью.

Для второго тура снова проводим жеребьевку, но уже для каждой группы отдельно.

После второго тура составляем новые группы из имеющих: 2 очка, $1\frac{1}{2}$ очка, вплоть до тех неудачников, которые потерпели на старте два поражения.

И опять надо сделать так, чтобы между собой играли шахматисты, имеющие одинаковое количество очков.

Всего должно быть сыграно 8—10 туров. Следите за тем, чтобы участники играли примерно одинаковое количество партий белыми и черными.

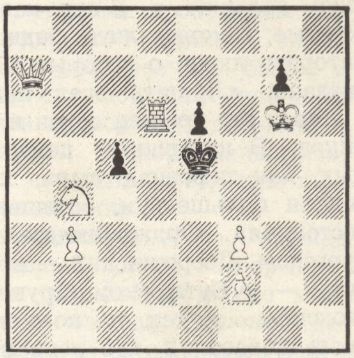
Затем подсчитываются очки и определяются занятые места. Если на первом и втором местах оказались участники, набравшие равное количество очков, между ними организуйте матч из 2 партий на звание чемпиона.

По «швейцарской системе» можно проводить турниры и в других пионерских лагерях, если и там будет много желающих сражаться за шахматной доской.

ДВА ЗАДАНИЯ КОНКУРСА

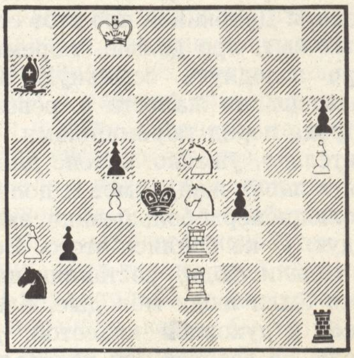
А потом Пешкин предложил ребятам решить две красивые задачи.

— Ваш лагерь находится в селе Ладейкино,— сказал он,— и задачи я привез вам такие, где ладьям предстоит хорошо поработать.

В этом положении белые, начиная игру, дают мат в два хода.

И эту и следующую задачи Пешкин включил в конкурс на получение спортивного разряда. Это будут два последних задания нашего заочного соревнования.

А в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

Хоть и трудные были эти задачи, но многие ребята из села Ладейкино с ними справились. Удастся ли это сделать вам?

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

А теперь Пешкин обращается ко всем ребятам, которые выступают в нашем конкурсе на получение спортивного разряда.

Проверьте, друзья, свои решения и подсчитайте очки.

Журнал № 1 «Под огнем неприятеля» 1 Фb6!
«Король в мешке» 1. Cf3! Лf1 2. Kf2! 1 ... Лd1. 2. Kd2!

Журнал № 2 Мат в 6 ходов. 1. Лb2! b4 2. Лb3 Крa2 3. Kd3 Крa1 4. Лa3 + ba 5. Kc1 a2 6. Kb3 мат.

«Шахматная стена» 1. Ca4+! Кр: a4 2. b3+ Крb5 3. c4+ Крc6 4. d5+ Крd7 5. c6+ Кр : d8 6. f5. У черных лишние две ладьи и слон, но построенная белыми стена неприступна.

ИЮНЬСКИЙ ЛИСТОК

Этот месяц люблю за многое: тепло, день длинный и вся зелень еще новенькая. Захочу — и трамваем на Москву-реку, в Щукино, плавать. На том берегу Тушинское поле, аэродром—и смотришь себе, как самолеты летают, как парашютисты прыгают. А еще в июне у меня день рождения. Готовлю подарок. Хочу щенка завести. Порода мне безразлична, хоть дворняга, да был бы умен. Я уж его всему выучу: и служить и петь под губную гармошку, которая, между прочим, давно у меня имеется...

ЗАГОГУЛЬКА

Перестали часы куковать,
И неправильно стал он вставать,
Думал: «Сам я едва ль прокукую»,
Снял часы и отнес в мастерскую.
Вот несчастную птичку в починке
Развинтили на две половинки.
И свинтили, как было, и вот
Деревянная птичка поет....

О ПОЛЕТЕ НА ВОЗДУШНОМ ШАРЕ

(Смотри «Майский листок».)

В прошлый раз чуть вправду не улетел. Как жив остался, не знаю. Шар-то лопнул! Я еще, главное, спрашивал, каким он клеем его крепил? А Саша буркнул что-то и уже балласт выбрасывает. Ну и полез я к нему в эту кошелку. Полетели! До второго этажа не долетели. По счастью! Расклеился шарик. По всем швам. Клей не тот! Впрочем, хоть и прихрамываю, а доволен. Сашка-то сознался: расчеты брал наобум. Пересчитывает теперь. А клей я ему сам сварю, знаю состав из тараканьих лапок!

ИЗ МОЕГО ДНЕВНИКА... Замечаю за собой в последнее время: то заплечный мешок на глаза мне попадется, то дорожная моя палка в ноги сама сунется, или вот, вчерашний день, сел после чаю и дотемна не разгибался над картой Подмосковья... К чему бы это, думаю? О-хо-хох!

НЕ СПРОСИШЬ — так и не отвечу...

Антон Загогулин, скажите, пожалуйста, Вас как-нибудь дразнили когда Вы еще учились в школе? Я-Колька, а дразнят меня Килькой

ОТВЕТ. Дразнили, братец, а как же без этого. Батон звали и еще почему-то Валенком. На Валенка я не откликался, а Батон, — так не съедят же ведь! Считаю, что клички вообще если не оскорбительны, то пускай будут. Впрочем, это как кому. Избавиться же от клички трудно. Ты, Коля, считаешь Кильку очень обидной? А попробуй не обращать внимания. Пусть зовут, а ты не сердись! И напиши мне, как там у тебя.

Итак, Кильке от Валенка привет! Не сердишься? Молодец!

ДЫРКА В ЗЕМЛЕ

РЕДКИЙ НАУЧНЫЙ ФАКТ ИЛИ БОЛЬШАЯ ЗАГОГУЛИНА

Есть люди, с большой охотой залезающие в норы, трещины и прочие пустые места земной коры. Так вот, может, понадобится кому-либо то, что я с детства помню... В Малых Бельмесах, откуда я родом, прямо за околицей, сбоку, дыра, уходящая отвесно в недра. И какое это явление, никто не знает. Бывало, в выходной день пойдут наши мужики да парни собирать по деревне веревки, а детишки — камни, палки. Пока большие веревки связывают, ребятня туда всякий хлам швыряет, потом лягут на животы, головы вниз свесят и слушают, нет ли звука? И звуки есть, тихие, но имеются. Дырка эта с незапамятных времен около деревни, даже можно сказать, что деревня возле дырки,— ею и знаменита в округе. Ну, а как веревку большую свяжут, так кто посмелей, спускается. Отец мой говорил, что его деда дед так вот и сгинул. Любознательность его погубила. Сел в петлю и народу велит: мол, крепче держите! А как заору — назад дергайте! И сам туда. Вскоре, кто держал, чуют что-то, легкая стала веревка. Вытянули ее — нету нашего предка, а петля цела и к ней шапка привязана... Как понять? До сих пор загадка.

И уж чего только мы туда не швыряли! И бревна и дрянь всякую, и кричали туда, что на ум взбредет, однако никакого серьезного результата... Может, кому любопытно, так приезжайте, увидите!

Антон Загогу...

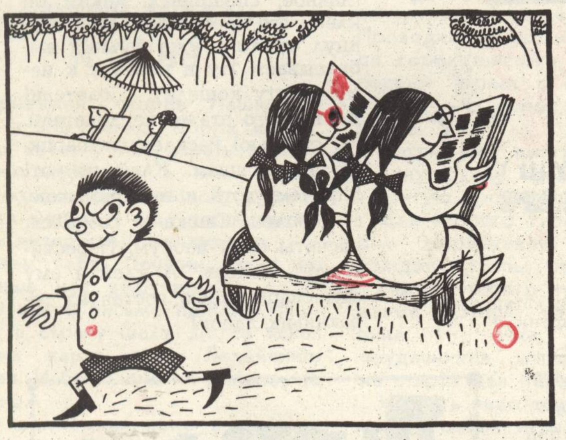
Дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Три сороки

Три болтливые сороки
У различных птиц гостили,
Буквами заполнив строки,
Догадайтесь, с кем сороки
Ели джем и пиво пили.
Не забудьте, что таится
В каждой строчке
только птица.

Скверный Пьер

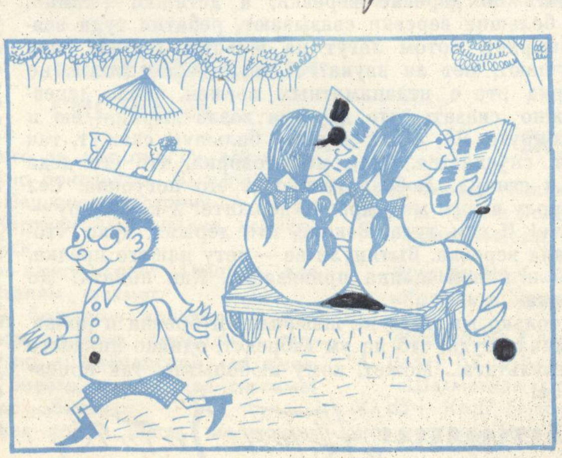
Французский поэт Анри Муано написал большую поэму «Скверный Пьер». В этой поэме он пытался перевоспитать одного мальчика, который вел себя не очень хорошо. Художник Анри Ами нарисовал иллюстрации к «Скверному Пьеру».

— Но, позвольте,— сказал поэт, посмотрев на первый же рисунок,— у меня в поэме говорится:

Две верных подруги надели очки,
Читая на солнышке в сквере,
Две верных подруги Мими и Кики
Не думали вовсе о Пьере.

А у вас очки только у одной девочки. Рисунок надо переделать. Внимательные ребята сразу заметят эту неточность.

Художник переделал иллюстрацию и внес в нее еще шесть других мелких изменений. Найдите их.

Помогите кроту

Надоело жить кроту
Погруженным
в темноту.
Просит дать ему совет,
как же выбраться
на свет.

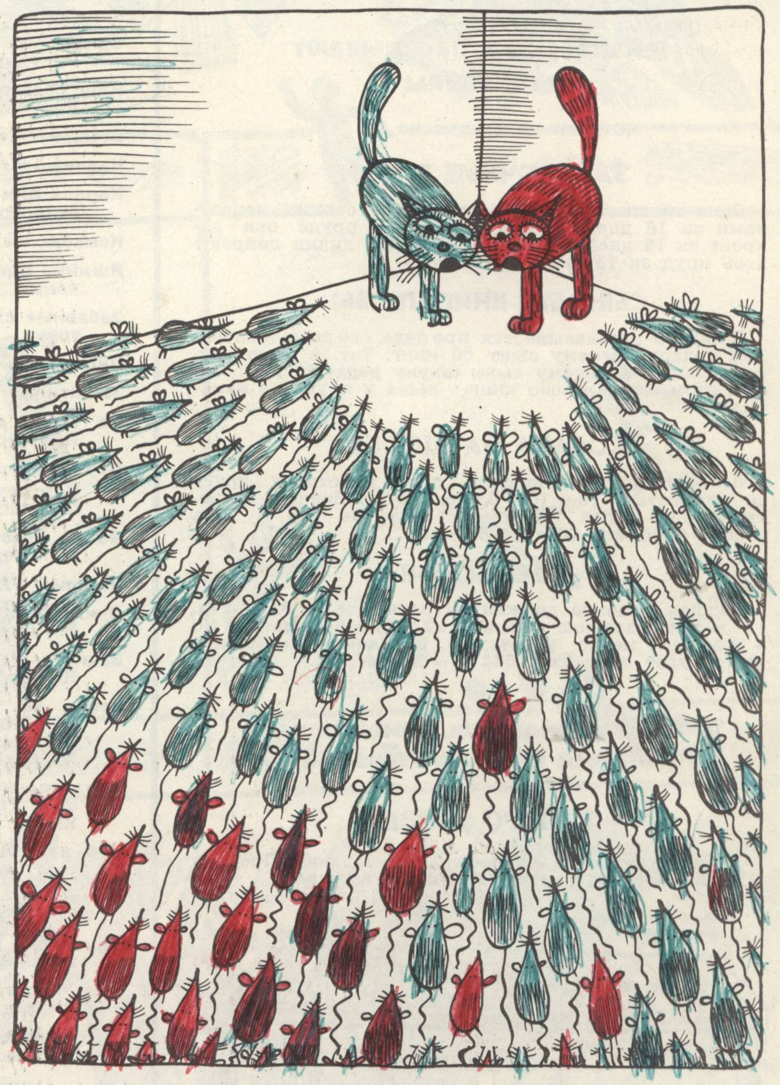

п а л а т а   у м а

АЗАЧАД

Сколько мышей видите вы на рисунке?

Чтобы ответить на этот вопрос, переставьте буквы из верхних квадратиков в нижние в таком порядке, чтобы внизу получилось обыкновенное слово, имя существительное (например, азачад — задача). Из первых букв найденных слов составится ответ, с бесспорностью которого вы не сможете не согласиться.

м	н	и	т	и	в	а

к	к	а	п	р	и	с

и	х	е	д	а	н

л	о	д	у	х	и

ХИТРОУМНЫЙ СЕРЕЖА

Спросил я у Сережи:
— Ответь на мой
вопрос,
Чем буква «к» похожа
На поросячий хвост?
Сережа взял бумагу
И карандашик взял,
Свиненка-симпатягу
Сергей нарисовал.
Задумался... И что же?
Ответил на вопрос,
Чем буква «к» похожа
На поросячий хвост.

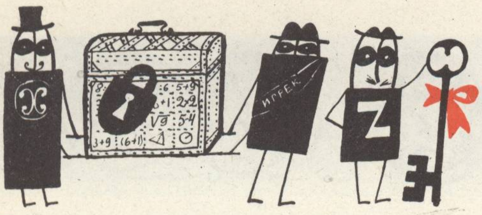

Умней, чем у Сережи,
Не сыщешь головы.
Попробуйте-ка все же
Найти ответ и вы!

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

Необычайная операция

У какого животного достаточно отсечь голову и хвост (первую и последнюю букву), чтобы превратить его в девочку, которую зовут... Как ее зовут, вы и должны узнать, проделав эту необычайную операцию.

Неизвестные раскрывают свои тайны

(Ответы на задачи из № 5.)

ЗАГАДОЧНЫЕ ЛИЛИИ

Одна лилия закрывает весь пруд своими лепестками за 16 дней. Значит, половину пруда она закроет за 15 дней. Следовательно, две лилии покроют весь пруд за 15 дней.

СЫНОВЬЯ-КНИГОЛЮБЫ

В задаче рассказывается про деда, его сына и внука. Дед подарил своему сыну 60 книг. Тот, в свою очередь, подарил своему сыну (внуку деда) 30 книг, но при этом общее число книг у сына и внука не изменилось.

СОБАКА НА ШОССЕ

Велосипедисты двигались друг навстречу другу со скоростью $15 + 10 = 25$ км в час. Значит, встретятся они через $100 : 25 = 4$ часа. За эти 4 часа собака пробежит $20 \times 4 = 80$ км.

СОСЧИТАЙ-КА

Каждая команда должна сыграть $16 \times 2 = 32$ матча. 17 команд должны сыграть $32 \times 17 = 544$ матча. Но в каждом матче участвуют две команды. Значит, всего будет проведено $544 : 2 = 272$ матча.

●

Ответы на задачи, помещенные в отделе «Ума палата» № 5

ПЯТЕРО ДРУЗЕЙ

Ты ответил на вопросы этой задачи? Проверь себя. Вот как нужно заполнять таблицу:

Этаж	8-ой	9-ый	10-ый	11-ый	12-ый
Имя	Коля	Петя	Вова	Миша	Женя
Птица	чиж	Попугай	дрозд	снегирь	щегол
Цвет кормушки	красная	желтая	голубая	белая	оранжевая
Корм	просо	вика	гречка	хлебные крошки	овес

Сведения нужно расположить в таком порядке: 4, 8, 10, 1, 7, 9, 3, 6, 2, 5.

ШКАТУЛКА С АЛМАЗАМИ

Барон Мюнхаузен сказал правду. Он разгадал уловку торговца. Мюнхаузен вынул один камень из шкатулки с дощечкой «алмаз—рубин» и определил, какие камни лежали в других шкатулках. В этой шкатулке (помните условия торговца?) лежали или два рубина, или два алмаза: если вынуть алмаз, тогда в шкатулке с дощечкой «алмаз — алмаз» лежат два рубина, а в шкатулке с дощечкой «рубин — рубин» — алмаз и рубин.

СОДЕРЖАНИЕ

●

●

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 53-30-73.

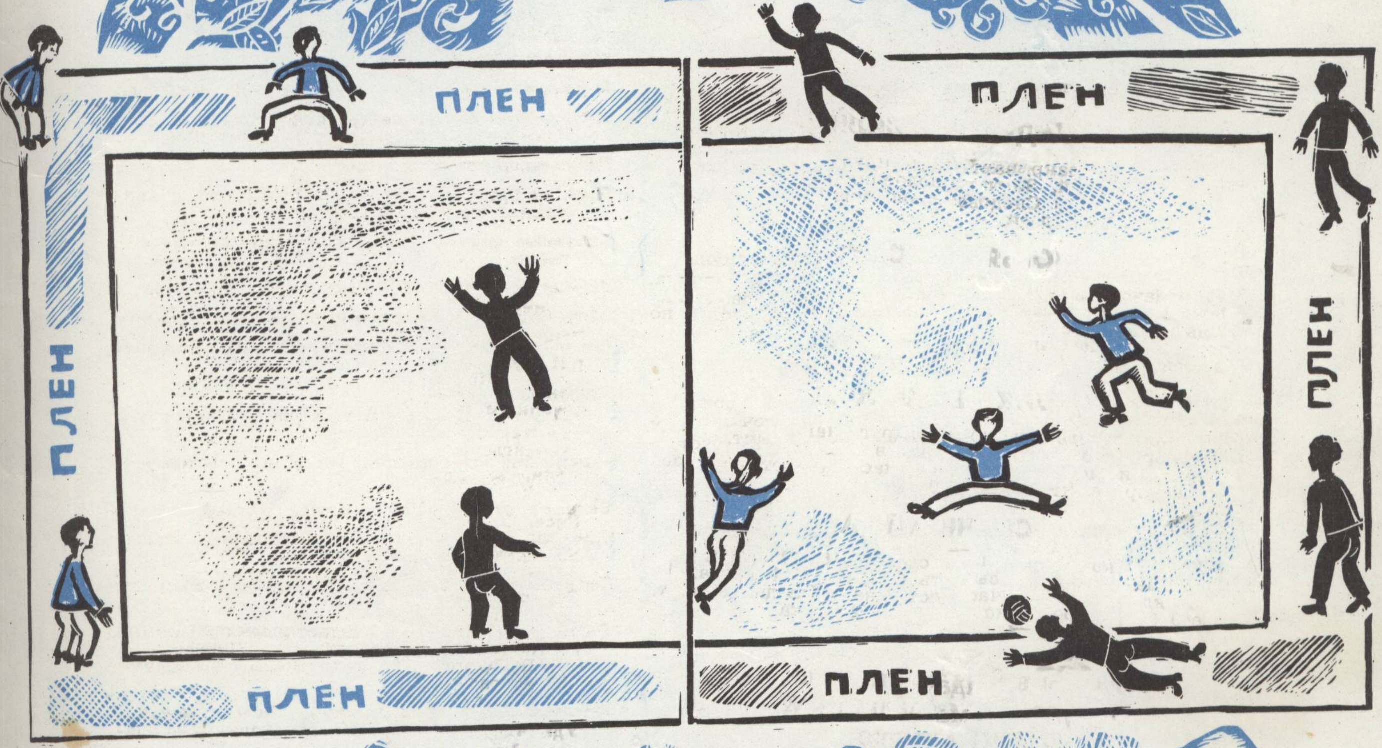
Рукописи не возвращаются.
Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 00100. Подписано к печати 17/V 1968 г. Формат бумаги 60×84 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 967.700 экз. Изд. 1012. Заказ № 1316.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

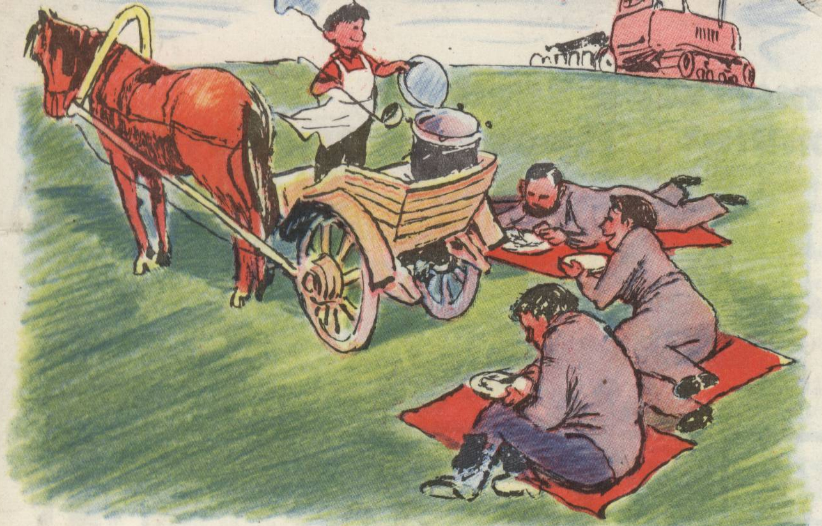
Квадраты — игра звеньев

Ее предлагает тебе дружина „Красная звездочка"

Квадраты — игра, похожая на круговую лапту. В ней тоже считается выбитым тот, в кого попадет мяч. Но он не выходит из игры, а переходит на площадку „Плен", в тыл команде противника и продолжает играть. Находиться он может в любой точке плена. Он может принять мяч и выбить им противника, а может передать его товарищам по команде, находящимся, так же как он, в плену или на площадке. Выиграет та команда, игроки которой отправят всех своих противников в плен.

размер поля 9x18м

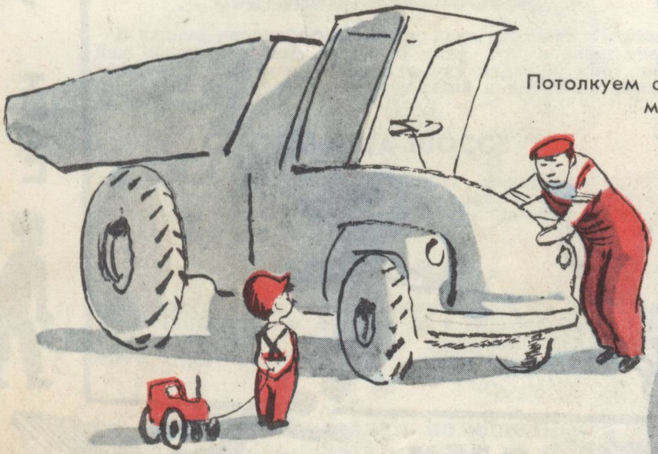

Механизаторам некогда. Обед привозят в поле добровольные помощники.

586

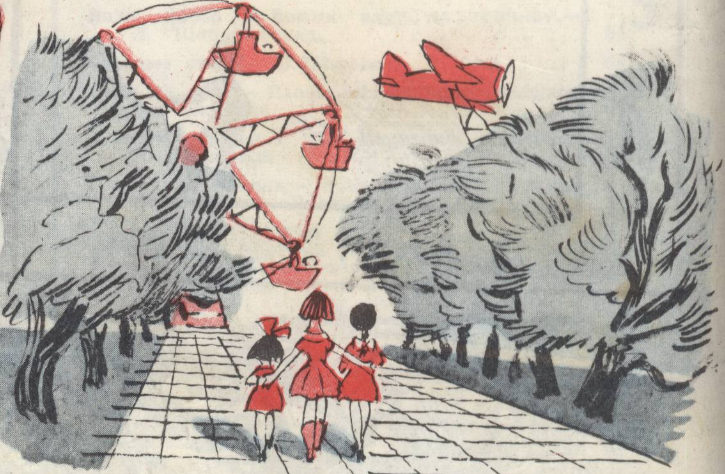
Утро в новом доме.

Потолкуем о наших машинах.

Репортаж из кубанской станицы Платнировской ведет художник Юрий Черепанов.

В сорока километрах от Краснодара находится станица Платнировская. Она была основана казаками в 1794 году. В этой старой станице я увидел столько нового, что хочется кое о чем рассказать.

Хотите покататься на колесе обозрения, приезжайте в станицу Платнировскую.

Сегодня в клубе занятия музкружка.

В день 50-летия Октября пионеры замуровали в стену школы рассказ о своей дружине.

Цена 25 коп.
Индекс 70694